

**Великопостное богослужение: объяснение
богослужения подготовительного к Св.
Четыредесятнице и богослужения Св.
Четыредесятницы
священник Георгий Орлов**

I. Церковное приготовление к Великому посту

Как пред начатием брани вожди обыкновенно вооружают и готовят своих воинов, возбуждая в них усердие и мужество, так и православная церковь, приближаясь ко времени великого поста, готовится нас – своих духовных воинов – к наступающей духовной брани во дни Святой Четыредесятницы. Считая первым оружием добродетели покаяние и смирение, церковь еще в неделю по просвещении вещает нам в евангелии, как Сам Господь *начат проповедати и глаголати: покаятеся, приближибоя царствие небесное*. Потом, в чтениях евангельских и церковных песнях в недели последующие раскрываются нам все необходимые принадлежности и вспомогательные средства покаяния.

В неделю о *Закхее* представляется благодать, предваряющая и спасающая грешника. Сам Господь, пришедший взыскать погибших, взыскует известного всем грешника, начальника мытарей; находя в нем веру и любовь, приносит в дом его спасение и дарует ему достоинство истинных чад Авраама. *Днесь спасение дому сему бысть, сказал Учитель небесный, зане и сей сын Авраамль есть (Лук. 19:9)*.

В неделю о *Мытаре и Фарисее* познаем другое условие покаяния, какое требуется от грешника. Это смирение и сокрушение мытаревое. Хотим ли и мы из дома Божия отойти в свои дома оправданными с сладким сознанием прощения Господня? Да подражаем мытарю, а не фарисею. Забудем о наших преимуществах и каких-либо совершенствах, так как они не извинят грешников, а напротив, еще более обвиняют¹.

В неделю о *блудном сыне* изображается деятельность покаяния. Не довольно для грешника одних молитв, не довольно и временного обращения души к Богу, временных слез и сокрушения. Нет! Посмотрим, на примере блудного сына в евангелии; этот несчастный сын не только сознал свою виновность пред отцем, не только плакал в виду нечистых животных немилостивого господина своего – на стране далекой – но он, собравши все силы свои, навсегда оставил страну, ему чужую, с полной решимостью пошел прямо к отцу своему, с решимостью во что бы то ни стало достигнуть дома отеческого и просить у отца как милости звания последнего из наемников его. Такое неуклонное стремление к Отцу небесному требуется от всякого, истинно кающегося².

Следующее за неделей блудного сына воскресение называется неделей *мясопустною*, так как с этого дня прекращается мясоястие, или

неделю о *страшном суде*, так как в этот день в евангелии на литургии положено читать притчу Спасителя о страшном суде Божиим. Притча Спасителя, читаемая в евангелии на литургии в этот день, составляет, в свою очередь, и предмет его особенной церковной службы. Кого не тронули ни образ смирения мытаря, ни бедствия блудного сына, тем церковь почла нужным представить сильнейшее побуждение к раскаянию и сокрушению – грозную картину страшного суда. В службе недели мясопустной собрано все, что есть величественного и трогательного, – все, что только может пробудить человека от беспечности и внушить грешнику страх Божий.

Пред воспоминанием в неделю мясопустную страшного суда, св. церковь почла также нужным, по приличию времени, молиться об усопших чадах своих, имеющих некогда предстать страшному суду Божию, и потому она положила совершать заупокойную службу в субботу пред неделю мясопустною. Здесь церковь молится за всех, от века почивших, чтобы ни одна душа не явилась безответною на суде; особенно молится она о скончавшихся напрасною смертию. В песнях церковных того дня исчислены все виды и случаи нечаянной смерти, – и за всех несчастных, подвергшихся какой-нибудь из них, церковь усердно молится, а напоминанием о внезапной кончине, могущей каждого из нас постигнуть, снова побуждает к покаянию.

Так святая церковь, в течение многих недель, prepares нашу мысль к посту. Теперь она хочет приготовить к нему и наше тело. Так как подвиг поста в начале представляется всегда труднее, то, чтобы не утратить немощь нашу, она определила для последней пред постом седмицы не такой строгий пост, каков будет во время св. четырехдесятницы. Она постепенно хочет отучить нас от многоядения и мясоядения – и приучить к нище постной и суровой.

Чтобы трудность подвигов поста облегчить для нашей немощи, святая церковь указывает на целые тысячи примеров, из которых самым очевидным образом доказывается та истина, что пост благопотребен для нас и полезен.

«Моисей божественный в Синаи *воздержанием* Богу лицом к лицу глаголати сподобися».

«Чудный Енох *воздержанием* преложися от земли».

"*Постився древле...* Илия на колеснице огненной возношашеся».

"*Пощением* иногда мудрый Исаия угля огненнаго клещею вкушает, егда ко устам его прикоснуса».

"*Постився* прежде Даниил и трие отроцы вкупе, челюсти львов

сокрушивше, горящий пламень попраша».

«Иону в ките честное спасе *пощение* иногда".

"*Постився* прежде Иосиф, смещения избеже беззаконныя жены и царство улучи».

"*Пощением* Давид победу постави на иноплеменника и царство обрете».

«Моисей в Египте море раздели и люди проведе и пропита их в пустыни непроходней, *постом* творя чудеса».

«Иисус Навин *воздержанием* люди освяти и наследствова землю обетованную, Иордан прешед прежде».

«Гедеон токмо с тремя стами мужей побеждает иноплеменника, *воздержанием* и молитвою».

«Апостолов лик *пост* показа вселенней всей возсияющий и светлостию божественною просвещающий мир»³.

Святая Церковь знакомит нас и с сущностию истинного поста христианского, чтобы предварительно мы знали, в чем состоять должен пост наш, и не теряли напрасно труда и времени, когда настанет самый пост, в недоумениях наших.

«Пост сей не снейдей точию, но и языка и ярости, и очию, и, просто рещи, всякаго зла упразднение и отчуждение».

«Сице нам поститися подобает: не во вражде и брани, не в зависти и рвении, не во тщеславии и лести, но, якоже Христос, в смиренномудрии».

«От брашен постящися, душе моя, и страстей неочистившися, всуе утешаешися неядением; аще бо пост не доставит тебе исправления, яко ложная возненавидена будеши от Бога, и злым демоном уподобишися, николи же ядущим»⁴.

Так заботливо святая церковь вразумляет нас касательно поста.

В субботу сырную церковь воспоминает всех мужей и жен, просиявших постом и воздержанием. Чтобы яснее представить для нас весь многочисленный сонм преподобных мужей и жен, и всех просиявших постом, она разделяет их на три светлые сонма. В первом сонме мы видим имена мужей, просиявших постом и жизнью подвижническою, во втором св. жен, в третьем – святителей и священномучеников, проповедавших пост и прославившихся постом.

«Благоухание ныне исполняем, яко в рай другой текуще богонасажденных добродетелей постнических, яже в воздержании и слезах процветоша, различно плодоносящее же жительство Богу»⁵.

Так святая церковь отзывается о всех мужах и женах, прославившихся постом. Как, входя в общество людей пьяных и нечистых, чувствуешь

какой-то смрад, так, напротив, вступая мысленно в лики святых, прославленных постом и воздержанием, естественно чувствуешь неизъяснимое благоухание.

Переходя к воспоминанию и прославлению второго сонма, т.е. сонма жен преподобных, святая церковь говорит:

«Приидите, принесем песни по долгу женам преподобно и равноангельно пожившим, и воззовем: их молитвами, Боже, спаси всех нас».

Обращаясь к третьему сонму, к сонму святителей и иерархов, святая церковь говорит: «воспоим вси пастырей и мудрых учителей, святителей Христовой церкви: Василия Великаго, многострададльнаго Афанасия, Григория начальствующаго всеми в богословии, Иоанна – златоглаголивая уста, с Кириллами – богомудрыми столпами, Исихия, другого Богослова, с боговещанным и божественным Мелетием, священно-страдальцев с Поликарпом и Киприаном Христо-мучениками»⁶.

«Преподобнии отцы и священноначальницы Господни со священномучениками и женами святыми, именования и не именования, вси молите спастися душам нашим»⁷. Так святая церковь оканчивает свое воспоминание преподобных мужей и жен, святых святителей и священномучеников, просиявших воздержанием и постом⁸.

В последний день масленицы, когда любитель удовольствий не днями, а часами и минутами может исчислять уходящее от него наслаждение, святая церковь совершает воспоминание падения Адамова в раю. Она говорила прежде, как хорош пост, как благоплоден он для духа нашего; теперь она хочет раскрыть нам, как губельно невоздержание. «Изгнан бысть Адам из рая *снедию*», говорит она в одной своей песни. „*Брашно* Адам яде, – и от рая того невоздержание изрину». Праотец наш дорого заплатил за свое невоздержание. Святая церковь, напоминая это событие всем нам, потомкам Адамовым, вразумляет нас удаляться невоздержания, любить пост и послушание воле Божией; она мысленно поставляет нас *прямо рая*, из которого мы изгнаны, и влагает в уста наши слезные моления к Господу, чтобы Он, по милосердию Своему, даровал нам благодать быть опять наследниками нашего небесного отечества. Молитвенные вопли, точно вздохи, вырываются из груди грешника, и звуки, как слезы, тихо льются из растроганной души злополучного изгнанника. Эти песни чрезвычайно умирительны. Мы приведем некоторые из них.

«Рыдаю и плачу душею, и очесем ищу множества слез, егда воззрю и познаю мою наготу, юже имею от преступления».

Это вопль Адама и вместе целого человечества, так вопиет каждый

потомок Адамов. «Одеждою мя облекл еси боготканною, Спасе, во Едеме, яко благоутробен; аз же Твою преступих заповедь, веромах льстивому, и наг явихся окаянный».

«Помилуй, ущедри, Вседержителю Боже, Твоих рук творение, не презри мене, молюся, Блаже, отлучившаго себе самого от лица ангел Твоих».

Среди этих стонов взор кающегося грешника снова устремляется к раю, из которого он изгнан, и скорбь его делается еще сильнее, моление его еще умиленнее.

«Луг блаженный, сад божественный, рая красото! Ныне о мне слезы проливайте от листов, якоже от очию – обнаженнем и лишившемся славы Божия».

«О мне рыдайте, ангельстии чинове, лишившемся злополучно райской доброты и благолепия тамошняго сада и от Бога отвергшемся».

«Богородительнице Дево! яко Адамова дщи по роду, по благодати же Христу Богу Родительнице, мене, изгнаннаго от Едема, ныне воззови».

«Боже всех, милости Господи! на мое смирение благоутробно призри, и недалече послы мя божественнаго Едема, яко да зря доброты, отонудуже испадох, потщуся паки рыданми воспрियाи, яже погубих».

Так святая церковь вводит каждого из нас, потомков Адамовых, в молитвенный дух покаяния и сокрушения.

Мы еще не говорили об апостольских и евангельских чтениях, положенных для прочтения на литургии в дни сырной седмицы. В этих чтениях внимательный увидит опять благопопечительную заботливость матери нашей церкви о нас недостойных. Мы представим кратко отношение этих чтений ко времени, в которое они читаются.

В понедельник сырный читается третье соборное послание Иоанново, что писано к Гаю и содержит в себе похвалу этому праведному старцу за то, что он держался истины, т. е. веровал в Господа Иисуса Христа, как в едиnorodного Сына Божия и обетованного Спасителя миру, и за то, что был милостив и страннолюбив к возвещающим учение Христово. *Для меня нет большей радости, – писал апостол, – как слышать, что дети мои держатся истины* (3 посл. Иоан. ст. 3). *Мы должны принимать возвещающих учение Христово, чтобы сделаться споспешниками истины* (ст. 8). Не так ли и нам, устами святого апостола Иоанна, вещает святая церковь, предостерегая нас от всякой лжелюбивой молвы, от всех искушений неверия, суеверия, лжемудрования, вольномыслия, дух которых по преимуществу действует на нетрезвых и невоздержных людей в эти дни разгула? Дети мои! – вещает она нам, – для меня нет большей

радости, как слышать и видеть, что вы держитесь твердо и непоколебимо истины, открытой вам в слове Божиим и в учении святых отцев. Не наводите на меня скорби неверием, суеверием, вольнодумством, кощунством. Потом, обличая излишние наши траты на закупку огромного количества съестных припасов для этой недели, и вразумляя нас, что мы во сто раз лучше бы сделали, если бы потраченные на эти закупки деньги употребили на вспоможение бедным, на дела любви христианской, святая церковь говорит нам: – вы, дети мои, должны принимать странных, делать посильное вспоможение проповедующим слово истины и оказывать всякого рода дела любви христианской, потому что чрез это вы сами делаетесь споспешниками истины. А вы что делаете?..

В евангельском чтении, в понедельник сырнй, мы слышим повествование св. евангелиста Луки о том, как Господь Иисус Христос, приближаясь к Вифсфагии, к горе Елеонской, послал двух учеников Своих и повелел им привести ося и жребя; как исполнили ученики повеление Господне, т. е. привели ося и жребя к Иисусу и посадили на них Учителя; и как постилали Ему на пути ризы свои.

Это повествование указывает на пламенную ревность учеников Христовых к славе Его и обличает наше страшное нерадение к славе имени Господа Иисуса, особенно в эти дни. Мы бежим от Господа, от Его святой церкви, как безумные... Мы готовы отдать одежды наши, самую душу нашу миру, греху и диаволу.

Во вторник сырнй недели голос церкви делается еще строже для нас, вразумление ее еще грознее. В апостольском чтении предлагается нашему вниманию послание св. апостола Иуды. Страшные слова апостола о людях, на которых мы, во время нашей масляницы, бываем весьма похожи, о людях, которые обращают благодать Божию в случай к распутству и отвергаются единого Владыки, Бога и Господа нашего Иисуса Христа (Иуд. ст. 4), которые пиршествуют без страха, утучняя себя (ст. 12), злословят то, чего не знают (ст. 10). «Горе им!» – говорит св. апостол, – «потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей» (ст. 11). «Это безводные облака, носимые ветрами, осенние деревья, бесплодные, дважды умершие, исторгнутые, свирепые, морские волны, пенящиеся срамотою своею; звезды блуждающие, которых ожидает на веки глубокая тьма... Это ропотники, ничем не довольные, поступающие по своим похотям (нечестиво и незаконно); уста их произносят надутые слова; они оказывают лицепрятие для корысти... ругатели, угрождавшие своим нечистым страстям... Это люди, отделявшие себя от единства веры,

плотские, без духа» (Иуд. ст. 12. 12. 15. 18. 19). «О них пророчествовал и Енох, седмый от Адама, говоря: се идет Господь с тысячами святых ангелов Своих совершить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех хулах, которые произносили на Него нечестивые грешники» (Иуд. ст. 14. 16).

В евангельском чтении во вторник сырнй предлагается повествование св. евангелиста Луки о томлении, скорби и подвигах молитвы Господа нашего Иисуса Христа в саду Гефсиманском, о взятии Его слугами и народом, о допросе Его во дворе архиереове, об отречении Петра и о ругании и биении Господа во дворе архиереове (Лук. 22. 86 и след.). Этими чтениями святая церковь переносит нас ко дню страстей Христовых, ко дню, который проводится каждым из нас в самом строгом посте, воздержании, молитве, покаянии. Она хочет напечатлеть в нашем сердце картину страданий Господа, чтоб мы помнили, что сделал для нас Господь, какими тяжкими страданиями приобрел нам наше спасение.

В среду и пяток не положено апостольских и евангельских чтений, потому что в эти дни не бывает литургии, а совершаются часы. Но эти часы уже совершенно великопостные часы⁹. Мы уже слышим на них неоднократно умиленную молитву Ефрема Сирина: *Господи и Владыко живота моего* и проч.¹⁰, сопровождаемую поклонами и воздыханиями. Мы слышим на них две паремии из пророчеств ветхозаветных. Первая паремия читается на шестом часе; она взята из пророчества Иоилева (гл. 2, 12–17), и содержит в себе, с одной стороны, убеждение к посту, а с другой – обетование и милость Господа, как награду за пост. «Тако глаголет Господь: обратитесь ко Мне от всего сердца вашего, постом, и плачем, и рыданием. И расторгните сердца ваша, а не ризы ваша и обратитесь ко Господу Богу вашему, яко милостив и щедр есть, долготерпелив и многомилостив, и каяйся о злобах человеческих. Кто весть, аще обратится раскается, и оставит позади себе благословение и жертву и приношение Господу Богу вашему. Вострубите трубою в Сионе, освятите пост, проповедите исцеление и соберите люди».

Такой пост заповедует нам святая церковь во время Св. четырехдесятницы. Убеждая к этому посту, она, словами пророка Иезекииля, указывает на беспредельное милосердие Божие к кающемуся грешнику: «милостив и щедр есть Господь Бог ваш и долготерпелив и каяйся о злобах человеческих». Во второй половине паремии изображается милость Господь к кающемуся грешнику: «и возревнова Господь земли Своей, и пощади люди Своя. И отвеща Господь и рече людям Своим: се Аз ниспослю вам пшеницу, и вино, и елей, и насытитесь от них, и не дам вас

к тому поношение во языцех» и проч. Вторая паремия читается на вечерне, которая соединяется с часами и содержит в себе пророческое изображение того, что наступает время победы нашей над врагами нашего спасения, что Сам Господь будет поборником нашим: «Тако глаголет Господь: да восстанут и восходят вси языцы во юдоль Иософатову, яко тамо сяду разсудити вся языки окрест».

Пророк вызывает на брань все народы, враждебные иудеям, и произносит на них определение суда Божия, именно – что Господь в конец сокрушит крепость их.

В четверток сырной недели евангельское чтение изображает суд Пилата над Господом, неистовые крики народа и первосвященников: *распни, распни Его!*, несправедное осуждение Господа на смерть и ведение Его на Голгофу (Лук. 23:1–29). Эту страшную картину представляет нам святая церковь, чтобы обратить нас к Господу нашему!

В пяток сырной, подобно как и в среду сырную, мы слышим две паремии, обе из пророчеств св. пророка Захарии. В первой паремии пророк от имени Господа Вседержителя говорит: *тако глаголет Господь Вседержитель: «се Аз спасаю люди Моя, от земли восток и от земли запад. И введу я в землю их, и вселю посреде Иерусалима, и будут Ми в люди, и Аз буду им в Бога во истине и правде»*, т. е. наступило время, когда Я спасу людей Моих, соберу их со всех сторон и буду им в Бога, а они будут Мне народом Моим. Это время спасения – время св. поста. Это собрание в Иерусалим со всех стран земли означает собрание верующих со всех мест во единую церковь Божию и устремление их со всех распутий мира к единому горнему отечеству.

Во второй паремии изображается, как вожделенен должен быть пост для нас. *Пост будет дому Иудову и дому Израилеву в радость, и в веселие, и в праздники благая. Тако глаголет Господь Вседержитель, аще приидут люди мнози, и живущии во градах многих... пойду и Аз.*

Так близок будет Господь к нам во время поста; и так вожделенно будет это время для всякого человека, ищущего спасения своего!

Таким образом, св. церковь испробовала все средства и способы свои, чтобы приготовить нас к святому посту. Но это еще не все. Когда нежная и заботливая мать отпускает детей своих на какой-нибудь трудный и продолжительный подвиг, она неоднократно внушает им все правила предосторожности, дает наставления касательно малейших опасностей, боясь, чтоб дети ее как-нибудь, по неопытности, по излишней горячности, по молодости, не лишились награды за подвиги. Так и святая церковь поступает с нами. После всех ее вразумлений и подготовлений к посту,

она при самом уже вступлении в подвиг поста дает нам еще несколько напутственных наставлений. Очень легко может случиться, что мы во время поста увидим, как ближний наш не делает различия в пище: ест мясо, пьет вино и этим разрушает мир нашей совести, ради привычки своей к мясу и вину разоряет дело Божие (Рим. 14:20), т. е. спасение и другого и свое собственное, ест на соблазн другого. Святая церковь матерински предостерегает нас от подобного рода поступков. Она ясно проповедует что *царствие Божие несть брашно и питье, но правда, и мир, и радость о Духе Святе* (Рим. 14:17); но, тем не менее, заповедует нам держаться того, что служит к миру и ко взаимному назиданию; для пищи не разрушать дела Божия, ясно говорить, что худо тому, кто ест на соблазн. «Лучше не есть мяса и не пить вина, – говорит она нам устами апостола Павла, – и не делать ничего такого, отчего брат твой претрыкается, или соблазняется, или изнемогает» (Рим. 14: 19–22)¹¹.

Очень легко может случиться, что среди подвигов поста и сердце наше делается мягче к бедности ближних наших, и рука наша щедродательнее; при их воплях мы станем творить милостыню. Святая церковь и здесь предостерегает нас, чтобы нам как-нибудь не потерять награды за нашу милостыню у Господа, чтобы тщеславие и лицемерие не осквернило святой милостыни. «*Внемлите, – говорит она нам, повторяя слова Господа нашего, – внемлите милостыни ваша не творити пред человеки, да видимы будете ими: аще ли же ни, мзды не имате от Отца вашего, Иже на небесех. Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою, яко же лицемери творят в сонмищах и стогнахъ, яко да прославятся от человек: аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою. Тебе же творящу милостыню, да не увестъ шуйца твоя, что творит десница твоя. Яко да будет милостыня твоя в тайне: и Отец твой, видяй в тайне, Той воздаст тебе яве*» (Мф. 6:1–5).

Очень легко может случиться, что во время святой Четырнадцатидневницы нам чаще придется быть на молитве, когда же и молиться христианину-грешнику, как не во время святого поста, во время покаяния и сокрушения духовного? Святая церковь предостерегает нас от опасности, какой мы можем подвергнуться во время нашей молитвы. Лицемерие, тщеславие, пустое ханжество, без детского стремления души нашей к Богу Отцу нашему: вот что может отнять всю цену от нашей молитвы, как бы, по видимому, она ни была длинна и замечательна для других. «*И егда молишися, – говорит каждому из нас святая церковь, повторяя слова Господа, – не буди, якоже лицемери, яко любя в сонмищах и стонгах путей стояще молитися, яко да явятся человеком: аминь глаголю вам, яко*

восприемлют мзду свою. Ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне. И Отец твой, видяй в тайге, воздаст тебе яве¹². Молящися же, не лишние глаголите, яко же язычницы: мнят бо, яко во многоглаголании своем услышани будут. Не подобитеся убо им: вестъ бо Отец ваш, ихже требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитесь вы: Отче наш, Иже еси на небесех" и проч.

Так вразумляет нас святая церковь в субботу сырную.

В неделю сырную, то есть в последнее воскресенье, продолжают эти материнские вразумления. Это последний день масленицы. Мы уже стоим на рубеже святого поста. И вот святая церковь говорит нам: *ныне ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом. Ночь убо преиде, а день приблизися (Рим. 13:12)*. Святая церковь называет пост светоносным временем, святым днем, светлым днем, светоносным постом¹³.

Мрак греховный мало-помалу будет разгоняться и раздеваться светом молитвы, поста, исповеди и св. причастия: ныне все мы ближе к спасению, и спасение ближе к нам. Время невоздержания, объедения и пьянства кончилось. Приблизился святой пост, с воздержанием, молитвою, слезами, покаянием и причащением св. таин. Что же сотворим мы?

Отложим убо дела темныя и облечемся во оружие света, – говорит апостол. Дела тьмы адовой – это объедение, пьянство, разврат, гордость, упорство во грехе и прочее бесчисленное полчище беззаконий всякого рода и вида. Отложим же эти дела темные. Оружие света – это пост, молитва, раскаяние и сокрушение во грехах, преуспевание в добре, исповедь, св. причащение и прочие подвиги и деяния христианские: облечемся в эти оружия света.

Указав на пост как на время света, в которое мы должны делать дела Божие, святая церковь опять дает нам предостережение и вразумление, как нам вести себя в отношении к тем, которые по каким бы то ни было уважительным причинам не будут соблюдать строгого поста. *Ядый не ядущаго да не укоряет, и не ядый ядущаго да не осуждает: Бог бо его прият. Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоит или падает: станет же, силен бо есть Бог возставити его. ядый Господеви яст: благодарит бо Бога, а не ядый Господеви не яст и благодарит Бога (Рим. 14:8. 4. 6)*. То есть как бы так говорит нам святая церковь: не осуждайте ближних ваших ради пищи. Не ваше это дело. Пусть каждый из них своею мыслию, своим убеждением руководится; лишь бы у всех было одно общее, Вера в Господа и любовь к Нему, молитва и покаяние пред

Ним.

Святая церковь обращает внимание на более существенную сторону поста. Главнейшая цель поста состоит в том, чтобы получить нам прощение грехов и прегрешений наших. Как достигнуть этого? Вот самое лучшее средство, указанное Самим Господом нашим: *аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваше небесный. Аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших (Мф. 6:14).*

Вечер сырной недели и в церкви, и даже в домах наших проводится с особенною трогательностью и христианским умилением. Служба церковная исполнена уже песнями поста и покаяния. *Воздержанием тело смирити потщимся, божественное проходяже поприще непорочнаго поста и молитвами и слезами Господа, спасающаго нас, взыщем и забвение злобы всеконечное сотворим вопиюще: согрешихом Ти, спаси, яко же древле ниневитяны, Христе Царю, и общники ны сотвори небеснаго царствия, Благоутробне.*

По входе с кадилницею мы слышим мольбу кающегося грешника к Господу Иисусу, прошедшему небеса и ходатайствующему за нас у престола Божия: *не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услышит мя; вонми души моей и избави ю.* Это молитвенный вопль каждого кающегося грешника, чувствующего всю виновность свою пред Богом и ищущего у единого Господа помощи себе и спасения. *Спасение Твое да примет мя* – вот желает чего кающийся грешник, вот чего ждет он от Господа своего. *Да узрят нищие и возвеселятся.* И вот сред этих молений и воплей слышится утешительный ответ из алтаря, как бы от престола Господа премилосердного: *взыщите Господа и жива будет душа ваша.* На этот отрадный для кающегося грешника ответ наше сердце невольно опять повторяет мольбу свою: *не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя; вонми души моей и избави ю.*

После Трисвятого все кающиеся грешники обращаются с молитвою к Пресвятой Деве Марии и повторяют ей приветствие архангельское: *Богородице Дево, радуйся! Благодатная Марие, Господь с Тобою! и пр.*

Потом обращают молитвенные взоры свои к Крестителю Христову Иоанну и просят его, которому дана *благодать молитися* за нас, чтоб он помянул их пред престолом Божиим; обращают взоры свои к апостолам и ко всем святым и просят их молитв о себе и, наконец, опять прибегают к благоутробию Богородицы Девы и молят Ее, чтоб Она молений наших не презрела, но от бед избавила нас, единая чистая и благословенная. При

конце вечерни совершаются великопостные поклоны¹⁴ с известной всем молитвою Ефрема Сирина: *Господи и Владыко живота моего*. После повечерия совершается трогательный обряд прощения. Прощаются все взаимно друг с другом; а между тем на клиросе поют или: «покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче» или пасхальные стихиры: «пасха священная нам днесь показася» и т.д.; последняя из них заключается словами: «простим вся воскресением и тако возопиим: Христос воскрес из мертвых». Пение стиха «Христос воскрес» продолжается в этом случае до тех пор, пока все успеют проститься и дать друг другу лобзание.¹⁵ В основании этого святого обычая лежат слова Господа: *аще отпустите человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный; аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6:14–15). Эта заповедь Господа в древние времена введена была в жизнь христиан¹⁶, и доселе хранится у нас, как святыня, как драгоценное наследие благочестивых предков наших.¹⁷

II. Общий очерк богослужения в Святую Четыредесятницу

Богослужение Православной церкви во Св. Четыредесятницу вполне и во всей силе выражает покаянный дух и оживляется им, как в целом своем составе и в общем ходе, так и во всех своих частях и подробностях.

Главный ход и содержание богослужения во Св. Четыредесятницу во многом напоминают богослужение повседневное: это потому, что и повседневное богослужение содержит в себе весьма много такого, что может располагать нас к покаянным чувствованиям. Но в то же время, соответственно особенной цели поста, из богослужения великопостного, с одной стороны, удалено все то, что, возбуждая свою торжественностью одну духовную радость, чрез это может подавлять в нас чувствования покаянные; а с другой, в нем собрано все, что может сокрушать наш гордый дух скорбью о грехах, побуждать к покаянию, рождать в нас ревность к исправлению своих нравов и к жизни святой и богоугодной. Самый порядок богослужения великопостного по местам отстает от порядка богослужения повседневного. Мы обратим внимание преимущественно на особенности богослужения во Св. Четыредесятницу.

По уставу Православной церкви, не все дни Св. Четыредесятницы одинаковы по отношению к нашему пощению. «Инии дни великаго поста покаяния суть время» (Толк. на 50 прав. Лаод. соб.): это первые пять дней каждой недели. Поэтому и пост в эти дни предписывается более строгий, нежели в субботы и воскресенья (Устав, гл. 32). Применительно к этому и богослужение в первые пять дней каждой седмицы отличается от богослужения в два остальные. Рассмотрим сначала первое, а потом последнее.

И прежде всего, в первые пять дней каждой недели Св. церковь внешним видом храма и богослужения поучает нас спасительной *печали*, *яже по Бозе*.

Самый зов к великопостному богослужению бывает коснее и медленнее обыкновенного; самое число звуков определено церковным уставом, при известных случаях. Так, при начале чтения третьего часа «кандиловжигатель возьмет благословение от настоятеля и сотворив поклон, изшед, ударяет в кампан (колокол) трижды; пред шестым часом шесть крат, при начале девятого часа, изшед, ударяет девять крат, пред Великим повечерием бьет в било двенадцать раз».¹⁸ В простые дни Великого поста, кроме литургии преждеосвященных даров, церковный благовест всегда

производится в один колокол – средний или простодневный. И можно заметить, что унылое, одинаковое и протяжное стенание храмового колокола наводит на нашу душу, преданную страстям, смущение, невольно напоминая нам о последней трубе и вечности.

Внешность храмовых действий с наступлением Великого поста также ощутительно изменяется сообразно времени покаяния. Церковное облачение священнослужителей бывает проще и печальнее обыкновенного, а часто употребляется одна только епитрахиль. Освящение храмов слабее, каждение фимиамом и отверстие царских врат реже; церковная обрядность Великого поста, приведенная в возможную степень простоты, с одной стороны, выражает истинное свойство поста, с другой, живо напоминает и как бы осязательно представляет иорданскую пустыню, в которой Господь Искупитель наш постился сорок дней и тем положил основание святой и великой Четыредесятницы.¹⁹ Даже напевы или гласы положены такие, которые способны расположить дух и сердце христианина к сокрушению о грехах своих. Сверх того, церковь дает особенные наставления, при каждом случае, как должно совершать чтение и пение, где гласом *тихим и кротким*, где *велегласно и косно* (протяжно); что гласом *низким*, что *высочайшим*, и *паки повысшим*; – все повелевает петь и читать, *не борзяся, с благоговением, умиленностью и сладкопением*.²⁰ Пение непристойное и неблагоговейное церковь называет бесчинным воплем. «Подобает бо пети благочинно, согласно возвышати Владыце всех и Господу славу, яко едиными усты от сердец своих».²¹

Внешнему виду храма и богослужения, который так внятно говорит нам, что должно совершиться во внутренней храмине сердца нашего, вполне соответствует и внутренняя сторона богослужения.

Церковь предписывает христианам во Святую четыредесятницу беспрепятственно заниматься делами благочестия и для осуществления этого желания в течение ее устранять себя от всяких торжеств. Она не позволяет праздновать во дни Великого поста ни дней рождения, ни дней бракосочетания, ни даже памяти об усопших братьях, для поминовения которых в другое время древние христиане предлагали обеды. По несообразности торжества с днями всеобщего поста и покаяния даже совершение Божественной литургии запрещается в простые дни Четыредесятницы и разрешается только по субботам и дням воскресным и еще в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Причина запрещения совершать полную литургию в простые дни Четыредесятницы заключается, без сомнения, в том, что такая литургия совершается обыкновенно с особенным торжеством, возношение даров в таинстве

Евхаристии показывает всю высоту благодатного дерзновения к Богу, на которую восходят верующие силой искупительной смерти Христовой. Но Четырдесятница есть время скорби душевной, сердечного сокрушения о грехах, сетования и самоуничижения пред Богом, потому совершение полной литургии в эти дни было бы в некотором роде, смешением печали с торжеством, самоуничижения с дерзованием. А чтобы продолжительным лишением святых даров не ослаблять духа верующих, церковь определила совершать литургию неполную, без таинства евхаристии, т.е. литургию преждеосвященных даров, которая обыкновенно соединяется с вечерним богослужением. Один древний толкователь церковных канонов (Матфей Властарь) в объяснение таких постановлений церкви говорит: «воины римские, проведя весь день в битве и только под вечер разлучаясь с неприятелем, когда вспоминают о пище, готовят ее для себя из вечерних запасов, чтоб не истощить последних сил своих. С рассветом дня они тотчас же должны вступить в битву с врагами и, таким образом, будучи совершенно заняты войною, не имеют возможности заколоть волов и приносить жертвы, по обыкновению тех, которые ежегодно отправляют празднества. Точно так и мы, принося новую нашу жертву в субботу и в день Господень, когда ослабляет нас напряжение чрезмерного подвига, как сетующие и воюющие, вкушаем прежде предложенные и прежде освященные крупичицы, чтобы только продлить жизнь свою до вечера; но, сделавшись участниками этой святой плоти, укрепляемся, чтобы снова мужественно вступить в бой со врагом. Подлинно духовному воину и пища духовная служит укреплением».²²

Порядок и состав повседневных служб в первые пять дней каждой седмицы также изменяется. Для продолжительности и усиления наших молитв несколько служб соединяются в одну, а некоторые отделяются. Так, 3-й, 6-й и 9-й часы соединяются с вечернею, а в среду и пяток и с преждеосвященною литургией.

Ежедневно в Великом посту, кроме дней субботних и праздничных, бывает Великое повечерие. В составе Великопостного богослужения многократно повторяется коленопреклоненная молитва св. Ефрема Сирина. Псалтирь в Великий пост еженедельно прочитывается при богослужении дважды.²³

На простодневных службах Четырдесятницы положено гораздо более, чем в другие времена года, поучительных чтений, заимствованных из книг богослужебных и церковно-поучительных. Так, кроме Псалтири, паремий, канонов и молитв, указано уставом на утренях два чтения из бесед Ефрема Сирина – одно после первой кафизмы, другое после второй;

два чтения из Лавсаика – одно по третьей кафизме, другое по третьей песни канона; чтение либо из Синаксаря, либо из Пролога по шестой песни, оглашения Студитовы по окончании первого часа.²⁴ На часах положены три чтения из Лествицы св. Иоанна Лествичника²⁵; на утренях суббот и недель указано читать беседы Иоанна Златоуста на Шестоднев.²⁶

По мере умножения чтений уменьшено количество церковного пения; тропари, стихиры и другие священные песни, назначенные для пения, слышатся реже, – и те содержания большею частью догматического, которое более назидает, чем восторгает.

Рассмотрим частнее содержание св. чтений и песнопений, общих или всем, или только некоторым службам, вникнем и в каждую службу отдельно, дабы видеть, с какою чудною мудростью все приспособлено к цели св. поста.

Большая часть великопостных чтений заимствуется из Псалтири, так что на всех службах мы преимущественно внимаем чтению псалмов. Это не потому, конечно, чтобы Св. Церковь не могла заимствовать из других книг Св. Писания назидательных чтений, но потому, что Псалтирь, как говорит св. Василий, «одна заключает в себе все, что есть полезного во всех книгах Св. Писания. Псалтирь есть некая всеобщая сокровищница благих наставлений, и всякий найдет в ней во изобилии все то, что для него полезно. Псалом производит печаль по Бозе, ибо и из каменного сердца исторгает слезы».²⁷ По словам другого отца, «Псалтирь есть некоторая полная лечебница спасения человеческого. Кто бы ни читал ее, всякий может найти в ней то врачество, которого именно требуют язвы его. Вникни в нее, кто хочет: как в некотором училище душе, как на некотором позорище добродетелей, он найдет там изображение всякого рода подвигов и может избрать тот, к которому почитает себя более способным, который легче доставит ему венец... Итак, что есть Псалтирь, как не орган добродетелей».²⁸

По словам св. Афанасия Великого, «Псалтирь ясно и подробно излагает всю жизнь человеческую, все состояния духа, все движения ума, и нет ничего у человека, чего бы она не содержала в себе. Хочешь ли ты каяться и исповедоваться, стремишься ли к преспеянию в добродетели, желаешь ли хвалить, благодарить, славословить Господа? – В божественных псалмах найдешь наставление касательно всего этого».²⁹ Столько-то духовных сокровищ заключено в Псалтири, и все они, как нельзя более, соответствуют требованиям постящихся. Каждый псалом, каково бы ни было его содержание, непременно исполнен то молитвенными воздыханиями, то благодарениями, то славословиями; – но

чаще всего мы внимаем в псалмах гласу души, обращающейся к Богу с молитвою о наставлении в св. заповедях Его, о прощении грехов, благодатном просвещении и очищении, о небесной помощи, защите и покровительстве от врагов видимых и невидимых. Какими словами, какими молитвами можно яснее выразить все духовные нужды кающихся? Какая другая книга Св. писания может в такой полноте и точности соответствовать духу поста, так красноречиво выражать его и сътакою неотразимою силою располагать нас к покаянию?

Другие св. чтения заимствуются из книг пророка Исаии, Бытия и Притчей, так что эти книги в течение всей Четырнадцатидневницы прочитываются почти во всей их целости. Эти чтения, называемые паремиями, обыкновенно следуют одно за другим всегда в одинаковом порядке: на 6-м часе читается одна паремия из пророка Исаии, а на вечерне две: – одна из книги Бытия, другая из книги Притчей. В паремиях из книги пророчества Исаии содержатся, большею частью, сильные обличительные речи пророка против беззаконников. В этих речах то возвещаются прещения и наказания Божии грешникам, то грешники призываются к покаянию, и обещается им очищение от грехов. Обличения и угрозы изображаются в самых величественных и страшных картинах и разительно действуют на душу грешника, производя в ней спасительную перемену; а возвания к покаянию дышат особенным умилением и трогают до глубины души. Все это тем сильнее должно поражать сердце наше, что изрекается от лица Самого Бога, и что все угрозы пророка уже оправдались над грешниками самым делом, и потому, в случае нашего ожесточения и нераскаянности, могут исполниться и над нами. *Слышь, небо, и внуши, земле, так начинает пророк свои обличения, яко Господь возглагола: сыны родих и возвысих, тии же отвергошася Мене. Позна вол стяжавшаго, и осел ясли господина своего: Израиль же Мене не позна, и людие Мои не разумеша. Увы, язык грешный, людие исполнени грехов, семя лукавое, сынове беззаконнии, остависте Господа, и разгневасте Святаго Израилева... от ног даже до главы несть в нем целости... несть пластыря приложити, ниже елеа, ниже обязания... Внемлите закону Божию, людие Гоморрстии. Что Ми множество жертв ваших?.. Измыйтеся и чисти будете, отымите лукавства от душ ваших пред очима Моима... Научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, и судите сиру, и оправдате вдовицу, и приидите и истяжимся, глаголет Господь: и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю... И аще хотите и послушаете Мене, благая земли снесите... (гл. 1, 2–20).* Вместе с обличениями и увещаниями, паремии из книги пророка Исаии содержат в

себе много картин духовнострительства нашего спасения. В этих-то картинах-созерцаниях пророка заключаются самые высокие утешения для праведников, преследуемых всеми бедствиями настоящей жизни. *Господи Боже мой, вопиет к Богу пророк после многих таких созерцаний: Господи Боже мой, прослаблю Тя, воспою имя Твое, яко сотворил еси чудная дела... Сего ради благословят Тя людие нищии, и гради человеков обидимых возблагословят Тя. Был бо еси всякому граду смиренному помощник. И изнемогающим за оскудение покров... яко избавиши их от человек нечестивых, им же нас предал еси... И рекут в день оный: се Бог наш, нань же уповахом, и спасет нас. Сей Господь, потерпехом Его, и возрадовахомся о спасении нашем.* (25, 1–9). Внимая чтению этих паремий, мы убеждаемся и умом, и сердцем в беспредельном величии Бога, Его беспредельной благодати и милосердии к кающемуся грешнику, равно и в вечной неизменной правде Его к нераскаянным.

Те же уроки благочестия, какие сообщаются в духе пророчественном в чтениях из пророка Исаии, в паремиях из книги Бытия представляются нам, как бы наглядно, в действительной истории рода человеческого. В событиях, о которых повествует книга Бытия, живописуются то беспредельная благодать Божия к праведникам, всегда милующая и чудодейственно защищающая их, то Божие милосердие к грешнику, всегда зовущее его на покаяние, то неблагодарность человека к Богу, его ожесточение и нераскаянность, влекущая за собою неизбежную кару и гибель. Такими уроками мы вполне убеждаемся во всегдашней близости Творца и Промыслителя к Своим созданиям и как бы своими глазами видим, что на земле ничто не совершается без воли Божией. С другой стороны, при этих чтениях мы невольно забываем все настоящее и, с благоговением созерцая в прошедшем суды Божии, явленные Миру, смиренно и охотно поучаемся всеми силами стремиться к добру и убегать всякого зла.

После того, как в предшествующих паремиях мы слышали суды Божии роду человеческому, совершившиеся, совершающиеся и имеющие совершиться, нам нужно особенное наставление, как низвести на себя благоволение Господа и избежать Его праведного гнева. Для этого нужна премудрость, научающая человека исправлению заповедей Божиих. И вот, после паремий из пророка Исаии и книги Бытия следуют паремии из Притчей, в которых сама Премудрость Божия беседует с нами. Эта премудрость (в гл. 8 и 9) изображается в таких возвышенных чертах, которые могут приличествовать только ипостасной Премудрости, т. е. Сыну Божию. От того-то Ее уроки получают для нас особенную важность.

И чем разнообразнее эти уроки, тем обширнее их приложение. В них кающиеся найдут и наставление, и совет, и обличение, и ободрение, а всего более мудрые правила для жизни общественной и частной, правила добродетелей, и нравственных, и гражданских, и церковных. *Послушав наставлений Премудрости, мудрый премудрее будет (1,5). И всякий уразумеет правду истинную (1, 3).* Между тем, грешники узнают, как губельно их состояние, когда они не внимлют гласу Божию, зовущему их на покаяние. *Понеже звах и не послушасте... говорит им Премудрость: убо и аз вашей погибели посмеюся... Будете бо, егда призовете Мя, и аз же не послушаю вас ... Возненавидевша бо премудрость, словесе же Господня не прияша, ниже хотеша внимати Моим советом, ругахуся же Моим обличением. Тем же снедят своих путей плоды (1, 24–31).*

Кроме священных чтений, св. церковь руководит нас на пути покаяния возвышенными и умилительными песнопениями, которые «мнози от святых и богоносних красотоделательных отец добре и яко достояще, от Святаго движими Духа, сложивше песносоделаша». Нигде падший дух человеческий не оплакан такими горькими слезами; нигде скорбь грешника, пришедшего в сознание себя, так верно не высказана, нигде желание благодатного примирения с Господом не выражено такими крепкими молитвенными воплями, как в этих св. песнопениях. Посему-то они имеют особенную тайную силу возбуждать нас к покаянию и сокрушенной молитве. Язык их вразумителен для всякого, невыразимо сладостен и убедителен; тон их большею частию унылый и трогательный.

К песнопениям относятся все трипесенные каноны, различные стихиры, тропари, кондаки и многие другие песни, известные под разными именами. Все они, большей частью, бывают особенные на каждую неделю, на каждый день и даже на каждую службу, и наполняют собой большую часть постной Триоди. Но так как все они составлены собственно для поста, то при всем разнообразии имеют один общий характер.

Так, в течение всего поста одни песнопения с силою и убедительностью внушают нам, в чем должен состоять истинный постъ: «постящися, братие, телесне, постимся и духовне: разрешим всякий союз неправды, расторгнем стропотная нуждных изменений, всякое списание неправедное раздерем: дадим алчущим хлеб и нищия безкровныя введем в дома». «Постимся постом прятным, благоугодным Господеви. Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения: сих отчуждение, пост истинный есть и благоприятный»³⁰. Другие песнопения научают нас совершать самое покаяние. С этою целью они всего чаще обращают нас к самим себе с

сильными обличениями во грехах. «Высоту добродетелей оставивши, душе моя, во глубину греховную снизошла еси, в лукавныя разбойники впадши, струпов же смердящих полна сущи, лежиши повержена недоуменна; тем же возопий Христу Богу, за тя распеншемуся: попецйся о мне, Господи, и спаси мя». «Кому уподобилася еси, окаянная, лентящися, о душе, и не творящи добрая, – но любящи присно в злых пребывание; суд при дверех, покайся, постом и молитвою очистися, и Владыце твоему возопий: согреших Ти, прости, яко благоутробен, и исправление мне даруй»³¹. Чтоб усилить побуждения к покаянию, они, с одной стороны, угрожают нам всего чаще страшным судом Христовым, а с другой, указуют нам на вечную жизнь и небесные награды. «Увы, всеокаянная душе, како отвечаеши? Кий страх тя примет, Судии сидящу, тьмам предстоящим ангелов? Потщися убо, прежде конца покайся». «Ныне злопостраждим, яко воины Христовы: елико бо время мимоходит, венцы плетутся подвизающимся, яже воздаст Христос, егда придет со славою ангельскою судити всей земли»³². Чтобы яснее преднаписать нам самый способ покаяния, св. песнопения представляют нам примеры истинного покаяния: мытаря, блудного сына, блудницы, разбойника, ниневитян и многих других; и говорят каждому из нас: «воззри к прежде покаявшимся, воззови Христу: согреших, спаси мя, якоже спасл еси мытаря, воздохнувша от сердца»³³. Для совершения покаяния, для успешного самоисправления недостаточно видеть образ исправления и покаяния и представить одни только побуждения и примеры. Для того необходимы еще благодатные силы, небесная помощь свыше. И св. песнопения весьма часто обращают нас к Богу и Господу Иисусу Христу, в духе раскаяния и сокрушения, с крепкими молитвенными воплями о благодатной помощи. «Восприемши теплыми слезами блуднаго глас, Тебе, Отцу всех и Богу, припадаем, вопиюще: яко согрешихом, от Тебе удалившеся, и блуду работавше; приими наше покаяние». «Весь уязвихся, весь, Христе мой, острупихся, исцели моя гнойныя язвы, страстная угрызения, сущая от греха». «О, Троице Всесвятая! Ты наше служение, Ты и прибежище, и держава, в естестве едином Тя воспевающим очищение прегрешений нам ниспосли»³⁴. С тою же целию св. песнопения часто обращают нас с молитвенными воззваниями и к святым Божиим, прежде и больше всего к Пресв. Богородице, потом к св. Кресту и, наконец, к силам небесным и ко всем святым. «Яко во глубине злобы отвергший есмь... помози ми, чистая Дево Мати, ко спасения пути наставляющи мя». «Кресте Христов, разбойника наставивый в вере, и мене к течению благосильно постом сподоби». «Апостольский лик молит Тя, Иисусе Всецарю, молят Тя

ангелистии чини за множество щедрот, людем твоим подаждь злых избавление, жития исправление, и Царствия Твоего присвоение».³⁵

Таково почти все содержание песнопений православной церкви во Св. Четыредесятницу! Все они, равно как и все великопостные чтения, направлены к одной главной цели, именно к тому, чтобы руководить нас в подвигах поста и покаяния. И какое полное, всестороннее и совершенное руководство составляют они для тех, кто внимает им с любовью и с желанием спасения, сколько в них и уроков, и наставлений, и обличений, и утешений, и примеров, и побуждений, словом, всего, в чем так нуждается душа, сознавшая всю греховность и ищущая примирения с Богом!

Но священные чтения и песнопения во Св. Четыредесятницу получают еще особенную силу и выразительность и от того порядка, в каком они расположены в отдельных дневных службах. Потому рассмотрим и эти последние, начав с полунощницы.

Полунощница и великопостная утренняя

Полунощница во Св. Четыредесятницу совершается повседневная и без всяких изменений, конечно, потому, что все входящие в состав ее чтения и пения вполне соответствуют значению поста. Так, в самом начале ее читается покаянный псалом Давида: *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое*. Было уже говорено, что главная цель великопостных богослужений – пробуждение грешников от сна греховного, испрошение им прощения и помилования, примирение с Господом Богом и, таким образом, вечное спасение. А кто из нас дерзнет сказать о себе, что он не грешник? «Аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины несть в нас» (1Ин. 1:8). Какое же условие выйти из этой тьмы греховной? «Аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякия неправды» (1Ин. 1:9). Но, чтобы исповедать грехи свои, нужно прежде сознать их. И вот церковь представляет нам пример и сознания греховности, и исповедания ее. И мало того, в наши уста влагает те самые слова, которыми великий грешник преклонил Господа на милость, за которые грозный обличитель грехопадения Давида, Нафан пророк, сказал ему: «и Господь отъя согрешение твое, не умреши» (2Цар. XII, 13).

Да, стоит только поглубже вникнуть в смысл этого псалма, чтобы видеть, сколько благодатной силы в нем.

Помилуй мя, Боже. О, милосердный Господи! Сжался над несчастным грешником, которого грех лишил всех благодатных даров Твоих, который весь погряз в бездне преступлений, и давно бы пришел в отчаяние, если б не знал, если б не надеялся, что многое у Тебя избавленье. Помилуй! Даруй мне прощение, как Ты даровал его Давиду. Ты мой Бог и Судия. У меня нет оправданий перед Тобою; я заслужил гнев, отвержение и казнь. Одна и последняя надежда моя в жизни на Твое милосердие. Помилуй по велицей милости Твоей.

И по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое. Но помилуй не человеческим помилованием, а божеским. Мало, если только простится вина; мало, если грехи останутся лишь ненаказанными, – нет, нужно, чтобы они были очищенными, изглаженными из души и совести. Иначе что пользы, если я не понесу внешнего наказания, а внутри останутся все муки ада, и совесть будет во всю жизнь мучить и терзать меня? Так прощать вины, так отпускать грехи могут и люди; но Ты, мой Боже,

изгладь их; очисти эту страшную язву из души моей! Да будет она вся чиста и свята!

Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть вина.

И все, что бы Ты ни сделал для очищения моего, все это не будет, не может быть так тяжело, как сознание моей греховности; никакие испытания не могут быть так страшными, как грехи мои, которые всегда, неотступно таким грозным, всеподавляющим призраком стоят передо мною и ни на минуту, ни на мгновение не дают душевного покоя.

Тебе единому согреших, и лукавое пред Тобою сотворих: яко да оправдишися во словесех Твоих, и победиши внегда судити Ти.

И что особенно горько до невыносимой сердечной боли – Тебя оскорбил я своими грехами, Тебя, милосердного Отца Небесного, Которому обязан всем, что только есть у меня в жизни, как и самой жизнью. Да что у меня есть своего от дыхания и до возможности жить и действовать, и до средств к жизни? Все – Твой дар. «Даешь мне все нужное для жизни, – принимаю; отвергаешь Твою руку, – насыщаюсь всяким благом. Сокроешь лице Твое, – я в страшном смятении; возьмешь от меня дух, – умру и в прах свой возвращусь» (Пс. СIII. 27–29). Личное мое приобретение, полная моя собственность – грех и беззаконие! И вот когда сравню: с одной стороны, Твои чудные, неизреченные, в каждую минуту ниспосылаемые мне милости, с другой – все мои противления Твоей воле, все мои дерзкие, возмутительные поспориания Твоих заповедей, то какой суд будет достаточно строгим, какой приговор вполне достаточным над таким злым, неблагодарным, отчаянным существом! О, Господи! На какие бы муки Ты ни осудил меня, к каким бы казням ни приговорил, – все «Ты праведен в слове Твоём и чист в суде Твоём», потому что все это я заслужил, вполне, безусловно заслужил!

Се бо в беззакониих зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя.

Ведь вот еще, кроме личных моих прегрешений, на мне тяготее прародительский грех; с самым зачатием моим легло на меня то осуждение, которое постигло первых грешников на земле, и передано ими всему их несчастному потомству. Какая непроходимая бездна греха!

Се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси.

А Ты, Господи, любишь истину; правда – основа судов Твоих; не скрыл Ты от меня этого. Не могу я сказать, что согрешил по неведению, по незнанию. Нет, внутри меня Ты поставил судию неусыпного, неподкупного и настолько мудрого, что он вполне умеет различить между добром и злом. Совесть моя положительно, не обинуясь, высказывает мне,

что грех, и всячески предостерегает от него. Но что пользы? – Напрасны все ее указания, предостережения, угрозы, – все было напрасно для меня! Я грешил и грешил, не обращая ни на кого и ни на что никакого внимания. Теперь что же мне остается? Одно и единственное: надежда на Твое неизреченное милосердие. Как в ветхозаветной церкви прокаженные окончательно очищались седмикратным окроплением жертвенной водой, так и теперь Ты таинственно окропи меня, и я буду чист; омой меня, – и буду белее снега.

Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренные; отвори лице Твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти.

И как скоро совершится надо мною, недостойным, чудо Твоего милосердия, отворишь лице Твое от грехов моих, изгладишь все беззакония, то какой будет это радостною вестью для меня! Воспрянет, оживет все существо мое, доселе страдавшее, изможденное, сокрушенное лежащей на нем тяжестью! Но и затем что еще ждет меня в будущем? Раз помилованный, сумею ль я воспользоваться чудною милостью? О, как мало надежды! Зная свое прошлое, как страшусь за будущее! О нет, мой Боже! Не на себя, на Тебя единого все надежды мои.

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом владычным утверди мя.

Обветшало, растлилось все существо мое. Из злого моего сокровища – сердца – только и выходит, что одно зло (Лук. 6:45); только и могут выходить «помышления злая, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, зависть, гордость, безумство, словом, все, что оскверняет человека» (Мк. 7:2–22). Значит, кроме прощения и помилования еще нужно стереть, уничтожить всю эту ветошь во мне; все нужно во мне переделать, пересоздать, чтобы все было новое во внутреннем существе моем. А кто ж это может, кроме Тебя, мой Боже? Но и этого еще все мало. И при этом, с собственными силами только, я еще на каждом шагу могу пасть, могу ринуться снова на прежний путь погибельный. Вот почему мне нужна безусловно поддержка высшая; совершенно необходимо, чтобы внутри меня господствовала и управляла Твоя сила божественная, или, точнее, Ты Сам, Господи. Вот почему молю – не отнять от меня Духа Твоего Святаго: да подкрепит меня на всех путях моих, во всю мою последующую жизнь, этот Дух силы и разума, Дух Твой владычественный!

Науку беззаконных путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся.

Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего, возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою.

Давид, на котором лежала кровь Урии, за пламенность раскаяния помилованный Тобой, сделался вековечным образцом для всех грешников. Его пример неотразимо действует на каждого, кто только не дошел до той крайней степени зла, на которой грешник уже *нерадит*, т.е. не думает и не помышляет о своей будущности, или бессмысленно отрицая все загробное, или просто находясь в состоянии окаменелого бесчувствия. И слово Давида: «научу беззаконныя путем Твоим, и нечестивии к Тебе обратятся» – не пустое слово. Сколько грешников, тяжких грешников не впало в отчаяние и не погибло вечно, именно – представляя себе пример Давида! Сколько научились силе раскаяния из этого примера. О, да, не напрасно страшная повесть о нем вошла в священные книги: ей суждено спасти от вечной гибели миллионы погибавших. Но и я – кто бы я ни был, разве не могу делать нечто подобное, по мере своих сил и средств? Разве мало кругом меня и даже близких мне – заблуждающихся, нечестивых и даже беззаконных? И буду же я, за чудо милосердия Божия, явленное на мне, стараться всячески о научении и вразумлении заблуждающихся моих братьев. Примером своей жизни, словом любви, совета, одобрения, а где нужно и можно, благоразумного обличения (возвестит, не обвиняясь, язык мой правду Твою), буду я действовать на тех, которые идут в жизни не Божьим путем. О, Господи! Только помоги Ты мне в этом, без Твоей всемогущей помощи не только сделать, но и помыслить что-либо истинно доброе я не в состоянии – «отверзи уста моя», и не останутся бесполезными мои труды и усилия, и за все, что я успею сделать истинно доброе, Тебе единому воздам славу, «Господи! Устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Тебе за Твое чудное, неизреченное милосердие».

Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо; всесожжения не благоволиши.

Принес бы я Тебе всякую жертву – да что в этом? Разве не все, что я имею, – от жизни и дыхания до средств моего существования, – не все Твое? Разве слишком дорого для Тебя все, что бы я ни жег перед Тобой? – Одно, что я могу принести в жертву, достойную и угодную Тебе, это моя *воля*. Она только и есть моя полная и безусловная собственность. Ее-то и должен я пленить в послушание Твоей воле; т.е. все, что только есть во мне, все, чем управляет воля, я должен подчинить Тебе: и силы ума, так горделивого, так самовозносящегося, и стремление сердца, так легко увлекающегося предметами сотверенными. Должен подчинить Тебе, если

б для этого пришлось выдержать самую тяжкую, самую кровавую борьбу с самим собою; во чтобы то ни стало, я должен смирить перед Тобой и гордость ума, и возношения, и стремления сердца, потому что только такая жертва и имеет цену перед Тобой.

Жертва Богу – дух сокрушен; сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.

Какой псалом с такой глубиной и полнотой представляет весь ход обращения человека-грешника к Богу с той светлой минуты, когда он, *в себе пришед*, скажет: *возстану (Лк. 15:18)*, и до того благодатного времени, когда сделается новою тварью? Какой псалом может быть лучшим руководителем на этом поистине тяжком пути? От первого слова раскаяния и до последнего конечного слова примирения с Господом Богом, все в этом псалме: и побуждение, и пример, и ободрение; все, что только может сильно и благотворно влиять на душу грешника. Вот причина его непрерывного употребления в Божьей церкви.

За 50-м псалмом следует не менее выразительный 118-й псалом. В нем раскрывается значение закона Господня для человека во всех возрастах, во всех положениях, во времени и в вечности. Кроме того, в нем собрано все, что только может привлечь человека к точному исполнению этого закона; все, что может утратить за неисполнение его. Наконец, в нем же – самое пламенное моление к Господу, чтобы Он, давши закон, дал силы уразуметь и исполнить его, поставил человека на стезю заповедей Своих, и Сам, Своею всемошною силою, охранял его на этой стезе от всех искушений, соблазнов, человеческих увлечений, от всего, что только может совратить человека с этой стези, и охранял на всю жизнь до последнего вздоха. *Заблудих*, взывает грешник, *яко овча погибшее; взыщи раба Твоего, яко заповедей Твоих не забуду.*

Назидательны для постящихся и те тропари на повседневной полунощнице, в которых напоминает нам второе пришествие Господне:

„Вот в полночь идет Жених, и блажен тот слуга, которого найдет Он бодрствующим; точно так, как недостойн тот, которого Он найдет беспечным. Душа моя! Смотри, не отяготись сном, чтобы не быть преданной смерти и не остаться вне царствия, но сбрось дремоту и воззови: свят, свят, свят Ты, Боже, Богородицею помилуй нас!

«Душа моя! Размышляя о том страшном дне, бодрствуй, зажегши свечу свою. Не знаешь ты, когда придет к тебе голос, говорящий: вот Жених! Смотри же, душа моя, не задремли; иначе останешься вне царствия Божия и напрасно будешь толкаться, как пять дев (юродивых). Но дожидайся бодро, чтобы встретить Христа с елеем маститым

(достаточным запасом дел добрых), и даст Он тебе чертог божественной Своей славы».

Или поминаются усопшие наши братие: «Господи! Так как Ты благ, вспомни рабов Твоих (умерших); прости им все, в чем они согрешили в жизни; никто не безгрешен, только Ты Один, могущий и умершим дать упокоение».

«Единый Создатель всего, с неизреченной мудростью и человеколюбием все устрояющий, и всем подающий полезное! Господи! Упокой души рабов Твоих; потому что все свои надежды они возложили на Тебя, Творца и Создателя, и Бога нашего».

«Христе! Упокой со святыми души рабов Твоих там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная».

О, как вовремя, как естественно это молитвенное воспоминание о тех, которые уже покончили с земною жизнью. Среди полночного безмолвия задумавшись о себе, не о делах своих земных – а о том, что ждет нас за гробом, как и с чем явимся мы пред Судию своего, можно ль не вспомнить близких нам, которые уже там, пред Судией? Для нас это еще будущее, неизвестное; для них это уже страшная истина, от которой некуда укрываться или защититься разными мудрованиями и хитросплетениями ослепленного и развращенного ума...

Вот они, которых так крепко любили мы, когда они были среди нас, так крепко, что жизнь свою мы готовы были положить за них; проводить которых в могилу стоило нам горьких, многих слез; при одном воспоминании которых так невыносимо болит и тоскует вся душа; вот они, доселе так дорогие нам, трепетные, ждут конечного суда... И что, если за этим судом начнутся для них муки, муки вечные? И что, если они отринуты будут от лица Божия, они, которых, бывало, одна слеза доставляла нам столько терзания душевного? О, при одной мысли об этомъ, – чьи колена не подогнутся, кто не падет в прах пред Господом со слезами, рыданиями и мольбой:

«Христе! Упокой со святыми души рабов Твоих там, где нет ни болезней, ни печали, ни воздыхания, но жизнь безконечная!

Или же содержится молитва о помиловании нас самих: *помилуй нас, Господи, помилуй нас: на Та бо уповахом... Милоседрдя двери отверзи нам... и т. д.*

Утренняя великопостная уже несколько отличается от повседневной; некоторые торжественные песни в ней оставляются и заменяются другими, соответствующими духу покаяния. Так, после шестопсалмия, в коем выражается голос души, кающейся и обращающейся к Богу, поется не

радостное и торжественное: *Бог Господь и явился нам*, но протяжное *аллилуия*, и затем следующий тропарь заменяется троицною песнею, которая заключается серафимским восклицанием: *Свят, Свят, Свят!* Вот некоторые из этих песней.

«Подражая на земле силам небесным, мы приносим Тебе, Благий, победную песнь: Свят, Свят, Свят, Ты, Боже наш; за предстательство безплотных сил, помилуй нас» (конец изменяется по дням; так, во вторник: «за молитвы Предтечи Твоего, помилуй нас» и т. п.).

Слава. «Безначальный, Творец всего! Дай свободу нашему слову, чтобы мы прославили Тебя, взывая: Свят, Свят, Свят, Ты, Боже наш; за молитвы всех святых Твоих, помилуй нас».

И ныне. «Господи! Ты возставил меня от постели и от сна, – озари светом мой ум и сердце, дай свободу моему слову, чтоб я воспевал Тебе, Святая Троица! Свят, Свят, Свят, Ты, Боже, Богородицею помилуй нас».

После прочтения трех кафизм поются не полные каноны, обыкновенно состоящие из восьми песней, но покаянные трипеснцы, составленные нарочито для Св. Четыредесятницы. Чтобы устроить грешников праведным судом Божиим и сильнее возбудить в них чувство покаяния, в Четыредесятницу не оставляется и вторая обличительная песнь Моисеева: *вонми, небо, и возглаголю* (Втор. 82, 1–14). В ней самыми резкими чертами изображаются неблагодарность к Богу и развращение израильтян и изрекаются прещения и угрозы Божии этому народу строптивому и развращенному. По окончании канона вместо обыкновенного торжественного тропаря поются светильны троицные, в которых содержится молитва к Богу о просвещении души свыше: *свет возсияй, Господи, душу мою очисти от всякаго греха*. Наконец, на первом часе особенное умиление возбуждает в нас стих, который троекратно поется и всякий раз сопровождается великими поклонами: *завтра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой! О чем же глас сей? Стопы моя направи по словеси Твоему и да исполнятся уста моя хваления Твоего, Господи!* и т. д.

Великопостные часы

На 3-м, 6-м и 9-м часах, соединяемых с вечернею, наше моление особенно усиливается. Кроме того, что на каждой из этих служб мы не раз повергаемся на землю с молитвенными воззваниями св. Ефрема Сирина, мы сопровождаем земными поклонами троекратное пение особенных на каждый час молитв, произносимых священником пред царскими вратами. В этих молитвах вспоминая величайшие благодеяния Спасителя, излианные Им на род человеческий в 3-й, 6-й и 9-й часы дня, мы в то же время просим Его не лишать и нас тех же милостей. Так, по прочтении кафизм, на 3-м часе мы слышим: *Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославши: Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящихся*; на 6-м часе: *Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас*; на 9-м: *Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти наша мудрование, Христе Боже, и спаси нас*. В тропарях, усвоенных каждому часу и подробно объясняющих воспоминаемые в эти часы события, мы обращаемся еще с более усиленною молитвою к Богу о помощи и о прощении наших грехов. Так, на 3-м часе просим Господа *скорое и известное дать нам утешение, вегда унывати духом нашим, не разлучатися от душ наших в скорбех, соединитися с нами*, и т. д. Живо напомнив нам на 6-м и 9-м часах о распятии нашего Господа, Св. церковь в последовании Изобразительных особенным образом указывает нам на одно, весьма назидательное для нас, событие на Голгофе. Со Спасителем были распяты два разбойника. Один из них со креста своего душою перешел в царствие небесное: путем для такого перехода было покаяние! Чтобы глубже напечатлеть в нас такое событие и вместе научить, что и нам для входа в царствие небесное необходимы и покаяние, и евангельские добродетели, поются 9 евангельских блаженств с припевом покаянной молитвы благоразумного разбойника: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем*; в заключение с сею же молитвою мы обращаемся к каждому лицу Святой Троицы и трижды поклоняемся до земли. Часы оканчиваются, после Символа веры, молитвою к Богу: *ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша*, и к пресвятой Богородице, чтобы Она *предварила к нам на помощь, ускорила на молитву, и потщиалась на умоление за нас, присночтущих Ее*. За сим, на вечерне, после 18-й кафизмы и двух паремий, мы, по руководству Св. Церкви, снова

несколько раз поклоняемся до земли, припадая с молитвенным пением ко всем небесным ходатаям нашим: к Пресвятой Богородице, к Крестителю Христову, апостолам и всем святым.

«Богородице, Дево, радуйся!» и пр.

(Слава) «Креститель Христов! Помяни всех нас, чтобы мы избавились от своих беззаконий, потому что тебе дарована благодать – молиться за нас».

(И ныне) «Молитесь за нас, святые апостолы и святые все, чтобы избавились мы от несчастий и скорбей, потому что в вас мы приобрели теплых ходатаев пред Спасителем».

«Богородица! Прибегаем к Твоему милосердию: не призри наших молений во время искушений, но избавь от падений, – единая чистая, единая благословенная».

Последняя дневная служба есть великое повечерие.

Великое повечерие

Общий состав Великого повечерия слагается из трех частей, «во образ Святыя Троицы и в умилоствление за нас», как выражается блаженный Симеон Солунский. Каждая часть состоит из нескольких, – большею частью, трех псалмов, без сомнения, в честь и славу Пресвятой же Троицы, из новозаветных молитвословий и песнопений. И псалмы, и молитвословия, и песнопения премудро применены Св. Церквю и ко времени дня, и к нашему нравственному состоянию.

Вот пред нашими очами человек верующий, совершивший дневные подвиги свои и готовящийся упокоиться мирным сном. Спокойно встречает он время сна, хотя этот сон есть подобие смерти, хотя бесчисленные враги угрожают и душе, и телу его. Он верует с Давидом, что Господь хранит праведников, что Господь слышит, когда они ирывают Его, он не смотрит на врагов своих, он не боится их и повторяет в душе своей слова псалмопевца: «я спокойно ложусь и сплю; ибо Ты, Господи, един даешь мне безопасность». Так говорит человек-праведник.

Но представляя себе праведника, готовящегося лечь на ложе свое после дневных трудов и подвигов, мы обращаем очи и сердце наше к Тому, Кто един на земле, среди всех врагов Своих, был чист и свят, к Господу Иисусу Христу, когда Он жил на земле, и по окончании дневных трудов Своих, подъятых ради нашего спасения, приближался к гробовому ложу Своему. Затем, мы припоминаем себе и всех святых Божиих человек, – всех истинных учеников и последователей Господа нашего Иисуса Христа, которые, верно исполняя Его заповеди, неустанно трудясь ради славы имени Его, ради нравственной пользы своих ближних, ради собственного своего спасения, спокойно, с верою в Господа, с молитвою к Нему, с веселием и миром в душе, приближались к ложу своему. «Ты мне вложил в сердце веселие большее, нежели у нечестивых во время обилия хлеба и вина, и еля, на их вечерних пиршествах. Я спокойно ложусь и сплю; ибо Ты, Господи, един даешь мне безопасность», – так помышляют они в сердце своем.

Эта светлая картина, без сомнения, для того представляется очам нашим Св. Церквю, во дни поста и говения нашего, дабы сильнее возбудить нас быть чистыми и праведными. Ведь только для праведника возможно такое блаженное состояние духа, а для грешников нет истинной радости на земле.

Когда псалом, представляющий эту светлую картину, читается после Великого канона, в котором изображена вся нищета и убожество наше духовное, тогда эта светлая картина делается еще разительнее, еще осязательнее и, так сказать, рельефнее. Так светлый луч солнца делается еще светлее, когда он выглянет после страшной, мрачной тучи.

Изобразив блаженное состояние праведника, Св. Церковь указывает и нам, грешникам, средство к достижению его, это средство – покаяние.

«Господи, не во гневе Твоем обличай меня, и не в ярости Твоей наказывай меня», – так вопит кающийся. «Помилуй меня, Господи; ибо я изнемог; исцели меня, Господи; ибо кости мои потряслись. И душа моя сильно смутилась; Ты же, Господи, доколе? Обратися, Господи, избавь душу мою, спаси меня ради милости Твоей; ибо в смерти нет памятования о Тебе; во гробе кто славит Тебя? Утомлен я стенаниями моими; каждую ночь омываю постель мою, слезами моими омочаю ложе мое. Изсохло от печали око мое, состарелось от множества врагов моих».

Это – наша речь; это наш взгляд на ложе наше. Изнемогшие, измученные, израненные в борьбе с духовными врагами нашими, мы смотрим на ложе наше не как на место упокоения, но как на место пытки новой скорби духовной. Мы чувствуем, что в нас потрясены самые кости наши, что душа наша содрогается, и вдобавок мы еще не уверены, кончилась ли брань наша, перестанут ли нападать на нас враги наши? Мы со слезами сокрушения, с умоляющими очами обращаемся к Господу и взываем Ему: доколе, Господи?..

«Доколе, Господи, будешь забывать меня до конца? Доколе будешь скрывать лице Твое от меня? Доколе мне слагать в душе моей советы, томиться в сердце моем день и ночь? Доколе врагу моему возноситься надо мною? Призри, услыши меня, Господи Боже мой! Дай свет очам моим, чтобы не уснуть мне сном смертным, чтобы не сказал враг мой: я преодолел его, – чтобы не обрадовались гонители мои, если я поколеблюсь» (Пс. 12).

По прочтении трех псалмов произносится краткое славословие Пресв. Троице, Которая ведет нас путем испытаний, подвигов и борьбы со врагами нашими к вечному покою и Которую немолчно воспевают небожители.

После краткого славословия вы снова слышите умиленную мольбу кающегося христианина. Он и среди самой борьбы со врагами своими, и среди самого сердечного сокрушения о грехах своих, – равно как и во время покоя, которому думает предаться, единственную – надежду свою возлагает на Господа: он всеусердно умоляет Господа указать ему путь

Его и научить ходить по стезям заповедей Его; тогда он верно достигнет блаженного покоя; тогда душа его непременно будет поживать во благе. Вместе с тем кающийся христианин молит Господа, чтобы Он призрел на него и помиловал его особенно теперь, когда он одинок и угнетен, когда он в изнеможении, когда враги его во множестве и всю злобную ненавистью ненавидят его.

«К Тебе, Господи, возношу душу мою», – взывает христианин, – «Боже мой, на Тебя уповаю: не дай посрамиться мне, да не восторжествуют враги мои надо мною. Ибо все надеющиеся на Тебя не посрамятся; посрамятся отступающие от Тебя беззаконно. Укажи мне, Господи, пути Твои, научи меня ходить стезями Твоими. Наставь меня на истину Твою, и научи меня. Вспомни милосердие Твое и милости Твои; ибо они вечны. Грехов не воспоминай, по милости Твоей, вспомни меня Ты, ради благодати Твоей, Господи. Благ и праведен Господь; посему указывает грешникам путь, наставляет смиренных на истину и научает кротких ходить путем Его. Все пути Господни – милость и верность к тем, кои хранят завет Его и откровения Его... Кто есть человек, боящийся Господа: – Он укажет ему путь, какой ему избрать. Душа его будет поживать во благе, и потомство его будет обладать землею».

«Очи мои непрестанно устремлены к Господу», – продолжает христианин, – «ибо Он извлекает из сети ноги мои. Призри на меня и помилуй меня; ибо я одинок и угнетен. Да расширится сжатое сердце мое; из тесноты моей изведи меня. Воззри на страдание мое и изнеможение мое; и прости все грехи мои. Воззри на врагов моих, как много их, и какою злобною ненавистью ненавидят они меня. Сохрани душу мою, и избавь меня; не дай посрамиться мне, ибо на Тебя уповаю» (Пс. 24).

По мере приближения ночи молитва христианина делается еще сильнее и умиленнее, его возвания к Господу еще трогательнее. Он понимает, что ни стены храма, ни стены дома его, и никакая твердыня не укроют его от врагов, но что во мраке ночи враг по преимуществу расставляет ему сети свои. И вот он в Господе ищет ограды себе и спасения; Ему всецело поручает он себя, в руки Его предает он дух свой.

«На Тебя, Господи, уповаю», – взывает он в смятении сердца своего; – не оставь меня в стыде вечном; по правде Твоей избавь меня. Приклони ко мне ухо твое, поспеши спасти меня. Будь мне каменной твердыней, крепкою оградой, где бы спастись мне. Ибо Ты – каменная гора моя и ограда моя, ради имени Твоего руководи и управляй мною. Выведи меня из сети, которую тайно поставили мне; ибо Ты – крепость моя. В руце Твои предаю дух мой...».

Но эта живая преданность в волю Божию тотчас сменяется смиренной молитвою о помиловании. «Помилуй меня, Господи, ибо тесно мне; изныло от тоски око мое, душа моя и сердце мое. Ибо истоцилась в печали жизнь моя, и лета мои в стенаниях. Ослабела от страдания моего сила моя, и кости мои измождились. От множества врагов моих я сделался посмешищем у самых соседей моих, и страшилищем для знакомых моих; видящие меня на улице бегут от меня. Я забыт, как мертвый; нет меня в сердцах; я как разбитый сосуд. Ибо слышу злоречия многих, отсюда ужас, когда они вместе сговариваются исторгнуть душу мою».

Как живо и ясно понимает кающийся христианин бедственное положение свое среди борьбы со врагами спасения своего! Как мало надеется он на свои силы и мудрость!

«Я на Тебя, Господи, уповаю», – взывает он, представляя себе весь ужас положения своего, – «я говорю: Ты Бог мой. В руке Твоей дела мои, исхити меня из руки врагов моих и гонителей моих. Яви светлое лице Твое рабу Твоему, спаси меня ради милости Твоей, Господи! Не оставь меня в стыде, ибо Тебя призываю. Да посрамятся нечестивые, да умолкнут и падут в ад» (Пс. 30).

Мы видели, как долго зывал к Господу о помощи кающийся христианин; слышали, как долго молил он Его о помиловании. Св. церковь с намерением так расположила последование повечерия, чтобы дать ему полную свободу предаться своей печали, *яже по Бозе*, чтобы открыть ему полную возможность плакать и рыдать пред Господом, сознать всю свою нищету и убожество, всю беспомощность и одиночество среди приближающегося мрака ночи, при непрестанных нападениях на него врагов его. Господь как бы не слышал его вопля и не являл ему светлого лица Своего. Но вот чем живее и полнее предает себя христианин в руке Божии, при этом сознании своих немощей и своего бессилия в борьбе со врагами; – тем скорее спешит явиться ему Господь с Своею божественною помощью.

В ответ на живую преданность христианина Богу и на его жалобный вопль о множестве врагов, восстающих на него, раздается уверительное слово Самого Бога, обещающего ему Свою Божественную помощь при всех нападениях врагов его.

«Так как он, т. е. истинный христианин, возлюбил Меня», – вещает Отец небесный, – «избавлю его, защищу его, так как он познал имя Мое. Призовет Меня, – и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его; долгоденствием насыщу его и явлю ему спасение Мое».

Светлым лучом ободрения и надежды кажется кающемуся

христианину уверение это Всевышнего Господа: «с ни Я в скорби, избавлю его и прославлю его». Оно производит всеобщее радостное движение в сердцах всех молящихся в храме; оно раскрывает их уста, умиляет сердце, вливает бодрость и свежесть в душу их при дальнейшей борьбе со врагами. Тотчас после этого Божественного уверения, попеременно на два хора поется *велегласно и со сладкопением* отрывок из пророчества св. Исаии: *«с нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь: яко с нами Бог! Услышите до последних земли: яко с нами Бог!»*

Вот самое пророчество: «С нами Бог! Враждуйте, народы, но трепещите. Замышляйте замыслы, но они рушатся. Изрекайте повеления, но они не исполнятся, потому что с нами Бог (VIII 9, 10). Иегову (Господа), Бога воинств, Его чтите свято; Он для вас страшен, и Он для вас ужасен. Он будет и священным убежищем (13, 14). Вот я и дети, которых дал мне Иегова (13). Народ, ходящий во тьме, увидит великий свет. Над сидящими в земле смертного мрака возсияет светило (18, 2); потому что у нас родилось Дитя, нам дан Сын, Которому на рамена будет возложена власть, и нарекут имя Ему: чудный Советник, Бог крепкий, вечный Отец, Князь Мира. Величию власти и благоденствию не будет меры» (5, 6).

В заключение всего этого мы единодушно иовторяем первые слова пророческого сказания Исаиина: *«с нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтесь: яко с нами Бог»*.

Так радостно, торжественно и громогласно это воскликновение наше среди великого повечерия. Это радостный, торжественный клик воинов, узревших своего началовождя и получивших от того новую бодрость, мужество и силы. И тем радостнее, тем торжественнее это восклицание, что до него мы слышали или монотонное чтение псалмов, или молитвенный стон о помиловании.

Только после уверения со стороны Господа, что Он с нами, и после радостного восклицания нашего, вызванного этим уверением, мы произносим свое благодарение Господу Богу за проведенный нами день и молим Его, чтобы Он даровал нам благодать и силу и наступавший вечер с ночью провести без греха, без соблазнов, без наветов и нападений вражиих.

Первый лик, тотчас после окончания пения «с нами Бог» поет: «день прешед благодарю Тя, Господи; вечер, прошу, с нощию без греха подаждь ми, Спасе, и спаси мя».

Лик второй, в соответствии первому, поет: «слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. День прешед, славословлю Тя, Владыко; вечер, прошу, с нощию безсоблазнен подаждь ми, Спасе, и спаси мя».

Оба лика вместе: «и ныне, и присно и во веки веков, аминь. День прешед, песнословлю Тя, Святыи, вечер, прошу, с нощию ненаветен подаждь ми, Спасе, и спаси мя».

Здесь и молитва, и благодарение, и краткое тайное славословие Пресвятой Троице, Отцу и Сыну, и Св. Духу; но славословие, – говорю, – краткое и тайное; потому что наши уста, постоянно испускавшие доселе молитвенные стоны, как бы не осмеливаются раскрыться для торжественного, полного славословия Пресвятой Троице; это полное и торжественное славословие воссылают за нас теперь, – как и всегда, – херувимы и серафимы.

«Безплотное естество херувимское немолчными песнями Тя славословить», – взываем мы к Богу, славимому в Троице, выражая тем наше недостойнство и как бы неуменье немолчно славословить Его. «Не нам, грешным, теперь воспевать и славословить Тебя; не нашим грешным устам, не нашему нечистому сердцу возсылать теперь хвалу Тебе», – как бы так мы говорим Господу Богу. «Пусть Тебя славословят теперь – как и всегда, – безплотные херувимы своими немолчными песнями. Там, в небесных кругах, непрестанно раздаётся Тебе песнь хвалы и славословия».

«Шестокрыльная животная – серафимы непрестанными гласами Тя превозносят; ангелов же вся воинства трисвятыми песнями Тя восхваляют. Прежде бо всех еси, и собезначальна имаши Сына, и равночестна носяи Духа жизни, Троицы являеши нераздельное существо».

Но сознавая всю нашу немощь, все наше греховное недостойнство, мы сердечно желали бы прославлять святость и благодать Триипостасного Бога, желали бы особенно теперь, когда мы уверены, что с нами Бог. И вот мы молитвенно взываем к Пресвятой Богородице, к апостолам, пророкам и мученикам, чтобы они помолились за нас, находящихся в бедах, дабы нам, избавившись от прелести лукавого, воспеть ангельскую песнь: «Святыи, Святыи, Святыи, Трисвятыи Господи, помилуй и спаси нас».

После молитвы нашей к Пресвятой Богородице, к святым апостолам – самовидцам и слугам Слова, к пророкам и мученикам, мы *низким гласом* произносим символ православной веры нашей. Вместо торжественного славословия в честь и славу Пресвятой Троицы мы смиренно исповедуем православную веру нашу. Один из святых отцов говорит, что «должно исповедывать веру вечером для того, чтобы, если найдет смерть, она нашла нас в исповедании» (Сим. Солун. Т. II 408). Исповедание православной веры мы приносим Господу вместо дел, которые бы могли оправдывать нас пред Ним. Не требуй от нас, – как бы так говорим мы Господу Триипостасному – не требуй от нас ни хвалы и славословия, на которые

теперь так бессильны, ни дел, оправдывающих нас пред Тобою. Воззри милостиво на веру нашу, и прими ее, как плод признательного сердца нашего.

И самое исповедание православной веры мы произносим как бы с боязнию и робостию, произносим *низким гласом*, как замечено в уставе церковном, и потом, тотчас после символа веры, снова смиренно и громче прежнего воссылаем молитву нашу к Пресвятой Богородице, ко всем небесным силам, к ев. Иоанну пророку, Предтече и Крестителю Господню, к святым славным апостолам, пророкам и мученикам, и всем святым, к преподобным и богоносным отцам, пастырям и учителям вселенной, к тем святым, именам которых посвящены храмы наши. Мы молитвенно взываем силе честного и животворящего креста Господня, чтобы она не оставила нас.

«Боже, очисти, нас, грешных, и помилуй нас!» – взываем мы в заключение наших молитвенных воззваний.

Вечернее время дня естественно напоминает нам о вечере нашей жизни, о смерти нашей; легко может случиться, что одр наш делается для нас гробом. И вот, каждый из нас вопиет к возлюбленному нашему Спасителю, Который соделался солнцем правды и светом велиим для всех, сидящих во тьме и сени смертной: «просвети очи мои, Христе Боже, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой: укрепихся на него».

Подвиги поста и покаяния ясно обнаруживают для нас те козни и сети врага нашего, которыми он окружает нас и которые при наступающем мраке ночи могут быть для нас еще опаснее. И вот каждый из нас взывает к Господу: «Заступник души моей буди, Боже, яко посреде хожду сетей многих; избави мя от них и спаси мя, Блаже, яко человеколюбец».

Но мы виолне сознаем, что и эти наши молитвы – как они ни благовременны – могут оставаться не услышанными, по нашей греховной нечистоте; мы боимся за самих себя, за свои молитвы. И вот мы снова взываем к Пресвятой Богородице:

«Яко не имама дерзновения за премногие грехи наша, – Ты же от Тебе Рождшагося моли, Богородице Дево: много бо может моление матернее ко благосердию Владыки; не презри грешных мольбы, Всечистая, яко милостив есть и спасти могий, Иже и страдати о нас изволивый».

Мы как бы так выражаем нашу молитву к Пресвятой Богородице: не смеем мы ныне, по бесчисленному множеству грехов наших, обращаться дерзновенно с молитвою нашею к Господу; Он отвращает светлое лицо Свое от нас, недостойных и грешных; – помолись же Ты за нас, – Ты, от Которой Он родился; помолись к Нему, потому что весьма сильна молитва

Матери для умилоствления Владыки и Царя. Не возгнушайся нами, грешными, не презри, не оставь без внимания нашей смиренной мольбы. Он, Владыка наш и Царь, милостив; Он может спасти нас, когда и пострадать за нас благоизволил.

Эти тропари читаются в понедельник и в среду на повечерии; во вторник и четверток – другие, тоже весьма умиленные.

«Ты знаешь, Господи, неусыпаемую злобу врагов моих; знаешь, Создатель мой, изнеможение окаянной души моей. Поэтому в руке Твоей предаю дух мой. Покрой меня крылами благодати Твоей, чтобы мне как-нибудь не уснуть сном смерти, и просвети очи ума моего к наслаждению божественными словесами Твоими, и воздвигни меня во время благопотребное к славословию Твоему, яко един благ и человеколюбец».

Как страшен суд Твой, Господи: вот ангелы будут предстоять, люди приведутся, книги разогнуты, помыслы будут выведываться; о, какой суд будет тогда мне, зачатоу в грехах? Кто угасит мне пламень? Кто просветит мне тьму, – если Ты, Господи, не помилуешь меня, яко человеколюбец?».

Это трепетное воззвание исторгнуто из нашего сердца живым представлением страшного суда Христова, на который все мы должны явиться некогда. При мысли о смерти нельзя не вспоминать о страшном суде; а для кающегося христианина это воспоминание тем благовременнее и благотворнее, что оно сильнее может поощрять его на подвиги поста, на удаление от грехов, на совершение добрых дел. *Помни, христианин, последняя твоя, и во веки не согрешишь.*

«Слезы мне дай, Боже, как некогда жене грешнице, и сподоби меня омочить ими Твои ноги, освободившие меня от пути заблуждения; – сподоби миро благоуханное Тебе принести – жизнь чистую, чрез покаяние мне даруемую, – да услышу и я вождельный Твой глас: вера Твоя спасла тебя; иди в мире».

Затем, обращая молитву свою к Пресвятой Богородице, христианин взывает:

«Имея в Тебе, Богородице, непостыдную надежду, я спасуся; стяжавши Твое предстательство, Пречистая, я никого не боюсь; я прогоню врагов моих и побужду их, облекшись, как в броню, в единый Твой покров и во всемогущую Твою помощь, и молитвенно вопию к Тебе: Владычице! спаси мя молитвами Твоими, и возстави от мрачного сна к славословию Твоему, силою из Тебя воплотившегося Сына Божия».

После этих тропарей читается прекрасная молитва Василия Великого, вполне приспособленная к душевному состоянию христианина, на сон

грядущего.

«Господи! Господи! Ты, Который избавлял нас от всякой стрелы, летящей днем, избави нас и от всякой вещи, ходящей во мраке. Прими от нас жертву вечернюю, воздеяние рук наших, и сподоби нас пройти и поприще ночное без порока, неискушенными от всего злого; и избавь нас от всякого смущения и боязни, которую наводит на нас диавол. Даруй душам нашим умиление и помыслам нашим заботу о том, как нам выдержать испытание на страшном и праведном суде Твоем. Пригвозди к страху Твоему плоть нашу, и *умертви уды наши, сущия на земли*, так чтобы нам и во время сонного безмолвия просвещаться созерцанием судеб Твоих. Отъими же от нас всякое мечтание негодное и похоть вредную; и возстави нас в определенное время на молитву утвержденными в вере и преуспевающими в исполнении заповедей Твоих, – благоволением и благостию Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси, с пресвятым и благим, и животворящим Твоим Духом».

Здесь оканчивается первое отделение великого повечерия, и самое главное. Святая церковь прекрасно изобразила всю нищету, все духовное убожество кающегося христианина; представила вопли и стоны его о помиловании; вместе с тем она представила и радость его при вести, что *с нами Бог*; представила и торжественные, великогласные восклицания, которые, как бы неудержимым потоком, исторгаются из его души при этой радостной вести; представила исповедание веры и молитвы его, которые он считает нужным высказать Господу на конце дня, проведенного в подвигах поста и покаяния. И все это изобразила и представила с такою верностию, с такою близостию к нравственному состоянию нашему, что каждый из нас, внимая словам псалмов, молитвословий и песнопений, невольно прилагает все к себе самому, к своей окаянной и многогрешной душе.

Душа наша, взволнованная подобно морю, от глубокого сознания духовной нищеты и убожества своего, не скоро может успокоиться. Жгучая скорбь ее о грехах не скоро и не легко утихает. Состояние ее похоже бывает на состояние человека, который недавно горько плакал и рыдал; если вы и остановите от слез этого человека, – все же по временам грудь его волнуется от сильного вздоха, от невольного стоны. Или правильнее: она похожа на израненного и изъязвленного воина: малейшее прикосновение к нему, к его ранам и язвам сейчас исторгает у него стоны и вопли. А между тем, она знает, как злобен и хитер враг нашего спасения, не скоро он отстает от нас; или вернее, – готов ежеминутно напасть на нас и пожрать нас, – особенно часто и сильно приражается он к нам,

постящимся и говеющим, также во время ночи и сна нашего.

И вот христианин не успокоивается сразу, не смыкает очей своих после первого отделения повечерия; не спится ему, по слову псалмопевца; он сидит ночью, как одинокая птица на кровле (Псал. 101, 8): он внимательно осматривается во все стороны; он ограждает душу свою всеми возможными твердынями и забралами.

И вот, христианин видит снова приближение к себе врагов своих, отогнанных от него радостною вестью, что *с нами Бог*; вот он чувствует новый прилив душевной скорби своей, умиротворенной на время живою преданностью Господу; и вот, снова затрепетала душа его... Он немедленно прибегает к покаянной молитве своей; он «изливает пред Господом печаль свою», он опять умиленно просит у Господа помилования себе и спасения. Впрочем, его вопли теперь не так продолжительны, он как бы дерзновеннее становится пред Отцом небесным, мужественнее смотрит на врагов спасения своего, спокойнее выражает свою молитву о помиловании, и с большим упованием предает себя всецелому управлению и водительству Господа Вседержителя. «Омой меня, – и буду белее снега»; – так он ищет себе оправдания единственно у Господа в таинстве покаяния.

«Отврати лице Твое от грехов моих, изгладь все беззакония мои. Сотвори мне, Боже, сердце чистое, и дух правый обнови внутри меня. Не отвергни меня от лица Твоего, и Духа Твоего Святого не отыми от меня».

Так вопиет кающийся христианин, повторяя покаянную молитву Давида.

Покаянный вопль Давида кажется христианину недостаточным; его душа жаждет слез и вздыханий, и вот он, сознавая всю тяжесть грехов своих, изливает печаль свою пред лицом Господа.

«Господи! Услыши молитву мою, и вопль мой к Тебе да придет. Не скрывай лица Твоего от меня; в день бедствия моего приклони ко мне ухо Твое».

Впрочем, эта самая надежда на Господа исторгает из уст кающегося христианина новую умиленную молитву о помиловании. Эта молитва Манассии. Манассия был царем иудейским. Не подражая примеру благочестивого отца своего, Езекии, он весь предался суеверию и нечестию, так что превзошел в этом язычников. И страшное понес за то наказание: –ассириане, разбив войско и разграбив всю Иудею, его самого в оковах отвели в плен в Вавилон. Здесь-то почувствовал и сознал он вину свою; исповедал свои грехи в молитве; искренно и пламенно раскаялся и получил прощение: Господь возвратил ему свободу и власть.

Вот эта-то молитва и принята православною церковью в число *покаянных* молитв и читается на великом повечерии. Чтобы иметь о ней понятие, сделаю хоть небольшое извлечение.

«Господи Вседержитель! Не назначил Ты покаяния праведникам, а мне, грешнику, у которого грехов больше, чем песку при море. Умножились мои беззакония; до того умножились, что я не достоин поднять взор в высоту небесную. Но вот теперь с сердечным коленопреклонением прошу у Тебя милосердия. Сознаю свои вины пред Тобою, – прости меня за них; не погуби меня со беззакониями моими и не осуди во ад. В этом-то и выразится все величие Твоего милосердия, что помилуешь и простишь меня, недостойного».

Потом, после трисвятого, то же сознание греховности и прошение *милосердия* у Бога, но уже прямо от лица молящихся. – *Помилуй нас, Господи, помилуй нас: всякаго бо ответа недоумеюще³⁶, сию Ти молитву, яко Владыце, грешнии приносим: помилуй нас.*

Эта молитва, как вы видите, начинается так же, как и покаянный псалом Давидов; она преисполнена теми же чувствами: многие выражения ее как бы прямо оттуда заимствованы.

Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу... *Господи, помилуй нас, на Тя бо уповахом: не прогневайся на ны зело (на нас чрезмерно), и не помяни беззаконий наших; но призри и ныне, яко благоутробен, и избави нас от враг наших: Ты бо еси Бог наш, и мы людие Твои, еси дела руку Твоею, и имя Твое призываем.*

Ты – Бог наш, а мы люди Твои; мы – творение рук Твоих, мы носим на себе святое имя Твое (христиан); так умоляем мы Господа Иисуса, чувствуя на себе благоволительный взор Его и возводя наши очи к Нему, премилосердому.

И ныне, и присно, и во веки веков аминь. *Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородице: надеющихся на Тя да не погибнем, но да избавимся Тобою от бед: Ты бо еси спасение рода христианского.*

Так взываем мы к Царице небесной, желая найти себе убежище под Ея божественным покровом.

Затем следует краткое молитвенное воззвание: «Господи, помилуй» – произносимое сорок раз, и молитва св. Мардария, выражающая полнейшую всецелую преданность нашу Господу Вседержителю.

Владыко Боже, Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный, Иисусе Христе, и Святый Душе, едино Божество, едино сила! Помилуй мя грешнаго, и имижли веси (какими Ты знаешь) судьбами спаси мя недостойнаго раба Твоего, яко благословен еси во веки веков.

Этим кончается второе отделение повечерия. Душа кающегося христианина, под благоволительным взором Отца небесного, опять несколько успокоилась: опять ее вопли и стоны разрешились и в детский лепет славословия, и в молитву умиления, и во всецелую преданность Господу и Его святому промыслу. Но не конец еще тревогам душевным.

Третья часть повечерия начинается все еще воплем и стоном кающегося христианина; но этот стон и вопль несравненно короче, мягче.

Господи, услыши молитву мою, взывает кающийся христианин, прими моление мое, по истине Твоей; вземли мне по правде Твоей. И не входи в суд с рабом Твоим; ибо не оправдается пред Тобою ни один живущий.

Таким образом, мы видим, что кающийся христианин обращается уже к истине и правде Божией, хотя и молит Господа не входить в суд с ним; здесь уже заметно великое, в сравнении с прежними молитвами и воплями, дерзновение.

«Враг преследует душу мою, попирает во прах жизнь мою, посаждает меня во мраке, подобно давно умершим. Томится во мне дух мой, ноет во мне сердце мое. – Вспоминаю дни древние, исчисляю все деяния Твои, размышляю о делах рук Твоих».

У кающегося христианина является уже теперь размышление, воспоминание, соображение: это доказывает, что душа его умиротворяется.

«Простираю к Тебе руки мои; душа моя – как жаждущая земля пред Тобою. Поспеши, услыши меня, Господи; дух мой исчезает, не скрой лица Твоего от меня; иначе я сравнюсь с отходящими в могилу. Яви мне рано милость Твою; ибо я на Тебя уповаю. Укажи мне путь, по которому мне идти, ибо к Тебе возношу душу мою».

Опять мы сами видим здесь больше сиюкойствия и мира душевного, нежели в прежних молитвах кающегося христианина.

«Научи меня исполнять волю Твою, ибо Ты Бог мой; дух Твой благий да руководствует меня по стезе прямой. Ради имени Твоего, оживи меня, по правде истреби всех врагов моих и погуби всех угнетающих душу мою, ибо я – Твой раб».

Видим, с какою преданностию молится теперь кающийся христианин: в его словах слышится уже молитва об истреблении всех врагов его, о погублении всех угнетающих душу его.

И вот, лишь только душа почувствовала себя несколько спокойнее и мирнее, кающийся христианин сейчас же начинает славословие свое Богу.

«Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение».

Мир, водворяющийся в душе его, невольно напоминает ему ту

хвалебную, дивную песнь, которую воспели ангелы, когда родился на земле великий Примитель и Спаситель наш, Господь Иисус Христос.

Хвалим Тя, благословим Тя, кланяемся, славословим Тя, благодарим Тя, великия ради славы Твоя, Господи, Царю Небесный, Боже, Отче, Вседержителю, Господи, Сыне Единородный, Иисусе Христе и Святой Душе.

Кающийся христианин не знает, как выразить свою сердечную благодарность Господу Богу за это неизреченное чудо Его милости, за ниспослание в Мир Единородного Сына Его для спасения нас грешных. Он и хвалит, и благославляет Триипостасного Бога, и поклоняется Ему, и славословит, и благодарит Его, и богословски исповедует троичность лиц в Его существе. Так, на утихшем от волнения и бури море отражается во всем блеске свет солнца и золотит его поверхность...

С особенным благоговением и умилением христианин обращается молитвенно к возлюбленному Спасителю Своему, Господу Иисусу Христу.

Господи Боже, Агнче Божий, Сыне Отеч, возьми грех мира, помилуй нас; возьми грехи мира, прими молитву нашу; сядь одесную Отца, помилуй нас; яко Ты еси един Свят, Ты еси един Господь Иисус Христос, во славу Бога Отца, аминь!

Какая прекрасная молитва! Какою дышит она любовью к Господу Иисусу, каким умилением и вместе дерзновением!

На всяку ночь благословлю Тя и восхваляю имя Твое во веки и в век века. Господи, прибежище был еси нам в род и род. Аз рех: Господи, помилуй мя, и исцели душу мою, яко согреших Тебе, Господи, к Тебе прибегах: научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой; яко у тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет. Пробави милость Твою ведущим Тя.

Здесь опять и благословение, и восхваление, и прославление, и молитва, и исповедание, и упование, совершенное, всецелое предание кающегося христианина Богу.

Правда, это славословие не поется на повечерии с такою торжественностью, как на всенощных воскресных и праздничных – а читается; тем не менее, дух и сила этого дивного славословия вносят в душу нашу особенное, неизъяснимо-радостное и вместе с тем чудно-умиряющее нас чувство.

Сподоби, Господи, в ночь сию без греха сохранитися нам, – присоединяем мы нашу молитву к Господу Богу после этого славословия. Благословен еси, Господи Боже Отец наших; и хвадно, и прославлено имя

Твое во веки, аминь.

Теперь наша молитва о самой настоятельной нужде нашей, о том, чтобы Господь даровал нам ночь мирную и безгрешную, – соединяется и сливается с славословием Господу; она так льется из сердца нашего, что мы как бы не можем отделить от нее нашего славословия Богу.

Буди, Господи, милость Твоя на нас, яко же уповахом на Тя. Благословен еси, Владыко, вразуми мя оправданием Твоим. Благословен еси, Святыи, просвети мя оправданием Твоими. Господи, милость Твоя во век; дел руку Твою не презри: Тебе подобает хвала, Тебе подобает пение, Тебе слава подобает Отцу и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Нельзя не видеть, как премудро действует Св. церковь, руководя нас на пути нашего спасения во время поста и говения нашего. Она не оставляет нас на ночь с нашею скорбью: она дает нам досыта наплакаться о грехах наших; – дозволяет высказаться вполне пред Господом Богом, молит Его всеми воплями и стонами; а затем умиротворяет нас, вносит в душу нашу умиление, благодатную тишину, ничем невозмутимую преданность воле Божией, младенческую чистоту и ясность; а в уста наши влагает славословие Богу.

Вот теперь она скоро отпустит нас на ложа наши: теперь она покойна останется относительно нас, вполне понимая, что мы, умиротворенные в душе, скоро заснем сном мирным и безмятежным. Она действует, как нужная и заботливая мать с детьми своими. Когда дитя стонет и плачет, когда оно в болезни, в язвах и ранах, мать не кладет его на ночь в постель, нет, она сначала обмоет и обвяжет его раны и язвы, она сначала вылечит и успокоит его; и уж тогда укладывает его в постель...

Водворивши мир в душе нашей, успокоивши нас от тревог наших душевных, от воплей и стонов болезненных, она открывает нам дивную картину единогодушного, всеобщего славословия Господу, возсылаемого от всех созданий Его, небесных и земных. Смотри, христианин, – как бы так говорит она, – и учись заканчивать и каждый день твой, и всю земную жизнь твою подобным славословием Господу Богу твоему, давшему тебе силы и способность к прославлению святого имени Его.

Но кающийся христианин как бы боится принять участие в этом дивном всеобщем хоре; он не смеет в настоящее время поста и покаяния присоединить к этим славословиям своего голоса, который слишком еще недавно издавал звуки болезненные, стоны и вопли, раздиравшие душу³⁷.

Господи сил! С нами буди, – взывает он молитвенно к Господу, – *иного бо разве Тебе (другого, кроме Тебя) помощника в скорбех не имамы;*

Господи сил, помилуй нас!...

Это молитвенное воззвание к Господу сил поется *велегласно* и *косно*, на два хора, как бы в подражание небесному и земному хору.

Другой лик отвечает тем же молитвенным воззванием: *Господи сил! С нами буди...*

Хвалите Бога во святых Его, хвалите Его во утверждении сил Его, – поет снова первый хор, и тотчас же соединяет с этим словословием свою молитву: *Господи сил! С нами буди* и проч.

– *Хвалите Его на силах Его, хвалите Его по множеству величества Его*. Это призыв к силам небесным, созерцающим на небе и на земле во всей полноте величие Божие... И тотчас опять наша молитва: *Господи сил! С нами буди* и проч.

В природе видимой христианин слышит как бы дивный, великий концерт, где на незримых, неземных инструментах всякое дыхание поет и хвалит Господа.

Хвалите Его во гласе трубнем, хвалите Его во псалтири и гуслех.

И опять он соединяет свою молитву к Господу с этим дивным концертом: *Господи сил, с нами буди!*

– *Хвалите Его в тимпане и лире, хвалите Его во струнх и органе*.

И опять молитва: *Господи сил, с нами буди...*

– *Хвалите Его в кимвалех доброгласных, хвалите Его в кимвалех восклицания; всякое дыхание бо хвалит Господа*.

Как ни разнообразны эти хваления Господа, воссылаемые всяким дыханием, всем, что существует, живет и дышит, кающийся христианин твердит неизменно одну свою молитву: *Господи сил! С нами буди, иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы: Господи сил! Помилуй нас!*

Наконец, перебравши все инструменты, на которых исполняется этот дивный, хвалебный концерт в честь и славу Господа, кающийся христианин как бы завершает и покрывает весь этот хор своими умиленными молениями.

Сошедшись посреди храма, оба лика поют вместе:

Господи сил, с нами буди; иного бо разве Тебе помощника в скорбех не имамы: Господи сил! Помилуй нас.

Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу. Вот начинается славословие и христианина; он хочет, по примеру всех созданий, вознести хвалу своему Создателю, Искупителю, Освятителю; но хвала его растворяется иными чувствами и мыслями.

«Господи! Если бы мы в лике святых Твоих не имели молитвенников за себя, и если бы благостыня Твоя не щадила и не миловала нас, – о, как

бы мы осмелились петь Тебя, Спаситель, – Тебя, Которого непрестанно славословят ангелы?.. Сердцеведче, пощади души наши!»

Таким образом, молитва наша направлена к Господу Иисусу Христу. К Нему мы прибегаем, – нашему Спасителю; пред Ним исповедуем все наше недостоинство; Ему, – как Сердцеведцу, мы открываем всю нашу душу; Его умоляем о пощаде, взывая: «Сердцеведче, пощади души наши». К кому же больше и прибегнуть нам, как не к Нему – нашему Спасителю? Он знает немощи наши; Он безгранично милосерд; Он, как Богочеловек, может спострадать нашей душевной скорби.

– «И ныне, и присно, и во веки веков, аминь. ...Многое множество моих прегрешений, Богородица», – взываем мы, молитвенно обращаясь к Пресвятой Богородице, Матери Господа нашего Иисуса Христа, – «к Тебе прибегаю, Чистая, спасения требуя: посети немощствующую мою душу, и моли Сына Твоего и Бога нашего, чтобы Он дал мне оставление в содеянных мною прегрешениях, – единая Благословенная!»

Главная молитва наша теперь к Пресвятой Богородице о том, чтобы Она умолила Сына Своего и Бога нашего даровать нам оставление прегрешений наших; во время поста и покаяния нашего нас особенно сильно тяготят грехи наши. И опять новая молитва к Пресвятой Богородице:

«Всесвятая Богородица, во время жизни моей не оставь меня; человеческому заступничеству не вверяй меня; но Сама заступи и помилуй меня».

Затем, – всецелое предание себя покрову и охранению Божией Матери.

«Все упование мое на Тебя возлагаю, Матерь Божия, сохрани меня под кровом Твоим».

Вот с каким умилением оканчивает кающийся христианин гимн Господу Богу, возносимый в вечернее время всеми созданиями Божиими! Христианин всецело предает себя Господу Иисусу Христу и покрову Божией Матери...

Но кающемся христианину неестественно во время поста и покаяния окончить моление свое таким радостным, таким светлым общим гимном в честь и славу Господа Бога. Ему непременно хочется еще раз помолиться о грехах своих и испросить себе помилования.

Священник, стоя пред закрытыми царскими вратами, от лица всех нас произносит покаянную молитву Ефрема Сирина: «Господи и Владыко живота моего», – с положенными по уставу поклонами.

После молитвы: *Отче наш* читается двенадцать раз: *Господи помилуй*

в освящение двенадцати часов наступивших полусуток, и молитва к Пресвятой Богородице Павла, монаха обители Евергетидской на Афоне.

«Нескверная, неблазненная, нетленная, Пречистая, Чистая Дева, Богоневеста, Владычица, соединившая, чрез Твое рождество, Бога-Слово с человеками, и совокупившая отверженное естество рода нашего с небожителями, – безнадежным единственная надежда, и обуреваемым помощь, всегда готовое заступление притекающим к Тебе, и всех христиан прибежище! Не возгнушайся меня, грешного, скверного, соделавшегося непотребным от скверных моих помыслов, ставшего рабом сластей житейских, вследствие моей лености; но, как Мать человеколюбца Бога, человеколюбно умиласердись надо мной, грешным и блудным, и прими мое моление, приносимое от скверных устен моих; и употребляя Твое матернее дерзновение, моли Твоего Сына, а нашего Владыку и Господа, да отверзет Он и мне человеколюбивые объятия Своей благодати и, презрев мои бесчисленные прегрешения, обратит меня к покаянию и явит из меня исполнителя искусного Его заповедей».

Когда читается эта умиленная молитва к Пресвятой Богородице, невольно представляется такая картина: вот кающийся христианин вступил под покров Божией Матери: чудно, хорошо ему здесь! Но вот малейший взор его на себя и на Ту, Которая покрыла его Своим божественным покровом, показывает все безмерное разстояние, какое существует между ним и Ею. Он нечист, окаян, грешен; а Она – чистее херувимов и серафимов, светлее светлостей солнечных; у него – нечистые помыслы, нечистые желания, греховные чувствования, греховные дела; у Ней – все чистота, нет ни тени скверны, соблазна, тли греховной... Такое сравнение могло бы привести его в трепет и содрогание, если бы он не чувствовал, что Она неизреченно-милосерда, что Она – мать его и заступница. И вот он, подобно младенцу, лепечет пред Нею свою молитву, укрываясь под Ее матерним покровом. В молитве своей он высказывает все свои благожелания и моления, не только благопотребные ему теперь, по часам дня и по времени поста и покаяния, но и обнимающие всю нашу жизнь и судьбу нашу, во время исхода нашего, и на самом суде Христовом, и в бесконечной вечности. Под Ее матерним покровом ему легко и хорошо высказывать все свои нужды и благожелания. Ему тихо, покойно, уютно, словно младенцу в объятиях матери. Его раны душевные зажили, его скорби совершенно прошли.

Как младенец в объятиях матери, успокоившись, мирно располагается ко сну, – так и мы теперь, под покровом и матерним охранением Царицы небесной, готовимся ко сну и покою.

«И дай нам, Владыко», – взываем мы, охраняемые покровом и заступлением Царицы небесной, к Господу Богу нашему Творцу и Спасителю, – «и дай нам, Владыко, грядущим на сон, покой для тела и души; и сохрани нас от мрачного сновидения греховного, и от всякого темного ночного сладострастия; укроти стремление страстей наших; угаси разженные стрелы лукавого, которые он льстиво пускает в нас; утоли восстания плоти нашей, и усыпи всякое земное и вещественное мудрование».

Высказавши эту молитву Господу Богу и желая, чтобы она услышана была Им, мы с детским простосердечием обращаемся к Царице небесной и говорим Ей: *Преславная Приснодево, Мати Христа Бога, принеси нишу молитву Сыну Твоему и Богу нашему, да спасет Тобою души наши.*

Затем, предавая себя всецело Господу Богу и как бы погружаясь в живое упование на Источника всякой жизни и всякого блага, христианин взывает: *Упование мое – Отец, прибежище мое – Сын; покров мой – Дух Святый; Троице Святая, слава Тебе...*

Заключение Великого повечерия имеет ту особенность, что тут торжественно заявляется полный, безусловный мир между иереем и молящимися. Сначала православные, преклонившись до земли, испрашивают у иерея прощение во всем, в чем согрешили пред ним не только в этот день, но во всю жизнь, и получают его; потом, точно так же и иерей, преклонясь до земли, испрашивает и получает утешение от всех православных. И это заявление мира, не допускающего и тени вражды, или каких-либо неудовольствий, освящается молитвой, которую иерей читает над преклонившимся до земли народом: «Владыко многомилостиве» и пр.

Литургия Преждеосвященных даров

Самое важное богослужение, совершаемое единственно во Св. сорокостнице и в первые три дня страстной седмицы, есть литургия преждеосвященных даров, так называемая потому, что на ней не освящаются св. дары, а предлагаются верующим уже преждеосвященные на литургии предшествующего воскресного дня.

Обыкновение православной церкви не совершать полной литургии во время сорокостницы, за исключением дней субботних, воскресных и немногих праздничных, случающихся в Великом посте, – обыкновение это не ново: оно было узаконено еще отцами шестого вселенского собора и лаодикийского. «Не подобает в сорокостницу приносить св. хлеб», говорили отцы лаодикийского собора, «разве только в субботу и в день воскресный» (пр. 49). «Во вся дни поста св. сорокостницы, кроме субботы и недели и св. дня Благовещения, св. литургия бывает не иная, как преждеосвященных даров» (пр. 52). Из того, что отцы собора лаодикийского запрещают совершать полную литургию во дни св. сорокостницы, можно заключать, что еще в четвертом веке считалось неприличным совершать бескровную жертву во дни великого поста. Но это мнение, хотя и не повсеместно в христианской церкви, конечно, тогда уже было не новым; поместный собор не мог бы утвердить его вопреки всеобщему древнему обыкновению или, по крайней мере, изложили бы причины, побудившие к такому нововведению. Очевидно, собор утвердил это мнение потому, что оно еще прежде было принято многими и служило правилом для некоторых частных церквей. Действительно, такое мнение существовало еще во время Тертуллиана, который говорит: «иные полагают, что во время богослужения во дни постов не следует приносить бескровной жертвы» (о молитве, гл. 14). И так издавна считалось и потом узаконено неблаговременным совершать бескровную жертву во дни св. сорокостницы.

Но запрещая в известные дни сорокостницы совершать бескровную жертву, которая, напоминая и изображая совершенное Иисусом Христом спасение мира, возбуждает радость, церковь не лишала и не лишает верующих божественного тела и крови во все это время. Подкрепление этою небесною пищею особенно необходимо постящимся при духовных подвигах. Так как древние христиане имели обыкновение причащаться св. таин ежедневно, то церковь разрешила им причащаться и во всю сорокостницу, для чего и установила совершать литургию

преждеосвященных даров.

Когда верующие имели благочестивую ревность каждодневно приступать к св. тайнам, тогда литургия преждеосвященных даров совершалась во все дни сорокадней, но когда потом, вследствие ослабления этой ревности в христианах, не стало каждодневных причастников, тогда утвердилось обыкновение совершать эту литургию только в среду и пятницу, как дни наиболее важные, по воспоминанию событий из жизни Господа. Так, уже устав иерусалимский не назначал литургии преждеосвященных даров по понедельникам, вторникам и четвергам св. сорокадней. Впрочем, и в настоящее время в Киево-Печерской лавре литургия преждеосвященных даров совершается в каждый день св. сорокадней, кроме субботы и воскресения.

Когда же явилась литургия преждеосвященных даров как служение особенное, назначенное для дней св. сорокадней? С точностью невозможно определить, когда явился чин этой литургии. Трульский собор – шестой вселенский – своим 52 прав. узаконил повсеместное употребление литургии преждеосвященных даров: «во все дни сорокадней, кроме субботы и недели и дня Благовещения, св. литургия да бывает не иная, как преждеосвященных даров». Но было бы несправедливо утверждать, что эта литургия только и явилась во времена Трульского собора. Еще задолго до времени этого собора она была в употреблении на востоке и западе. В первой половине VII века она была в употреблении в церквах иерусалимских; «ныне», – говорит Софроний, патриарх иерусалимский, – «более прочих в уважении священнодействия Васшлия Великого и Иоанна Златоуста с литургиею преждеосвященных даров». В церкви александрийской также употреблялась литургия преждеосвященных даров ранее времени собора Трульского. В александрийской пасхальной хронике под 612 годом значится: «на третьем году Ираклия, при константинопольском патриархе Сергии, с первой недели поста после *да исправится*, во время перенесения даров преждеосвященных из сосудохранильницы, начали петь особую песнь; после того как иерей скажет: «по дару Христа Твоего», народ начинает: *ныне силы небесныя невидимо служат с нами. Се входит Царь славы. Се жертва тайная, совершенная дориносится. Верую и любовью приступись, да причастниками будем жизни вечной. Аллилуия.*³⁸

В александрийской хронике таким образом говорится о чине литургии преждеосвященных даров, как об известном в самом начале VII века, и указывается только время, когда нужно петь «ныне силы небесныя» – песнь, вновь явившуюся при патриархе Сергии. Из того же

свидетельства александрийской хроники можно видеть употребление литургии преждеосвященных даров и в церквях константинопольских. В ней упоминается о константинопольском патриархе Сергии, вероятно, потому, что этот патриарх установил петь на литургии преждеосвященных даров «ныне силы небесныя» – песнь, составленную Георгием Писидою, современником Сергия патриарха, как предполагает Филарет, архиеп. Черниговский³⁹. Кроме того, есть общее предание, что в конце VI века Григорий Двоеслов, бывши в Константинополе, письменно изложил чин этой литургии. Задолго до времени собора Трульского совершалась литургия преждеосвященных даров и на западе в церквях галльских, испанских и римской. Судя по тому, что в церквях галльских и испанских сохранялось вообще богослужение греческой церкви и после собора Трульского, нельзя сомневаться, чтобы в этих церквях не отправлялась и литургия преждеосвященных даров. Что касается до римской церкви, то там ввел ее в употребление Григорий Двоеслов. Итак, литургия преждеосвященных даров много ранее собора Трульского была в обширном употреблении, хотя не во всех частных церквях. Обширность употребления литургии преждеосвященных даров в начале VII и в конце VI века предполагает гораздо более раннее происхождение этого богослужения, почему исследователи христианства ищут начала литургии преждеосвященных даров в первых веках христианства. Многие церковные писатели – Михаил Анхиал, Алексей Аристен, Матфей Властарь и др. – видят указание на литургию преждеосвященных даров в постановлении собора Лаодикийского: «не подобает в четыредесятницу приносить св. хлеб (священнодействовать), разве только в субботу и в день воскресный»⁴⁰. В этом правиле, конечно, нет прямого указания на литургию преждеосвященных даров, но при этом нужно взять во внимание, что собор, запретивши совершать приношение и освящение даров в четыредесятницу, кроме суббот и дней воскресных, не запретил верующим в продолжение целого года, равно и в продолжение четыредесятницы, каждодневно приобщаться св. таин. Частое, сколько возможно, приобщение св. таин, обычное в жизни древних христиан, не могло быть прерываемо во дни поста на целые седмицы, когда усерднейшие христиане даже времени Василия Великого, по свидетельству этого св. отца, приступали к тайнам до четырех раз и более в неделю.⁴¹

Таким образом, собор Лаодикийский хотя и не упоминает о литургии преждеосвященных даров, но предполагает употребление ее – приобщение преждеосвященными дарами с приличными молитвословиями.

А что действительно во время и до Лаодикийского собора употреблялись преждеосвященные дары и христиане приобщались ими не только в домах, но и в церквях, это не может подлежать сомнению. В самой глубокой древности видим обыкновение посылать чрез диаконов св. дары к не бывшим в церкви⁴². При этом легко могло случиться, что св. дары доставляли к некоторым на другой день по совершении литургии за отдаленностию христианских жилищ от храма, или приносимые дары получались после принятия пищи и потому, по необходимости, приходилось откладывать причащение до другого дня. Не менее древне и другое обыкновение христиан – уносить присутствовавшими при богослужении часть даров для приобщения.⁴³ Киприан священномученик рассказывает об одной падшей женщине, что она, желая раскрыть ковчег, в котором находились св. дары, усташена была огнем, исшедшим из ковчега⁴⁴.

Если христиане имели обыкновение в домах приобщаться преждеосвященными дарами, то тем более в храме при общественном богослужении, где оставлялись и хранились некоторые части евхаристии для требующих св. причащения⁴⁵. Те христиане, которые жили вдали от храмов, уносили св. дары с собою домой, а те, которые жили вблизи храмов, не имели такой нужды и могли приобщаться в храме запасными дарами, когда не была совершаема литургия, как во дни поста. Древний церковный писатель Тертуллиан удостоверяет нас в том, когда говорит: «не торжественнее ли будет пост твой, если станешь пред жертвенником Господним! Принявши *тело Господне, сохраненное*, обое цело пребывает, и приобщение жертвы, и исполнение должности»⁴⁶. Приобщение в церкви запасными дарами не могло быть допущено без необходимых молитв и обрядов: приличнее было приурочить причащение запасными дарами к службе церковной; и потому в те дни, когда не совершалась литургия, приобщение могло соединяться с вечерним молитвословием, также слушанием слова Божия или с некоторыми частями литургии, исключая только молитв и действий самого освящения даров. Писатели церковные первых веков указывают на такие собрания во дни поста, где были совершаемы молитвословия, чтения из слова Божия, но не было освящения даров, также принимаемы были св. тайны, но в вечернее время, а не в утреннее, следовательно – тайны преждеосвященные. В 8 слове на 118 псал. св. Амвросий выражается так: «увещавает (тебя к посту) также и *жертва вечерняя*, чтобы ты никогда Христа не забывал, да и забыть не можешь, когда к одру отойдешь, Того Господа, к Которому *на западе дня* проливал молитву, Который *алчущаго Тебя снедию Своего тела насытил*».

Здесь, в словах Амвросия Медиоланского, не ясно ли указание на такие вечерние богослужебные собрания христиан, при которых не совершалось таинства евхаристии, но было приобщение св. тайнами, при молитвословиях, приличных таинственной вечери? В таких-то вечерних богослужебных собраниях можно видеть и начало, и образец настоящей литургии преждеосвященных даров. И в настоящем виде литургия преждеосвященных даров есть ни что иное, как вечернее богослужение, соединенное с молитвами пред принятием и по принятии св. даров.

С какими молениями происходило причащение древних христиан преждеосвященными дарами, о том нет подробного описания. Литургия преждеосвященных даров, по обыкновению первых веков, совершалась по устному преданию и, вероятно, с тою свободою, с какою совершались другие церковные службы в той или другой церкви. По общему преданию церкви вселенской, Григорий Двоеслов первый изложил чин литургии преждеосвященных даров письменно и передал его для церкви римской. С чином этой литургии он познакомился еще в Константинополе, когда был там в продолжение трех лет папским апокрисиарием при Пелагии II. Как любитель церковно-богослужебного чина, он изложил ее письменно и, сделавшись римским первосвященником, ввел в употребление в римской церкви. Так как греческая церковь до Григория Великого не имела письменного чина литургии преждеосвященных даров и не находила его в других церквях, то и приняла чин этой литургии, написанный св. Григорием. От церкви греческой чин литургии преждеосвященных даров, написанный Двоесловом, вскоре заимствовали и другие церкви: иерусалимская, александрийская, что можно было видеть из свидетельств Софония, патриарха Иерусалимского, и александрийской хроники. Распространению чина литургии, написанной Григорием Двоесловом, способствовал и тот авторитет, которым пользовался этот отец на востоке и западе, как великий учитель и администратор церкви. Тем не менее чин литургии преждеосвященных даров, написанный Григорием Двоесловом, не мог войти во всеобщее употребление без соборного определения⁴⁷. Поэтому собор Трульский⁴⁸ и утвердил совершение этого чина для всех церквей в дни четырехдесятницы. Но существующее предание, что чин литургии преждеосвященных даров, введенный во всеобщее употребление собором Трульским, написан Григорием Двоесловом, по-видимому, подрывается двумя древнейшими списками, относящимися к XIII или XIV веку. Один из таких списков – калабрийский – имеет следующую надпись: «божественная литургия преждеосвященных даров, составленная св. отцом нашим Германом, патриархом константинопольским». Подобная же

надпись и на другом списке: «литургия преждеосвященных Германа патриарха». Обе эти надписи нисколько не ослабляют достоверности общего предания церкви о составителе пиеьменного чина литургии преждеосвященных даров: их нельзя понимать в том смысле, что будто бы патриархом Германом впервые и написан был чин литургии преждеосвященных даров. Если признать, что патриарх Герман первый написал чин этой литургии, то значит допустить несообразности. Патриарх Герман жил спустя долгое время после собора Трульского, а собор Трульский назначил для всеобщего употребления литургию преждеосвященных даров, чего сделать он не мог бы, если бы чин литургии преждеосвященных даров не был написан и известен многим церквам; в противном случае сам собор до этого определения должен был бы письменно изложить чин литургии и обнародовать его для всеобщего употребления. Известно, однако, что отцы собора Трульского не определяли чина для литургии преждеосвященных даров, и до и после этого собора не было другого письменного чина литургии, кроме того, который у нас содержится в православной церкви и по преданию приписывается св. Григорию Двоеслову. Притом же Софроний, патриарх Иерусалимский, живший еще до собора Трульского, говорит о литургии преждеосвященных даров, как о чине писанном, потому что упоминает о ней так же, как о писанных литургиях Василия Великого и Иоанна Златоуста. Таким образом, нет возможности приписать чин литургии преждеосвященных даров патриарху Герману, и приведенные надписи не могут быть принимаемы за показания о сочинителе литургии; остается принять их в том смысле, что патриарх Герман посылал в Калабрию изложение литургии с предписанием совершать ее по изложенному чину, согласно с правилом шестого вселенского собора. Чин литургии преждеосвященных даров не может быть приписываем и современнику Германа – Григорию II, римскому папе, как хотят думать латиняне, утверждая, что чин литургии преждеосвященных даров установил этот папа и что греки, по плохому знакомству с римской историей, смешивают Григория Двоеслова или первого с Григорием вторым и потому ошибочно приписывают первому то, что принадлежит второму.

Надобно думать, что св. Григорий, излагая письменно чин литургии преждеосвященных даров, слишком мало изменил древний чин ее. К такому заключению приводит то обстоятельство, что многие священные действия, ектении и молитвы в чине литургии св. Григория носят ясные следы своего глубоко-раннего происхождения. В первые времена христианства оглашенные во дни четырехдесятницы обыкновенно

готовились к крещению или просвещению, почему и называемы были просвещаемыми. О них тогда церковь повседневно возносила особенные молитвы, которые находим и в чине литургии преждеосвященных даров св. Григория; а от среды четвертой недели великого поста до великой субботы, в которую происходило крещение просвещаемых, она еще более усиливала эти молитвы, как должно быть и по чину литургии св. Григория. Чтобы побудить оглашенных к большему приготовлению, вызвать в душах их сильнейшее желание к св. просвещению, священник чрез последние двадцать дней сорокаднейницы осенял их светом возженной свечи, означая чрез сияние вещественного света приближающийся к ним свет умный, свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир⁴⁹. Осенение народа возженною свечью при возгласе «свет Христов просвещает всех» видим и в чине литургии преждеосвященных даров св. Григория Великого. Есть указание, что св. Григорий Двоеслов не вновь составил и молитвы по перенесении преждеосвященных даров с жертвенника на престол и приготовлении верующих к св. причащению. Михаил Анхиал, доказывая древность литургии с преждеосвященными дарами, пишет: «слова наши подтверждает и слух известный во всех св. церквах, происшедший от предания неписанного, – тот слух, что молитва, которая читается по поставлении преждеосвященных даров на св. жертвеннике, принадлежит св. Афанасию, бывшему в сане диакона на Никейском, первом вселенском соборе».

В некоторых древних писанных молитвословах эта молитва сохраняет и в надписи имя сего св. Афанасия. Следовательно, в XII в., когда жил Анхиал, молитва, читаемая по входе со св. дарами в алтарь, была еще известна под именем Афанасиевой. Патриарх говорит, что эта молитва и в древне-писанных служебниках называлась Афанасиевой и в предании известна под тем же именем.⁵⁰ В той мысли, что св. Григорий Двоеслов слишком мало изменил древний чин литургии преждеосвященных даров, утверждает нас и то, что он, излагая чин литургии собственно для римлян, не избрал ни одной молитвы из римской литургии. Без сомнения, он поступил так потому, что все молитвы, песни и обряды нашел готовыми. Наконец, литургия преждеосвященных даров не подписывается именем свят. Григория Двоеслова, как подписываются литургии Василия Великого и Иоанна Златоустого, – новый знак того, что св. Григорий не изменил чина литургии преждеосвященных даров подобно тому, как Иоанн Златоуст и Василий Великий изменили древний чин литургии полной. При всем том заслуга Григория Двоеслова велика: он привел в надлежащую ясность и определенный порядок чин литургии

преждеосвященных даров. Потому-то Св. церковь в благодарность за его попечение и труд – привести в надлежащий и определенный порядок чин литургии преждеосвященных даров – призывает его имя при окончании этой литургии на отпусте и после благодарственной молитвы читается этому святому тропарь: *Иже от Бога свыше божественную благодать восприем, славне Григорие,* и кондак: *Подобоначальник показался еси начальника пастырем Христа, иноков чреды, отче Григорие...*

Восстановить чин литургии преждеосвященных даров в том виде, в каком он вышел из-под пера св. отца, и сличить с чином той же литургии настоящего времени нет возможности, если бы этот чин и помещен был в саkraментарии Двоеслова, потому что саkraментарий Двоеслова постоянно был изменяем и теперь едва ли не по одному имени принадлежит ему. В нынешнем саkraментарии св. Григория Великого сохранились только остатки литургии преждеосвященных даров, – именно литургии, совершаемой на западе в пяток Страстной седмицы. Если в саkraментарии св. Григория не уцелел чин литургии преждеосвященных даров, за то во всей целости он сохранился в отдельных списках, писанных как на Востоке, так и на Западе. Все списки древние и новейшие сходны между собою, и литургия преждеосвященных даров почти нисколько не изменилась после того, как написал ее св. Григорий Двоеслов⁵¹.

Будучи назначена для совершения в дни строгого поста, литургия преждеосвященных даров совершенно приспособлена к этому времени, не только в частных своих священнодействиях, песнопениях и молитвословиях, но и в общем своем составе. По своему составу она есть вечернее богослужение, потому что заключает в себе вечерню и некоторую часть полной литургии. Поэтому она должна быть совершаема в вечернем собрании, должна начинаться в третьем часу пополудни и оканчиваться при захождении солнца, в то самое время, когда, по древним установлениям церкви, разрешается дневный пост четырёхдесятницы и дозволяется принимать пищу.⁵²

Литургия преждеосвященных даров начинается так же, как и полная литургия. Диакон, по обыкновению, ставши на амвоне, поднимает правую рукую конец ораря и возглашает: *благослови, владыко!* Этим он возбуждает священника прославлять Бога и в то же время объявляет всем присутствующим в храме о начале богослужения.⁵³

Возбужденный диаконом возглашением, священник, став пред святым престолом, возвышает лежащее на нем евангелие и, назнаменуя им крест, возвышенным голосом произносит: *Благословенно царство Отца, и Сына, и Святаго Духа ныне и присно, и во веки веков.* Каждое

богослужение начинается благословением имени Божия; но не всегда это славословие выражается одними и теми же словами. При обыкновенном вечернем богослужении священник возглашает: *Благословен Бог наш*, не указывая на тройственную личность Божества, и, таким образом, изображает «темный и начальный боговедения нашего разум», когда мы постигали только единство Божие. При утреннем богослужении произносится: *Слава святей, единосущней и животворящей Троице*, и чрез это возглашение изображается прикровенное откровение тайны о святой Троице чрез пророков в церкви ветхозаветной.⁵⁴ Литургия начинается ясным славословием пресвятыя Троицы, потому что, изъясняет патриарх Герман, первоначально чрез воплощение Сына Божия узнали люди, что Бог в трех лицах: а это священнодействие есть точнейшее изображение воплощения Господня⁵⁵. Литургия преждеосвященных, хотя вечернее богослужение, но в предложенных тайнах божественной плоти и крови являет совершенное домостроительство Нового завета и потому начинается яснейшим славословием лиц Пресвятой Троицы и раскрывает эту тайну в полном ее свете для присутствующих, которых она приготовляет к причастию божественных даров.

На предначинательный возглас священника хор отвечает от лица всех присутствующих при богослужении еврейским словом *аминь*, что означает *истинно* или *да будет*⁵⁶. Таким образом, все собрание славословит Господа, в Троице поклоняемого.

После этого совершается вечерня в обыкновенном порядке: троекратно призываются верующие к поклонению Иисусу Христу, Царю и Богу нашему, потому что Он совершил наше спасение по благоволению Отца и при содействии Святаго Духа⁵⁷.

Читается предначинательный 103 псалом: *благослови, душе моя, Господа*⁵⁸.

Псалом этот изображает сотворение Мира всемогущим словом Божиим; каждение фимиамом во время чтения этого псалма напоминает то действие Духа Божия, когда Он носился над неустроенною материею всех вещей; отверстые врата царские, чрез которые взор наш устремляется к престолу Божию, указывают на то блаженное время, когда прародители наши пребывали в раю, наслаждаясь лицезрением Божиим и беседою с небожителями. Но первые люди скоро утратили первобытную святость, возмечтавши о равенстве с Богом, и двери рая заключены для них: это изображается нам заключением царских врат. Потом священник, принимая на себя образ Искупителя, обещанного падшим прародителям, тайно воссылает Богу молитвы, чтобы «Он не обличил грешников во гневе

Своем и не наказал в ярости Своей, но поступил с ними милостиво, просветил очи сердец их к познанию истины и направил стопы их на путь потерянной правоты». Диакон, уподобляясь служебным духам, или ангелам Божиим, ходатайствующим за нас пред Богом, о том же молится во услышание всей церкви.

По окончании ектении читаются пятнадцать псалмов Давидовых, названных песнями степеней или восхождений, потому что они воспеваемы были при вхождении в храм иерусалимский. Такое название прилично усваивается им и в духовном знаменовании небесной лестницы, возвышающей человека к Богу, потому что в них выражаются пламенные чувства души, стремящейся к Богу, томящейся на земле, тоскующей о небесном отечестве. Это чтение называется *стихословием*, потому что заменяет собою древнее преимственное псалмопение на два хора.⁵⁹ Все это стихословие по обыкновению разделяется на три части во славу святой Троицы.

Каждая часть стихословия заключается кратким славословием и песнью *аллилуиа*. Обе эти песни славословия Бога исповедуют и как бы изображают тайну пресвятой Троицы: *слава Отцу и Сыну, и Святому Духу* ясно выражает равночестную славу всех трех лиц Божества; тоекратное возгласие *аллилуиа* также указывает на три Божественных лица, а присовокупляемые слова: *слава Тебе, Боже*, – исповедуют единство Божества⁶⁰.

После каждого антифона бывает малая ектеня, заключающая в себе только начало и конец великой. Эта краткая молитва возбуждает дух и обращает его к Богу. «Так как душа при долговременном поучении обыкновенно как бы засыпает», – говорит св. Иоанн Златоуст, то диакон снова возбуждает ее и говорит: *паки прилежнее помолимся*⁶¹. Во время каждой такой ектении священник читает особенную молитву, которая называется *молитвою антифона первого, второго или третьего*, смотря по тому, после которого славословия читается. Для антифонов на литургии преждеосвященных даров избраны три первые светильничные молитвы, которые для этого и оставляются непрочитанными, а на обыкновенной вечерне читаются прежде прочих, в свое время. Содержание этих трех, равно как и всех светильничных молитв, одно и то же: чтобы Господь принял прошения наши и помиловал нас, научил бы нас исполнять святую волю Свою и помог бы нам без греха сохраниться, как в проходящий день, так и во всю жизнь нашу. Каждая из этих молитв оканчивается особенным славословием; от этого каждая малая ектеня заключается особенным священническим возгласом, потому что этот возглас есть самое окончание

молитвы, читаемой священником во время той или другой ектеньи.

В самом же начале чтения или стихословия псалмов священник открывает ковчег, в котором хранится преждеосвященный хлеб...

Но здесь необходимо сделать несколько предварительных замечаний, как готовится этот святой хлеб для литургии преждеосвященных даров.

Он готовится при совершении проскомидии на литургии св. Василия Великого или Иоанна Златоуста, в то же время, когда готовится агнец, назначаемый для совершения полной литургии⁶².

Когда священник режет хлеб для литургии преждеосвященных, то повторяет все слова, какие произносит, готовя первый хлеб для той литургии, которую совершает. Знаменуя троекратно копием печать хлеба, произносит столько же раз: *в воспоминание Господа и Бога и Отца нашего Иисуса Христа*; водружая копие в правую сторону печати, говорит: *яко овца на заклание ведеса*; при водружении в левую, произносит: *и яко агнец прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст своих*; надрезывая верхнюю сторону, приговаривает: *во смирении суд его взятся*; надрезывая нижнюю, прибавляет: *род же его кто исповесть*. Когда влагает копие в боковую сторону просфоры для того, чтобы вынуть святой хлеб, присовокупляет: *яко вземлетя от земли живот его*, а когда крестовидно надрезывает изъятый агнец, говорит: *жрется агнец Божий, вземляй грех мира, за мирский живот и спасение*. Потом, по обыкновению, обращает хлеб кверху стороною, имеющею крест, и прободает копием в правую сторону, говоря: *един от воин копием ребра Его прободе, и абие изыде кровь и вода; и видевый свидетельствова, и истинно есть свидетельство его*. Приготовивши этот агнец, священник полагает его на дискос рядом с первым, и потом начинает готовить другой агнец, для другой преждеосвященной литургии; а после продолжает совершать проскомидию по обыкновенному порядку. Во время освящения даров священник, знаменуя их крестом руки, по призвании на них Святаго Духа, без всякого изменения произносит слова: *сотвори убо хлеб сей честное тело Христа Твоего*, и не говорит: *хлебы сия*; потому что Христос один и тот же всецело присутствует как в том, так и в другом хлебе. Когда священник возносит святыя дары, то вместе с ними возносит и агнец, назначенный для литургии преждеосвященных; а когда раздробит агнец, назначенный к потреблению при совершении настоящей литургии, вложит часть его в священную чашу и вольт теплоту; тогда берет левою рукою святой хлеб, назначенный для литургии преждеосвященных, а правою рукою берет святуя лжицу и, омочив ее в пречистой крови, крестообразно

прикасается ею святому хлебу в той части, которая крестообразно подрезана⁶³. Соединенное таким образом пречистое Тело с пречистой Кровию полагается в ковчег и сохраняется до того времени, в которое должна совершиться литургия преждеосвященных.

Итак, во время чтения псалмов священник вынимает из ковчега преждеосвященный хлеб и благоговейно полагает его на дискосе, а во святую чашу вливает вино и воду, не произнося никаких слов. Потом берет кадильницу, кадит звездицу и покровы и покрывает дискос и чашу, ничего не произнося, только *молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас*. Все это совершает священник на жертвеннике⁶⁴.

Когда кончится стихословие псалтири, тогда поется вечерний 140 псалом: *Господи, воззвах к Тебе, услыши мя*. Этот псалом издревле усвоен вечернему богослужению и служит как бы заключением предыдущих псалмов, выражая то же пламенное стремление души к Богу.

К этому псалму присоединяются стихи из других пророческих псалмов и поются вместе; с песнями новозаветными, в ознаменование того, что *древнее пророчество все новаго завета тайны предварило*⁶⁵. Прилагаемые к этим псаломским стихам новозаветные песни, называемые обыкновенно *стихирами*⁶⁶, или возбуждают к посту, или предписывают правила истинного поста, или воспевают мучеников, апостолов и дневного святого. Пение стихир заключается славословием и песнию в честь Богоматери.

Во время всего этого пения диакон воскуряет фимиам и кадит алтарь, святые иконы и народ. Это каждение фимиамом вполне соответствует содержанию вечернего молитвенного псалма, которым просим у Бога, чтобы наша молитва была совершенна и благоприятна пред Ним, как кадило; также приличествует и следующим за этим псалмом молитвенным песням⁶⁷; потому что как в Ветхом, так и в Новом завете курение фимиама знаменует усердные молитвы⁶⁸.

По окончании пения и каждения отверзаются царские двери; священник и диакон делают вход в алтарь с кадильницею или с Евангелием (если на литургии будет чтение из Евангелия). Вход изображает сошествие Сына Божия на землю, Его жизнь между людьми, проповедь, страдания, смерть, воскресение и вознесение на небо. Диакон, ставши пред царскими вратами, показывает на Восток орарем своим и приглашает священника благословить отверстый Иисусом Христом вход святых на небо; потомъ, вступая в царские врата, возглашает: *премудрость, прости*. Предстоящие, вслед за этим воззванием, поют

хвалебную песнь Иисусу Христу: «Свете тихий святых славы бессмертного Отца небесного, святого, блаженного, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видеши свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога. Достоин еси во вся времена пет быти гласы преподобными, Сыне Божий, живот давай: темже мир Тя славит». Песнь эту некоторые приписывают священномученику Афиногену, пострадавшему за Христа во 2-м веке (169 г.), а другие – Софронию, патриарху Иерусалимскому (645 г.).

По окончании этой песни священник и диакон отходят к горнему месту, или к запрестольному возвышению, назначенному для архиерейского седалища, и становятся по сторонам его лицом к Западу. Этим положением священник, с одной стороны, выражает подчинение архиерейскому достоинству; а с другой, преображая в это время Самого Христа, внушает благоговение к своему сану и служению в тех, кого намерен благословить миром во имя Христово. Диакон возбуждает народ к вниманию, возглашая: *вонмем!*, а священник приветствует всех благожеланием мира. «Не просто предстоятель церкви говорит: *мир вам*; но *мир всем*,» – замечает св. Златоуст, – «ибо что пользы, если с одним мир имеем, а с другим ссоримся? И в уме нашем мира не будет, если помыслы не будут спокойны».

Предстоящий народ с благодарностью приемлет от своего предстоятеля благожелание мира, и потому хор от лица всех присутствующих отвечает священнику: *и духови твоему!* Таким образом, народ благодарит предстоятеля тем же благожеланием мира духовного.

После этого диакон снова возбуждает присутствующих к вниманию, возглашая: *премудрость!* Об этом св. Златоуст замечает, что стоящий диакон заграждает уста всех, показывая благоговение не к чтецу, но к Тому, Кто чрез него беседует со всеми.

Когда таким образом предстоящий народ будет приготовлен к благоговейному вниманию, чтец произносит *прокимен*, или краткий стих, избранный из песней священного писания, по преимуществу же из песней Давидовых, и служащий предисловием наступающему чтению. Этот стих поется антифонно.

За прокимном следует чтение из книги Бытия. Во время этого чтения царские двери бывают затворены; а потом опять отверзаются, и поется другой прокимен.

После этого прокимна диакон, обращаясь к священнику, возглашает: *повелите!*, а священник, возбужденный диаконом, требует от предстоящих внимания и благоговения, возглашая: *премудрость, прости!*, потом

обращается лицом к народу, держа в руках возженную свечу с кадилом, и говорит: *свет Христов просвещает всех!*, знаменуя этим благодатное озарение, даруемое чрез Иисуса Христа. Это священнодействие совершается в церкви от самой глубокой древности. В первенствующей церкви во дни четырёхдесятницы осеняемы были возженною свечою готовящиеся к принятию крещения пред выходом их из храма. В этом чувственном свете священнослужитель представлял им благодатный свет крещения и изображал Христа, Который есть свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир; а чрез это возбуждал в них сильнейшее желание крещения. И в настоящее время такое осенение вполне прилично литургии преждеосвященных; потому что как бы заменяет собою чтение евангелия, которое есть также свет Христов. Тем приличнее оно тому самому времени, в которое совершается; потому что пред этим приносится Богу моление о благодатном озарении, и повествуется из книги Бытия история постепенного помрачения в человеческом роде, а после этого чтением притчей образно представляется благодатное просвещение человечества чрез Иисуса Христа.

После чтения из книги притчей священник пред святым престолом или певец среди церкви, пред амвоном, начинает с умилением петь: *да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою, воздеяние руку мою, жертва вечерняя.*⁶⁹

Священник во время пения этих стихов стоит с кадильницею пред престолом и возносящимся облаком фимиама и напоминает нам, что во время настоящей вечерней жертвы и воздеяния рук самая молитва наша должна возноситься прямо к престолу Божию, подобно фимиаму. При последнем же повторении первого стиха, как бы в довершение преданности Богу всей церкви, и сам священник преклоняет колена пред престолом. – После того, с сокрушением сердца и с тремя земными поклонами, он произносит молитву св. Ефрема Сирина. Эту молитву каждый из присутствующих во храме мысленно повторяет за священником, вознося к Богу ум и сердце, и сопровождает тремя земными поклонами, разделяя таким образом самую молитву на три части. Это определенное число, эта установленная мера поклонов имеют ту цель, чтобы предотвратить небрежность и невнимательность в молитве, которую всякий приносит за себя. Это моление совершается с особенною медленностию для того, чтобы каждый мог прийти в полное сознание своего внутреннего состояния и возбудить в сердце своем живое, искреннее чувство умиления и сокрушения и пролить слезы покаяния.

Когда, таким образом, каждый принесет за себя покаянную молитву,

диакон, затворив царские врата и ставши пред ними на амвоне, возбуждает присутствующих к общей усердной молитве, возглашая: *рцем еси от всея души, от всего помышления нашего рцем*; вслед за тем обращается с молитвою к Богу и для большей ее благоуспешности молится словами пророков: *Господи Вседержителю Боже отец наших* (Исх. гл. 3, ст. 6, 15, 16. 2 Парал. молитва Манассии); *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей* (Пс. 50, ст. 1). Присутствующие или избранный от лица их хор, возбуждаясь усиленною молитвою диакона, умножают свои молитвенные вопли и на каждое возглашение диаконское троекратно восклицают: *Господи, помилуй!* Оттого и называется эта ектенья сугубою, т. е. прилежным молением. Тогда все молятся о *благочестивейшем Государе Императоре* и всех членах его фамилии, о *святейшем синоде, епархиальном архиерее, о воинстве, о священническом и монашеском сословии, о всех православных патриархах и царях, о всех преждепочивших во Христе, о создателях храма⁷⁰, молятся о плодоносящих и добродетельных⁷¹ во святом храме, о труждающихся⁷² и поющих и предстоящих людях, ожидающих от Бога великия и богатыя милости⁷³.*

В то же время священник тайно читает молитву из литургии Василия Великого и просит Бога, чтобы Он принял прилежное моление, помиловал и ущедрил нас по множеству Своей милости; а потом во всеуслышание славословит Пресвятую Троицу, прославляя милость и человеколюбие Божие. После этого диакон возбуждает к молитве оглашенных, разумя под этим названием не только тех, которые не получили еще благодати крещения и приготовляются к принятию ее частными наставлениями в первоначальных истинах веры, но и верных, отлученных судом церковным от участия в общении таинств⁷⁴. Но так как невозрожденный таинством крещения не имеет еще права назвать Бога отцом своим, равно как и грешник, осужденный церковью, *уже несть достоин нарецися сын Божий* (Лук. 15. 21), то диакон приглашает и верных помолиться об оглашенных, – *чтобы Господь помиловал их и огласил словом истины, открыл им евангелие правды, соединил их святой Своей соборной и апостольской церкви, чтобы спас, заступил, сохранил и помиловал их Своею благодатию*. После этого моления диакон повелевает оглашенным *преклонить свои главы*; а священник молится над преклонившимися, чтобы Господь призрел на оглашенных рабов Своих, избавил их от прежнего заблуждения и козней диавола, призвал бы их в жизнь вечную и причислил к Своему стаду, чтобы и они вместе с верными воспевали пречестное и великолепное имя Пресвятой Троицы.

В то же время священник распростирает антиминос. Потом диакон повелевает оглашенным выйти из храма, а верных снова призывает к молитве. Но со среды четвертой недели Великого поста прилагаются еще молитвы о готовящихся к просвещению, или о тех из оглашенных, которые, не отлагая своего крещения далее настоящей сорокадневницы, особенно приготавливались к тому изучением Евангелия, постом и молитвою⁷⁵. О них церковь молит Бога, чтобы Он укрепил их в благом намерении, просветил просвещением разума и благочестия, сподобил бани пакибытья (св. крещения), оставления грехов и одежды нетления, и сопричислил к избранному Своему стаду.

В настоящее время также могут быть и бывают как оглашенные, так и готовящиеся к крещению или находящиеся под запрещением. Присутствуют ли они в том или другом храме или нет, церковь повсюду молится за них, потому что общение христианской любви и молитвы не нарушается расстоянием пространства. А так как и ныне могут присутствовать при начале богослужения и оглашенные, и кающиеся и безвозбранно могут входить во всякий храм, потому и ныне диакон, предполагая, что кто-нибудь из них присутствует в храме, повелевает им удалиться и возглашает: *оглашеннии, изыдите!* Этим самым возглашением он внушает каждому верующему обратиться к суду собственной совести и спросить самого себя, имеет ли он право присутствовать при совершении столь важного богослужения, какова литургия. Таким образом, диакон возбуждает благоговение к самому богослужению и предостерегает каждого, чтобы ему не довелось услышать страшный глас Господа: *друже, как вшел еси семо, не имый одеяния брачна? вверзите его во тму кромешную* (Мтф. 22, 12). Этим священнодействием изображается отлучение злых от праведных, которое совершит Господь чрез ангелов Своих при крнчине мира.

После того, как оглашенные выйдут из храма, диакон приглашает верных к молитве и просит Бога, чтобы Он *спас, помиловал и сохранил нас Своею благодатию*⁷⁶, а священник тайно читает *первую молитву верных*, в которой молится, чтобы Господь, очистив наши чувства, поработил их закону совести и чтобы Своею благодатию предохранил нас от всего злого и направил к делам богоугодным.

Затем диакон снова повторяет четыре первых и два последних прошения из великой ектеньи, а священник читает *вторую молитву верных*, чтобы Господь помиловал грешных рабов Своих и удостоил их поднять едиnorodного Его Сына, Коего *пречистое тело и животворящая кровь* имеют быть предложены на тайной трапезе, и сподобил бы нас

неосужденно причаститься пречистых тайн и соделаться сынами света *по дару Христа*⁷⁷.

Когда священник заключит молитву возглашением последних ее слов и благословит имя Пресвятой Троицы, тогда хор, возгласив по обыкновению *аминь*, начинает петь медленно и с умилением песнь: *ныне силы небесныя с нами невидимо служат; се бо входит Царь славы, се жертва тайная совершенная доносится*.

Те минуты, в которые поется песнь: *ныне силы небесныя с нами невидимо служат*, принадлежат к важнейшим минутам во всей преждеосвященной литургии: это время перенесения с жертвенника на престол пречистого тела и животворящей крови едиnorodного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа. Царь славы, пред Которым трепещут херувимы и серафимы, идет в Своих пречистых тайнах, боголепно окружаемый и сопровождаемый незримыми для нас небесными силами. Сердце кающегося христианина трепещет, колена подгибаются, и он невольно повергается во прах пред своим Господом и Спасителем, вполне сознавая свое недостойнство.

Мы сделаем некоторые пояснения к этой песни.

Ныне силы небесныя с нами невидимо служат. Понимая все недостойнство и греховность свою, мы как бы предоставляем действовать и служить вместе с нами, во время этого страшного перенесения св. даров, силам, всегда достойным этого великого служения. Силы небесные, по сродной им любви и сочувствию к нам, видя наше сокрушение и покаяние, помогают нам, разделяют вместе с нами великое и страшное служение при перенесении пречистого тела и животворящей крови Христовой.

Нельзя не припомнить здесь священной песни, которая поется при перенесении уготованного на жертвеннике хлеба и вина для таинства на литургии Иоанна Златоуста или Василия Великого: *уже херувим тайно образующе*. Там мы дерзновенно исповедуем, что мы таинственно изображаем собою херувимов и припеваем вслед за ними животворящей Троице трисвятую песнь; т. е. мы как бы помогаем в служении и богохвалении; здесь – наоборот: силы небесные невидимо с нами служат. Мы немощны и безответны пред Господом; мы очей своих не смеем возвести на небо; мы уста свои боимся раскрыть пред Господом; и вот на помощь нам являются, незримо для нас, как наши небесные братья, херувимы и серафимы; они невидимо ныне служат с нами пред Господом и Владыкою – своим и нашим.

Се бо входит Царь славы; эти слова заимствованы из тайной молитвы священника и поясняются в ней следующими словами: *входит*

единородный Твой Сын и Бог наш. Вот кто Царь славы, вот кого боголепно окружают, охраняют и сопровождают, как слуги и рабы, силы небесные.

*Се жертва тайная совершенна дориносится. То есть, как пояснено в той же молитве, – се бо пречистое тело и животворящая кровь единородного Сына Божия, в настоящий час входящая, на тайней сей преложится хочет трапезе. Жертва тайная, так названо пречистое тело и животворящая кровь Христовы для того, чтобы внушить кающемуся христианину, что за него принесены в жертву пречистое тело и животворящая кровь, принесены таинственно на священной трапезе или престоле. Жертва совершенна дориносится. Совершенною жертвою названы св. дары для того, чтобы внушить каждому христианину, что таинственное заклание и совершение этой жертвы совершено уже прежде, именно во время литургии Василия Великого или Иоанна Златоустого в прошедший воскресный день; что теперь не будет нового совершения или принесения этой жертвы, не будет вновь таинственного заклания и возношения ее на мысленном и духовном жертвеннике. Мы будем причащаться этой жертвы для нашего укрепления в подвигах поста и покаяния при наступающем мраке ночи; *да сынове света будем*, как сказано в молитве, читаемой священнодействующими у престола Божия.*

Это близкое отношение священной песни, воспеваемой от лица всего народа певцами, к словам молитвы, тайно читаемой у престола, показывает, какое живое, глубокое и искреннее сочувствие должно быть между служителем престола Божия и молящимся во храме народом.

И те, и другие должны быть проникнуты одними духовными созерцаниями; из их сердец и уст излетают одинаковые слова и выражения.

Когда певцы начнут петь: *ныне силы небесныя с нами невидимо служат*, диакон наполняет фимиамом из кадиланицы весь алтарь и храм, и тем как бы уготовляет путь для шествия Царю славы и вместе с тем свидетельствует о невидимом присутствии с нами благодати Св. Духа. А священник между тем, стоя у престола Божия, читает тайно покаянный псалом Давидов: *помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей*, смиренно исповедуя грехи свои пред Богом и моля Его создать в нем сердце чистое и дух правый обновить во утробе его. По окончании этого покаянного псалма священник трижды читает песнь: *ныне силы небесныя*, с воздеянием рук и отходит к жертвеннику. Здесь кадит благоговейно св. тайны, молча возлагает большой покров или воздух на плечо диакона, молча же берет правой рукой дискос, на котором пречистое тело и животворящая кровь Христовы, и поставляет его на главу свою, потом

левою рукою берет потир, в котором находится потребное количество вина, растворенного водой и, прижав потир к груди своей, начинает вслед за диаконом шествие чрез северные и царские двери в алтарь в совершенном безмолвии. Верующие благоговейно повергаются ниц при этом шествии. Только уже тогда, когда св. дискос с пречистым телом и животворящею кровию Христовой бывает внесен в алтарь, – только тогда верующие восстают и, в порыве притрепетного сердца своего, вопиют, как бы поощряя друг друга: *верою и любовью приступим, да причастницы жизни вечныя будем. Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа*, воспеваем мы в заключение и самого входа, и нашей притрепетной молитвы, повторяя немолчную песнь небесных сил, невидимо с нами служащих в эти страшные минуты.

Невольно припоминается здесь великий вход на литургии Иоанна Златоустого или Василия Великого. Там мы дерзновеннее; тогда бремя грехов как будто бы менее тяготит нас. Там мы зрим, при перенесении, не самое тело и кровь Христову, а только еще хлеб и вино, уготованные для того, чтобы быть им телом и кровию Христовою, – хотя и воспоминаем при этом шествие Господа Иисуса Христа на вольное страдание за нас, грешных, и за весь мир, хотя и созерцаем мысленными очами нашими распятие Его на Голгофе. На литургии преждеосвященных даров не то: нас тяготит бремя грехов наших, сознание которых по преимуществу сильно в нас во время поста и покаяния; а между тем вот пред нашими очами, близ самих нас Господь, Царь славы, в Своих святых тайнах; вот самое пречистое тело Его и животворящая кровь Его. Кто же из грешников дерзнет взирать на Него? Кто осмелится одним звуком, одним словом нарушить покой Его, когда и сами архангелы, и ангелы, шестокрылатые серафимы и многоочитые херувимы лица закрывают?

Священнодействие это оканчивается молитвою св. Ефрема Сирина: *Господи и Владыко живота моего.*

Так как на литургии преждеосвященных даров приносятся на престол дары уже освященные, то и опускаются все ектении и молитвы, положенные на полной литургии после *херувимской песни*, потому что они относятся к освящению даров, которого здесь не бывает.

На литургии преждеосвященных даров не поется также и символ веры, потому что в первые четыре века он читался только при крещении, а при богослужении общественном начал входить в употребление уже в конце пятого и в продолжение шестого века⁷⁸.

Вошедши в последствии времени в состав литургии Василия Великого и св. Златоуста, он не был внесен св Григорием Двоесловом в литургию

преждеосвященных даров, потому что чтение символа от самого начала обыкновенно соединяемо было с лобзанием мира, совершавшимся и совершающимся тотчас после того, как священник возгласит: *возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы – Отца и Сына, и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную*. В древности при совершении бескровной жертвы присутствовали одни верующие, и веру свою исповедывали при богослужении не символом, а лобзанием любви, потому что любовь есть лучшее доказательство чистой и святой веры, как сказал Сам Иисус Христос: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13:35). Это целование во свидетельство христианской веры и любви издревле почиталось необходимым пред совершением бескровной жертвы⁷⁹, которая, будучи сама в себе таинство совершенное и дарованное нам бесконечною Любовию, бывает спасительна для нас только под условием нашей веры и любви. Поэтому и в последствии времени, когда потребовалось присовокупить к одному свидетельству веры и любви другое, отцы соединили его с первым, чтобы лобзанием любви свидетельствовалась искренность веры, и правотою веры чистота любви. Но лобзание любви издревле оставляемо было во время поста, как можно видеть из слов Тертуллиана: «люди, соблюдавшие пост, по совершении общей молитвы, воздерживаются давать брату своему лобзание мира, служащее печатю (signaculum) нашей молитвы... Так и в день Пасхи⁸⁰, когда все постятся, мы справедливо отлагаем лобзание, не заботясь о нем, потому что так поступаем со всеми»⁸¹. Это лобзание мирян не совершается и в нашей литургии преждеосвященных даров; оттого во время ее не читается и символ веры. Литургия преждеосвященных даров составляет ту часть полной литургии, во время которой предлежат уже освященные тайны тела и крови; потому при этой литургии нет времени, соответствующего тому, в которое на полной литургии исповедуются общая вера и взаимная любовь всех присутствующих. Эти свойства необходимо предполагаются во всех присутствующих при таком богослужении, при котором предложены совершенные тайны тела и крови Иисуса Христа⁸².

Таким образом, после великого входа на литургии преждеосвященных даров прямо следует моление пригласительное ко святому причастию. Диакон возбуждает верующих совершить *вечернюю молитву* и молится о *предложенных честных дарах, чтобы Человеколюбец Бог наш принял эту ходатайственную о нас жертву в пренебесный Свой жертвенник и ниспослал нам благодать Святаго Духа, чтобы избавил нас от всякия скорби, гнева и нужды, заступил, спас, помиловал и сохранил нас Своею*

благодатию. Затем просит у Господа вечера совершенна, свята, мирна и безгрешна; – ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших; просит прощения грехов наших, всего добраго и полезнаго душам нашим, и мира всем обществам гражданским; просит, чтобы Господь даровал нам провести жизнь нашу в мире и покаянии и удостоил нас христианския кончины, безбоязненные, непостыдные, мирныя, также добраго ответа на страшном суде; наконец, молится о соединении веры и причастии Святаго Духа, и внушает всем предаться всецело Христу Богу.

Между тем как диакон молится с народом о предложенных святых дарах, священник также просит Бога, чтобы он очистил от всякия нечистоты всех верующих, дерзнувших *предстоять святому жертвеннику, аки херувимскому престолу, на котором едиnorodный Сын Божий и Бог наш подлежащими страшными почивает таинствами*; чтобы сподобил нас чистою совестью, непосрамленным лицом, просвещенным сердцем причаститься божественных святынь; да соединимся Самому Христу... *рекшему: ядый Мою плоть и пийй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем, и соделаемся храмом Пресвятаго Духа, избавимся дивольского искушения и иолучим со Святыми обетованная нам благая*⁸³.

После этого священник возглашает, чтобы Господь *сподобил нас с дерзновением и неосужденно призывать Его, Небеснаго Отца*. Хор поет молитву Господню – *Отче наш*, а священник заключает ее славословием Пресвятой Троицы.

Потом он приветствует предстоящих миром; а когда они преклоняют главы пред Господом, по возглашению диаконскому, то и сам преклоняется и тайно молит Бога, чтобы Он благосклонно воззрел на всех *подклонших пред Ним свои главы* и сподобил всех неосужденно причаститься животворящих таинь⁸⁴, потом возгласно славословит Пресвятую Троицу.

К этой молитве священник присоединяет еще молитву при литургии св. Василия Великого и молится собственно о себе, чтобы Господь освятил его и удостоил Своею державною рукою преподать пречистое тело Свое как ему, так чрез него и всем людям. После этой молитвы не бывает и возглашения.

Потом священник и диакон трижды поклоняются, произнося: *Боже, очисти мя, грешнаго*.

После этого священник с благоговением и страхом многим влагает руку под воздух, покрывающий св. тайны, и касается животворящего тела. В это время диакон возбуждает всех присутствующих к благоговейному вниманию, возглашая: *вонмем!*, а священник вслух произносит:

*преждеосвященная святая святым*⁸⁵. Св. Иоанн Златоуст, объясняя это, говорит: «если кто не свят, пусть не приступает: не просто сказано: чист от грехов, но свят, потому, что святым делает не одно освобождение от грехов, но и пришествие Духа и богатство добрых дел»⁸⁶. А святой патриарх Герман учит: «затем восклицает иерей, говоря всем: я человек вам подобострастный, не знаю дел каждого из вас; и так смотрите, будьте святы, потому что и Христос, к причастию Которого вы приступаете, есть Бог святыи и во святых почивающий»⁸⁷. Таким образом, чрез возгласение: *святая святым!* – напоминает наставление апостола: *да искушает человек себе, и тако от хлеба да яст и от чаши да пьет* (Кор. 11, 28). Но так как нет ни одного человека, который бы мог сказать о себе, что он достоин приобщиться божественной плоти и крови, поэтому хор от лица всех верующих, отвечая на возгласение священника, восклицает: *един свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца, аминь*⁸⁸, а потом начинает петь: *вкусите и видите, яко благ Господь, аллилуиа*⁸⁹.

В это время священник снимает с святых даров покрывающий их воздух, а диакон входит в святыи алтарь, становится близ священника и говорит: *раздроби, владыко, святыи хлеб*. Священник раздробляет его на четыре части, говоря: *раздробляется и разделяется агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогдаже иждиваемый, но причащающийся освящаяй*⁹⁰; потом влагает часть агнца в чашу⁹¹, не произнося никаких слов, между тем как при совершении полной литургии сначала назнаменует влагаемою частию крест над чашею⁹², а влагая, произносит: *исполнение Духа Святаго*⁹³. Эти священнодействия оставляются здесь потому, что они совершены на предшествующей полной литургии, когда священник назнаменовал святыи хлеб лжицею, омоченною в растворенную пречистую кровь. Притом же теперь полагается в чашу тело, соединенное с кровию, и погружается не в таинственную кровь, а в вино, растворенное водою. Поэтому же диакон совершенно безмолвствует, вливая в чашу теплоту, тогда как на литургии полной сначала приносит ее к священнику и говорит: *благослови, владыко, теплоту*, а священник благословит ее и скажет: *благословенна теплота святых Твоих всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь*, вливает ее крестовидно в чашу, говоря: *теплота веры исполни Духа Святаго*⁹⁴. На литургии преждеосвященной вливается теплота собственно для того, чтобы она способствовала разделению или расширению и размягчению преждеосвященного хлеба и растворению пречистой крови, которая для простого глаза представляется сгустившеюся и запекшеюся на Божественном теле, а это растворение нужно для того, чтобы смешение

вина и воды в чаше освятилось чрез сообщение и соприкосновение со святыми таинственными видами⁹⁵.

Приготовивши таким образом св. тайны, священник и диакон приступают к принятию их точно так же, как и на полной литургии. Священник повелевает диакону, стоящему поодаль престола, *приступить*, т. е. приблизиться. Диакон, приближаясь, творит поклон, прося прощения у священника, и говорит: *се прихожду к безсмертному Царю*; а обращаясь к священнику, прибавляет: *преподаждь мне, владыко, честное и святое тело и кровь Господа и Спаса нашего Иисуса Христа*, и таким образом изъявляет свою искреннюю готовность приступить к святыне. Священник преподает ему часть св. хлеба, отделенную от той части, на которой отпечатлено ХС, и говорит: *священнодиакону (имя рек) преподается честное и святое, и пречистое тело, и кровь Господа, и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, во оставление грехов его и в жизнь вечную*. Так как преждеосвященный хлеб предварительно напоен св. кровию в четырех частях, сообразно с четверочастным раздроблением св. агнца, то и эта часть, которую должны потребить священник и диакон, видимо соединена с пречистою кровию. Поэтому-то священник, преподавая диакону святое причастие, говорит: *преподается пречистое тело и кровь*, а на полной литургии, когда священнослужители вкушают тело Христово, не напоенное кровию, – не упоминают при этом о крови. Диакон, принявши пречистое тело, целует руку священника и, отойдя к задней стороне престола, склоняется к нему головой. Священник также принимает часть св. агнца, говоря: *честное и пречистое тело и кровь Господа, и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа преподается мне (имя рек) священнику во оставление грехов моих и в жизнь вечную*. Сказавши это, священник склоняется к престолу и молится; – молится вместе с ним и диакон; каждый из них говорит ту самую молитву, которую произносит каждый верующий, приступая к св. тайнам: *верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога живаго...* Исповедавши свою веру в Иисуса Христа и испросив у него благоволение приступить к страшным таинствам, священник и диакон вкушают пречистое тело и пречистую кровь Господа.

Причастившись св. таин, священник отирает руку свою губкою и, поцеловав губку, произносит: *слава Тебе, Боже*; потом вкушает из чаши, не произнося никаких слов, утирает покровом, а после умывает водою уста и руки, и затем, ставши в стороне, произносит тайно благодарственную молитву, как за все блага, так и за причастие святого тела и крови Иисуса Христа; – в то же время просит Господа, чтобы Он сохранил под покровом

Своими и его, и сослужащего ему, и дал бы им достойно причащаться святыих таин до конца жизни⁹⁶.

Диакон, по причащении тела и крови, не вкушает из святой чаши, но влагает в нее остальные части святого агнца НІ и КА, и покрывает ее воздухом. Если же есть желающие причаститься святыих таин, то священник предварительно раздробляет эти части святыих даров.

Потом, отверзши царские врата, диакон износит по обыкновению святыи тайны в святой чаше, накрытой воздухом и, поднимая ее, произносит: *со страхом Божиим и верою приступите!* Хор поет: *благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих: хлеб небесный и чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь. Аллилуиа.*

В древности, во время причащения, пели весь этот псалом, особенно когда много было причающихся, или только один стихъ: *вкусите и видите, яко благ Господь*, – если немногие причащались; а слова: *хлеб небесный и чашу жизни*, – прибавлены впоследствии, для большего применения этого псалма к самому священнодействию⁹⁷.

Между тем как народ прославляет благость Божию песнию пророка, священник благословляет всех присутствующих молитвою к Богу: *спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое*; потом кадит святыи дары; а после отдает кадило диакону и поставляет ему на голову святыи дискос со звездою и покровами. Диакон, принявши все это, благоговейно относит на святыи жертвенник.

В то же время священник, взявши в руки святыю чашу и обратившись к народу, говорит тайно: *благословен Бог наш*, а потом возглашает: *всегда ныне, и присно, и во веки веков*. Этими словами он благодарит Господа, совершившего наше спасение, и исповедует вечное Его царство и неотлучное пребывание Его с Своею церковью, так как отнесение святыих даров от престола на жертвенник изображает вознесение Господа с горы Елеонской на небо⁹⁸.

Благодарением священника возбуждается вся церковь к прославлению Бога; хор начинает петь: *да исполнятся уста наши хваления Твоего, Господи*⁹⁹, и эту песнию благодарит Бога за причастие святыих таин, в то же время просит скончать день в богоугодных делах.

Лишь только окончится эта благодарственная песнь, диакон снова возбуждает всех *благодарить Господа*, просить у Него спасительной благодати и богоугодного препровождения вечера, наконец, внушает всем совершенную преданность Господу.

Во время этого моления священник складывает святыи антиминос, на котором стояли дискос и потир во время литургии; потом заключает

общую молитву славословием Пресвятой Троицы и возглашает: *с миром изыдем!* означая этим, что уже наступило время разойтись богослужебному собранию. Так же сказал и Господь Спаситель по окончании таинственной вечери: *«встаните идем отсюда»* (Иоан. 14, 13).

Народ не иначе хочет оставить собрание, как *о имени Господнем*. Поэтому диакон возбуждает всех помолиться Богу; а священник, изшедши из святого алтаря, читает заамвонную молитву. Заамвонная молитва во время св. четырехдесятницы полагается особенная, приличная времени поста. В ней благодарим Господа, введшего нас в пречистые дни сии для очищения души и тела, и просим, да подаст нам Всеблагий течение поста совершить в подвиге добром, сокрушить невидимых змиев и неосужденно достигнуть поклониться св. воскресению. Это значит, что на время великого поста церковь смотрит, как на путешествие нового Израиля в духовной пустыне и, ведя чрез нее чад своих, желает им быть победителями всех врагов спасения и, таким образом, с духовной радостью и торжеством войти в светлые дни Пасхи, как в землю обетованную.

Хор от лица всего собрания, по обыкновению, подтверждает молитву священника и троекратно восклицает: *буди имя Господне благословенно отныне и до века*.

После этого читается хвалебный 33-й псалом Давида, в котором сначала выражаются живые благодарственные чувствования, а потом излагаются прекрасные правила благодарности деятельной, правила нравственности.

Между тем как читается эта молитва, священник и диакон входят во святой алтарь; диакон начинает потреблять остатки святых даров; а священник читает молитву, в которой благодарит Бога за святые дни поста и причастие святых таин; вместе с этим просит Господа, чтобы Он присоединил его и сослужителя к избранным Своим и даровал им вечное наследие.

Когда собрание благославит Господа пророческою песнию и выскажет в ней свое желание прославлять Его всегда, как словами, так и делами, тогда священник от лица Самого Господа дает благословение всему собранию по *благодати и человеколюбию* Иисуса Христа.

Потом он славословит Иисуса Христа, как *упование наше* или основание надежды нашей; а хор воспевает славу всей святой Троице и испрашивает у предстоятеля благословения.

Священник просит Бога помиловать и спасти нас молитвами

пресвятая Богородицы и всех святых.

Хор, как бы раскрывая в подробности молитву священника, молит Бога сохранить на многие лета Государя Императора и всю августейшую его фамилию, Святейший Синод, епархиального архиерея и всех православных христиан.

Этим и оканчивается литургия преждеосвященных даров¹⁰⁰.

Особенности богослужения первой седмицы Великого поста

С первого дня сорокаднейницы Св. Церковь заповедует чадам своим совершенное воздержание и непрестанную, ничем не развлекаемую молитву и внимательность к слову Божию, которыми Спаситель низложил в пустыне все козни лукавого. Кто может, говорит она, тот воздержись от пищи до пятка, или по крайней мере до среды первой седмицы. Относительно же бодрственной молитвы и благоговейного стояния в церкви заповедует: «и не имать кто власти шепты творити, но паче внимати от псаломника глаголемым, рече имуще согбенны, к персем, сердечными очами зряще к востоком, да молимся о гресех наших, поминающе смерть и будущую муку и жизнь вечную».

Богослужение первой седмицы великого поста, не отличаясь существенно от богослужения прочих седмиц его, имеет некоторую особенность в чтениях и песнях, которые в эти дни преимущественно направлены к тому, чтобы, объяснив истинную цель и значение поста и указав в нем средство к освобождению от греха, положит доброе основание покаянию и обращению человека к Богу. Для этой цели в первые пять дней поста предлагается внимание верующих история мироздания и грехопадения, которая, с одной стороны, показывает, какого светлого блаженства лишился человек чрез невоздержание, а с другой – готовящимся к причащению крови и плоти Господней таинственно напоминает о необходимости совлечения греховного человека; ибо прародители, подвергшись греху, уже не могли вкушать плодов древа жизни. Далее, в продолжение тех же дней, мы слышим обличительный глас пророка Исаии против лицемерных постов и суеверного покаяния древнего Израиля: *поста и новомесячий ваших и праздников ваших ненавидит душа Моя. Егда прострете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас, и аще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове. Отъимите лукавства от душ ваших пред очима Моима, научитесь добро творити, взыщете суда, избавите обидимаго, судите сира и оправдите вдовицу (Исх. 1:14–18)*. Эти мысли о сущности и цели поста полнее раскрываются в прекрасных стихирах, которые поются на вечерне в среду и пяток первой седмицы: *приидите, вернии, делим во свете дела Божию, яко во дни благообразно ходим, всякое неправедное спасение от себе ближняго отъимем, не полагающе претыкание сему в соблазн. Оставим плоти сладострастие, возрастим души дарования,*

дадим требующим хлеба и приступим Христу, в покаянии вопиюще: Боже наш, помилуй нас! К тому же смиренному покаянию призывают нас чтения из притчей Соломона, который завещает стяжать прежде всего страх Божий, как начало христианского совершенства: начало премудрости страх Господень; указывает те врачевства, которыми можно исцелить душу, расслабленную грехом: милостыни и вера да не оскудевают тебе, обложи же я на твоей выи и напиши я на скрижали сердца твоего, и обрящешь благодать, и промышляя добрая пред Господом и человеки, буди уповая всем сердцем на Бога, о твоей же премудрости не возносься. Не буди мудр о себе, бойся же Бога и уклоняйся от всякаго зла. Тогда исцеление будет телу твоему и врачевание костем твоим (Притч. 3:3–8); наконец, указывает те опасности, которых нужно остерегаться в деле нашего спасения: не соплетай на друга твоего зла... не враждуй на человека туне... не стяжи злых мужей поношения, не возревнуй путем их. Господь гордым противится, смиренным же дает благодать (Притч. 3:29–35).

Но особенное умиление и благочестивую настроенность к покаянию возбуждает в душе великий канон покаяния «широкий и сладкогласный и умиление неисчетно имеющий»¹⁰¹. Он читается по частям в первые четыре дня св. сорокадесятницы на повочериях. Составлен он в 7-м веке св. Андреем, архиепископом критским, которому церковь кроме этого обязана многими другими канонами. При первом появлении этого творения церковь единогласно приветствовала его названием *великого*, сколько по его обширности, потому что содержит в себе до 250 тропарей и ирмосов, не считая присовокупленных к его составу тропарей в честь преп. Марии Египетской и самому творцу канона, Андрею Критскому, – столько же по внутреннему достоинству и силе.: «умиление бо неисчетно имать и толико есть широкий и сладкогласный, яко и саму жесточайшу душу доволен есть умягчити и к бодрости благой воздвигнути».

По своему содержанию великий канон принадлежит к разряду покаянных церковных песнопений. Весь он направлен к тому, чтобы пробудить душу от греховного усыпления, раскрыть перед ней, как пагубно греховное состояние, расположить ее к строгому самоиспытанию, самоосуждению и раскаянию, подвигнуть к отвращению от грехов и к исправлению жития. С этою целью творец канона приводит на память грешнику события из ветхозаветной истории, начиная с сотворения Адама, и из евангельской и, применяя их к нравственному состоянию и потребностям души, извлекает из них обличения, угрозы, утешения, предостережения и наставления. Канон более всего наполнен

обличениями, сущность которых выражена в следующих словах его: «я представил тебе, душа, Моисеево сказание о бытии мира и, начиная с этого, все боговдохновенное писание, повествующее о праведных и неправедных. Из них ты, душа, подражала последним, а не первым, согрешая против Бога». Грешник не должен думать, что он может до конца жить во грехах безнаказанно. Нет, ему грозит участь содомлян. «Как Господь наказал некогда беззакония содомлян, так и ты, душа, воспламенила огонь гееннский, в котором будешь ты гореть»¹⁰². От этой участи спасает раскаяние. Но, чтобы раскаивающийся грешник не впал в отчаяние, сознавая всю тяжесть своего падения, ему предлагается утешение в следующих словах канона: «Моисеева рука да уверит нас, душа, как Бог может убелить и очистить жизнь прокаженную; и не предавайся отчаянию о себе, хотя ты и поражена проказою»¹⁰³. Немало в каноне предлагается предостережений от греха и наставлений в жизни богоугодной. Например: «ты слышала, душа моя, что Измаил был изгнан, как порождение рабыни: будь бдительна, смотри, чтобы и тебе не потерпеть чего-либо подобного за сладострастие»¹⁰⁴. Часто творец канона воскрешает перед нами память благочестивых патриархов и доблестных героев: Моисея, Иисуса Навина, Гедеона и Иефея, представляет взору нашему благочестие Давида, его падение и умиленное покаяние, указывает на великие образцы покаяния – Ниневитян, Манассию, блудницу и разбойника и в особенности на Марию Египетскую, неоднократно останавливает читателя у креста и гроба Господня, везде поучая покаянию, смирению, молитве, самоотвержению. Все стихи этого канона в высшей степени назидательны и умилительны. Весьма многие из них запечатлены притом высокою священною поэзию. Думаем, что не отягчим внимания читателей, предложив здесь некоторые из них, для примера, в русском переводе.

«Я разодрал ныне мою первую одежду, которую соткала мне в начале рука Зиждителя, и теперь лежу наг и стыжуся».

«Грех обнажил меня от боготканья одежды и, как листьями смоковницы, облек меня одеянием стыда, во обличение страстных моих стремлений».

«О, как поревновал я убийце Ламеху, убив душу, как мужа, и ум, как юношу, и тело, как брата моего».

«Я лишен ныне чертога, лишен и брака, и вечери: светильник мой погас, не имея еля, я уснул и спал, а между тем чертог заключился, и вечеря предложена другим».

«Прошли дни мои, как проходит сон, по пробуждении, и я лежу на

ложе моем и, как Езекия, со слезами молюся о продолжении дней моих: – но кто будет моим Исаиею, кроме Тебя, Боже мой?»¹⁰⁵

Суббота первой седмицы посвящена воспоминанию благодетельной помощи, оказанной христианам св. великомучеником Феодором Тироном, в царствование Юлиана Отступника. Известно, как хитро и лукаво действовал этот ненавистник Христа против исповедывавших св. веру. Желая осквернить христиан во дни великого поста, он повелел окропить кровию идольских жертв все продаваемое на торжищах. Христиане находились в опасности вкусить идоложертвенного в святые дни четырехдесятницы. Но промысел Божий не попустил богоотступнику посмеяться над религиозным чувством христиан. Великомученик Феодор, за сто лет перед тем положивший душу свою за имя Христово, в сонном видении явился епископу Константинопольскому Евдоксию и велел ему предостеречь христиан от яств, продаваемых на торжищах. «Восстань, как можно скорее», – сказал великомученик, – «и, немедленно собрав стадо Христово, строго заповедай, чтобы никто из христиан в предстоящие дни не покупал на торжище ни брашен, ни пития, так как все это, по повелению нечестивого царя, осквернено кровию идольских жертв». Усумнился святитель в словах явившегося ему мужа и спросил его: «Кто ты, заботящийся о христианах?» – «Я мученик Христов, Феодор Тирон», – отвечал чудный муж, – «и послан Господом Иисусом Христом оказать христианам помощь». – «Чем же без торговой пищи и пития пропитаются люди, не имеющие никаких запасов в своих домах?» – с крототию и благоговением продолжал допрашивать великомученика архипастырь. «Изготовь коливо, т. е. вареные зерна пшеницы, приправленные медом, и тем отвори голод бедных и утешь их», – отвечал св. великомученик и после этого стал невидим. Константинопольский архипастырь в точности исполнил повеление св. Феодора Тирона и, таким образом, ухищрение богоотступника было разрушено благодаря совету св. великомученика.

В память этого благодетельного чуда, в пятницу, после преждеосвященной литургии, освящается, при пении канона, составленного Иоанном Дамаскином, коливо, и благодарная церковь, ублажая св. великомученика, поет ему: *ты онаго¹⁰⁶ ухищрение мудрейшим разрушил еси умышлением, во сне предстал еси тогдашнему архиерею¹⁰⁷*. В субботу читается похвальное слово св. Григория Нисского Феодору Тирону и поется канон Иоанна, митрополита Евхаитского, в честь его же. Этим воспоминанием церковь внушает верующим, что пост угоден Богу и что постящиеся находятся под особым покровительством Божиим¹⁰⁸.

В воскресенье первой седмицы великого поста, в кафедральных

соборах при участии архиерея совершается после литургии особенное богослужение, которое называется обыкновенно «обрядом православия».

Вспоминать ежегодно торжество православия церковь установила по случаю окончательного низложения врагов св. веры, самых последних по времени, но едва ли не первых по крайнему фанатизму, еретиков-иконоборцев. Учение о почитании святых икон, основанное на св. Писании, утвержденное обычаем первенствующих христиан, до VIII века оставалось неприкосновенным. Никто из бывших до этого времени еретиков, осмелившихся колебать святую веру нашу в самом основании, не поднимал руки на святые иконы.

Но вот в VIII веке явились еретики, восставшие на святые иконы. Учение их скоро распространилось повсюду; неопытные души везде тысячами делались жертвою их учения; мерзость запустения простерлась до самих святилищ; на престолах царских, а чрез то и святительских, явились иконоборцы. Что вытерпели в это время христиане, остававшиеся верными церкви, невозможно и передать. Адская злоба безбожных еретиков была неистощима в изобретении мук, которым предавали защитников православия. Тщетны, по-видимому, были моления правоверных, тщетны самые казни Божии, посылаемые на гонителей. Наконец, после смерти последнего гонителя, воссиял луч надежды для правоверных. Управление Греко-Римской империей Провидение вложило в руки благочестивой супруги Льва Копронима, Ирины, и малолетнего сына ее, Константина. По повелению царицы был созван Седьмой вселенский собор, но и после собора ересь иконоборческая не прекратилась; еще четыре раза на престоле царском являлись гонители веры. И только со вступлением на престол императрицы Феодоры, жены царя Феофила, окончательно восторжествовало православие. Первым делом благочестивой царицы было издание милостивого для православных эдикта: эдиктом повелевалось освободить из темниц и возвести на прежние степени епископов и пресвитеров, пострадавших в прежние царствования за преданность св. иконам. В числе освобожденных был патриарх Мефодий, ревностный защитник православия. Тотчас после своего освобождения из темницы является он к Феодоре с целым собором архипастырей и просит императрицу торжественно восстановить иконопочитание. «Повели, благовенчанная царица», – говорил он Феодоре, – «обновиться церкви Божией, и опять принять бесценное и спасительное сокровище – снятые иконы, чтобы и род христиан возвысился, и память о тебе ублажилась навсегда». – «Кто не почитает изображений Господа нашего, Пресвятой Его Матери и всех святых», – отвечала царица, лобызая

честные иконы, – «да будет проклят! Я, наименьшая раба Господня, поставлю себе за честь исполнить ваши благие желания. Но прошу вас, отцы святые, не отвергните и моего смиренного прошения: спасите вашими молитвами моего супруга!» Восхвалив веру царицы, благочестивый патриарх устанавливает общий пост и молитву. И вот все члены церкви, послушные голосу патриарха, от престарелых до младенцев, всю первую неделю великого поста со слезами молятся о царе Феофиле. И молитва верных услышана была Господом. В одну ночь царица видит чудный сон. Ей снится, что на величественном престоле сидит дивный Муж и перед Ним стоит Феофил, нагой, связанный и забитый. Невольный трепет охватывает царицу, но вот она слышит мягкий, чарующий голос сидящего на престоле: «Знай, царица, что ради слез твоих и ради молитв и ходатайства священников, прощаю мужа твоего». Облеченный с этими словами в одежду и разрешенный от уз, Феофил отдается жене. Подобное же видение было и патриарху Мефодию. Благочестивый пастырь, чтобы увериться в истине видения, открывает запечатанный свиток, положенный им на святом престоле, еще при начале всеобщего моления с написанием имен императоров-иконоборцев. Имена всех царей оставались в прежнем виде, а Феофилово было изглажено! Прославив Бога, явившего благость Свою на грешнике, пастыри, по общему согласию, постановили в первое воскресенье поста из всех обителей и храмов идти священникам со святыми иконами, в сопровождении народа, в соборную церковь. Соединившись с патриархом, вышли из храма со святыми иконами, евангелием и продолжали шествие до так называемых царских врат.

После этого моления, принесенного со слезами и умилением, с пением «Господи, помилуй!» возвратились в храм для совершения литургии. С этого времени положено было на первой неделе великого поста ежегодно вспоминать торжество православия, совершившееся по восстановлении иконопочитания. Таким образом, обряд православия был установлен в воспоминание торжества церкви над иконоборцами, но с течением времени он получил дальнейшее развитие. Православные стали соединять с ним воспоминание не только о низложении иконоборчества, но и всех других ересей, когда-либо нарушавших мир церкви.

В настоящее время чин православия совершается следующим образом. После обычного благословения и прочтения 74-го псалма, изображающего грозный суд Божий над беззаконными и милость к праведным, диакон на великой ектенье молится Господу Богу о соблюдении церкви невредимую и непреодолимую от ересей и суеверий, об обращении силою Святаго Духа всех отступников от истины и, наконец, об укреплении верных в

правоверии. Кто не поймет, сколько истинно христианской любви заключается в самом начале этого священнодействия? Эта же любовь проникает и дальнейшие части чина и православия. Апостольское чтение (121-е зач.) внушает блюстись от творящих распри и раздоры и уклоняться от них, как от людей, которые работают не Богу, а мамоне. Чтение евангельское (75-е зач. от Мф.) вполне выражает сущность священнодействия, ибо, заповедуя в начале заботливость о всех членах великой христианской семьи, в то же время повелевает предавать отлучению всех упорных грешников.

За этим следует сугубая ектенья, или усиленное моление об обращении отступивших от святой церкви; после чего первосвященитель от лица церкви произносит молитву, в которой благодарит Господа, даровавшего нам, чрез Иисуса Христа и Св. Духа, спасение и правую веру; смиренно умоляет не вменять ей в вину того, что некоторые делают бесплодными дары Его, уклоняясь в ереси и расколы, именем Начальника и Совершителя спасения, Иисуса Христа, просит обратить отступников к правоверию и исправить жизнь их, а пастырям даровать святую ревность и попечение о спасении заблудившихся, и только вслед за этим произносится праведный суд над упорными и нераскаянными. Не слышится ли в этом действии трогательный голос Самого Спасителя к Иерусалиму: *Иерусалиме! Иерусалиме! избивый пророки и камнем побиваяй посланная к тебе: кол краты восхотев собрати чада твоя, якоже собирает кокошь птенцы своя под криле, и не восхотесте! Се оставляется вам дом ваш пуст* (Мф. 23:87–88)?

Окончив предварительное дело христианского милосердия, св. церковь устами своего служителя – диакона – исповедует правую веру, преподанную св. апостолами и отцами и отвергнутую еретиками, а потом с горькою скорбью, выражаемою самым напевом, произносит не проклятие, как превратно понимают некоторые, а отлучение от общества верующих тех несчастных, которые своими нечестивыми словами и делами сами себя уже отлучили от матери-церкви. В ныне совершаемом чине православия находится 12 анафематствований, как бы в соответствие 12-ти членам символа веры, читаемого перед этим. Кто же в этот день предается анафеме?

Святая церковь отвергает от своего общения, как яд или язву от здорового тела, отрицающих бытие Божие, утверждающих, что мир, в котором мы живем, самобытен, и что все в нем по случаю бывает, без участия промысла Божия, и не признающих благодати, милосердия, премудрости Творца; отвергает также не поклоняющихся единому Богу во

Святой Троице, не верующих пришествию на землю Сына Божия во плоти, не приемлющих благодати искупления, проповеданного евангелием, как единственного средства к спасению, и не верующих, что Дух Святой, умудрявший пророков и апостолов, дабы возвестить нам истинный путь, и донныне обитает в сердцах верных. Церковь отвергает хулящих девство Богоматери, отметающих бессмертие души, кончину века и грядущий суд с воздаянием, святые таинства церкви Христовой, соборы св. отец и их предания, с Божественным откровением согласные, и ругающихся над св. иконами, которые церковь приемлет для воспоминания дел Божиих и св. угодников и к возбуждению благочестивого им подражания. Наконец, она отсекает от себя не только не воздающих *Божие Богови*, но и *Кесарево Кесареви*, и дерзающих на мятеж и измену против Помазанника Божия, и обличает всех таковых как недостойных членов, вредных для внутреннего и внешнего ее мира.

Исполнив, таким образом, печальный долг свой против ожесточенных противников благочестия, церковь обращается к исполнению утешительного и приятного для себя долга: возглашает *вечную память* бывшим защитникам православия – русским и греческим государям и патриархам, а также и всем тем, которые положили жизнь свою за православную веру и отечество и всем православным, в истинной вере и благочестии и в надежде воскресения скончавшимся; возглашает, наконец, *многолетие*, – во-первых, «христианского благочестия ревнителю, защитнику и покровителю Христовой церкви», царствующему Государю Императору, потом всей августейшей фамилии, св. Синоду, восточным православным патриархам, всем православным преосвященным и всему священному причту, начальствующим гражданским и военным, и всем православным христианам. Многолетие заключается молитвенным возглашением:

«Святая Троице! сих прослави и утверди даже до конца в правоверии; развратники же и хульники православной веры и Христовы церкви, и неповинующиеся оной обрати, и сотвори, да приидут в познание вечныя Твоя истины, молитвами Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и Приснодевы Марии и всех святых. Аминь».

Все священнодействие оканчивается хвалебным гимном св. Амвросия: *Тебе Бога хвалим*, в продолжение пения которого все священнослужители воздают поклонение предлежащим на аналоях св. иконам, лобзают их и, таким образом, свидетельствуют самым делом ту святую веру, которую они самым делом проповедают и защищают¹⁰⁹.

Особенности богослужения второй седмицы Великого поста

Вторую седмицу св. čtyредесятницы церковь называет седмицею светотворных постов и во время ее молит Господа преимущественно о благодатном освящении постящихся и кающихся. *Господи, направи ны пост повторяющая, освящение нам осияй и просвещение оправданий Твоих.* Ибо благодать Божия и грехи наши очищает, и верующих просвещает преимущественно во время поста, молитвы и других подвигов благочестия. Поэтому, повторяя побуждения к подвигам поста, молитвы и покаяния, церковь во вторую седмицу св. čtyредесятницы воззывает нас из греховной тьмы, в которую ниспали мы и первым удалением от Бога, и вторичным, как говорит церковь, *осквернением ризы божественнаго крещения или просвещения.* Среди многообразных оболщений мира указывая нам на возделенные плоды истинного благочестия, на благодатный свет и воссоединение с Богом, но примеру блудного сына, церковь учит, что «молитва и пост есть дивное оружие. Пост соделал Моисея боговидцем, Илию – чудным колесничником, Павла – чудным неботечником. Итак, будем поститься от злб и на высоту бесстрастия восхитимся».

Для назидания и руководства постящихся к благодатному освящению и озарению, церковь при богослужении во вторую седмицу великого поста воспоминает св. причастников и защитников благодатного света. Так, на повечерии в первый воскресный день čtyредесятницы воспоминает пророков, которые, *от Святаго Духа просвещаеми*, прорекли о новозаветной благодати.

В воскресный день второй седмицы церковь празднует св. Григорю Паламе, архиепискому Фессалоникийскому, защитнику православного учения о Божественном свете.

Святитель Григорий, живший в XIV веке, родился в Константинополе от благородных и благочестивых родителей. 20-ти лет оставив мир, он принял иночество в одной из афонских обителей. Проводя благочестивую, строго подвижническую жизнь, Григорий сподобился божественных дарований и имел от Бога дар исцеления. Современники удивлялись добродетельному житию Григория, называли его богоносцем. Особенно великую услугу оказал Григорий церкви обличением лжеучителей, отвергавших православное учение о духовном благодатном свете, осиявающим внутреннегo человека и иногда открывающемся видимо, как

на Фаворе и в лице Моисея, после беседы его с Богом на Синае (Исх. 34:29–30, 35); таковы лжеучители были Варлаам, монах калабрийский, и Акиндин. Поводом к появлению их лжеучения было следующее обстоятельство. Пустынножители Афонской горы, ведя подвижнический образ жизни, до того очищали себя от всего плотского и до того утончались и возвышались в духе, что многие из них сподобляемы были откровений и видений духовных, – особенно осияния светом небесным, подобным тому, какой виден был окрест Спасителя на Фаворе. В событии этом не было не только ничего противного духу Евангелия; но, можно сказать, оно было доказательством и залогом того, что обещается в нем праведникам, т. е. что они сами просветятся, как солнце, в царствии небесном. Но иначе смотрели на это обстоятельство враги православия. Вместо того, чтобы признать с благоговением в нем успех подвижников в духовной жизни, они смотрели на него, как на плод воображения. Мало этого: начали разглашать всюду, что афонские пустынники впали не только в самообольщение, но и в ересь, что они, усвояя этому пренебесному свету божественность, вводят будто бы в Божество два начала – сотворенное и несотворенное, что подобным учением нарушается даже вера правая.

Трудно представить, как горька была эта клевета для обитателей св. горы и как тяжела для всей церкви православной! Среди тогдашних еретических треволнений Афон всегда был как бы духовный Арарат, на котором находил себе пристанище и спасение ковчег православия; – и вот на этом самом Арарате, как утверждали зломыслящие, является ересь, является под видом самым благочестивым и, следовательно, самым опасным! – Такая мысль могла привести в смущение и тех, которых *чувствия*, по выражению апостола, обучены *долгим учением* на различение добра и зла (Евр. 5:14); тем более не могли оставаться спокойными люди простые и малоопытные в жизни духовной: вся церковь греческая пришла в сильное волнение!..

В это-то опасное для церкви время Григорий Палама является, как ангел тишины для укрощения бури. – Обладая обширным и глубоким познанием священного писания, он доказывает всем и каждому, что учение о фаворском свете, видения которого сподобляются подвижники афонские, совершенно согласно с духом евангелия, что те, которые сомневаются в бытии этого света и в озарении им избранных Божиих еще на земле, обнаруживают этим только недостаток своей чистоты и своих духовных подвигов. Как ученик и воспитанник Афона, которому не по слухам только, а на опыте известен был образ жизни тамошних

подвижников, св. Григорий входит во все подробности спорного предмета, преследует каждую клевету зломыслящих и, рассеяв таким образом тьму, наведенную на св. гору, показывает ее во всем ее духовном величии.

В благодарность за эти апостольские подвиги, доставшие мир церкви и приобретшие Григорию наименование *сын света божественного*, вскоре по святой кончине его единодушно положено пастырями церкви, чтобы память о нем украшала настоящий день недельный. И праведно! Св. Григорием ограждена и защищена честь не только иноков Афона, а всей жизни подвижнической, спасена честь св. поста, как первейшего из средств, коим св. подвижники афонские достигали озарения божественным светом. Естественно поэтому, что воспоминание подвигов св. Григория Па ламы всего более приличествовало не другому какому-либо времени, а именно дням великого поста.

Постящихся и идущих путем благодатного освящения церковь ободряет и утешает во вторую неделю четырехдесятницы чтением апостола о божественном величии Сына Божия, во имя Коего мы постимся и подвизаемся, и служением св. ангелов для ищущих спасения. *Не все ли суть служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение; а нерадящим о своем спасении угрожает правосудием Божиим. Аще бо глаголанное ангелы слово бысть известно, и всяко преступление и ослушание праведное прият мздовоздаяние: како мы убежим, о толицем нерадивше спасении (Евр. 2:2–3).* Чтением евангелия церковь благовествует об исцелении души расслабленного от грехов и тела от болезни словом Господа, по вере принесших расслабленного (Мк. 2:1–12)¹¹⁰.

Особенности богослужения третьей (крестопоклонной) седмицы Великого поста

Третья неделя св. четыредесятницы носит на языке церкви наименование *недели крестопоклонной*, наименование, заимствованное от того, что на утренней службе этого дня в православных храмах повсюду совершается всем известный обряд изнесения из алтаря на середину храма изображения животворящего креста Господня для поклонения ему всех верующих. И не один только воскресный начальный день этой седмицы церковь уделяет прославлению креста Господня: службы всех следующих за ним седмичных дней, до пятка включительно, всецело посвящены величанию этого орудия нашего спасения и знамения нашей веры, изображению его славы, силы и значения для христианина.

Таким богослужебный строй настоящей седмицы мы застаем уже во времена св. Иоанна Златоуста, причем этот св. отец говорит о нем как о давно установившемся, обычном и хорошо известном в церкви, так что первоначальное возникновение церковного обычая совершать среди поста в известный день поклонение кресту Господню с полным правом и несомненною достоверностию может быть возводимо к еще древнейшим временам христианства, когда только что начало формироваться в церкви богослужебное устройство, не вдруг получившее и ту цельность и определенность, с какою мы наблюдаем его во времена св. Златоустого. «Возвратился к нам день, всеми чтимый и светлый, – средняя седмица святых постов, приносящая преблаженный и животворящий крест Спаса нашего Иисуса Христа, предлагающая его для поклонения, и поклоняющихся с искренним сердцем и чистыми устами освящающая и делающая их готовыми и мужественными к совершению поприща святых постов»¹¹¹ – такими словами приветствует св. Златоуст в своей беседе наступление крестопоклонной недели, давая здесь разуместь как древность этого церковного установления, так, в особенности, и скрытые в нем внутренний смысл и нравственную цель.

Если мы захотим несколько долее остановиться на последнем, т. е. на уяснении себе тех побуждений и мотивов, по которым церковь посвящает кресту Господню всю настоящую седмицу, и прислушаемся для этого еще к обращенному к нам в эти дни голосу самой церкви, то из ее уст услышим полное подтверждение только что приведенного суждения по этому предмету великого вселенского учителя.

Возлагая на нас продолжительный пост св. четыредесятницы и

предъявляя нам за эти дни особенно высокие и строгие требования подавления в себе всех плотских, чувственных вожделений, требования нравственного самоуглубления и самоусовершенствования, церковь от нас не думает скрывать всех трудностей возлагаемого ею на нас подвига, ни сама не забывает когда-либо об этом. Она учит нас, что только подвиг заслуживает награды и может оказать действительное, благотворное действие на нашу внутреннюю нравственную жизнь, а потому и требует от нас подвига; но как всякий подвиг вызывает усиленное напряжение тех или иных сил человека, совершающего этот подвиг, и потому не в каждом из нас является решимость предпринимать подобный труд, из боязни, как бы этот труд не превысил наши силы, то св. церковь, заповедуя нам в дни поста высший подвиг нравственный и желая в то же время всех нас, и слабых духом наравне с сильнейшими, видеть участниками этого подвига, заранее обнадеживает нас нравственной своею поддержкою и помощью, лишь бы мы выказали полную готовность и решимость следовать ее материнским советам. И действительно, во все время поста церковь не оставляет нас без своего постоянного ободрения, то утешая нас обещанием и изображением блаженного жребия в будущем, ожидающего всех послушных ее чад, то обращая, с должною, конечно, осторожностью, наше внимание к протекшему уже времени поста и покаяния и к тому, что, может быть, уже и сделано некоторыми из нас, и помощи Божией, за это время для своего духовного усовершенствования, то стараясь усилить в нас, в предупреждение горделивого самопревозношения, сознание и памятование греховности нашей пред Богом и необходимости заглаждения ее глубоким, сердечным раскаянием и делами добродетели, – как то делали и некоторые из святых Божиих, обратившиеся ко Христу и возведенные Им из глубины греховной жизни (примерь св. Марии Египетской), – то, наконец, возводя наши взоры к окончанию времени поста и к приближающимся светлым, радостным дням праздника Воскресения Христова, и к кресту Господню, которым совершено наше искупление и под которым занялась спасительная заря светоносного праздника.

Последнего рода воспоминание, как самое утешительное и ободряющее, и вызывает в нас церковь при окончании первой половины св. сорокадней, предлагая нашим взорам и благоговейному поклонению изображение животворящего креста Господня. По взгляду церкви¹¹², древо крестное сильно усладить нам все горести поста, как некогда древо в руках Моисея усладило горькие воды Мерры, и подобно источнику живой, свежей воды ободряющему уставшего среди дороги

путника на дальнейший путь, может и в нас вселить бодрость и оживить наши силы, чтобы мы затем охотнее понесли предлежащие труды другой половины поста. И действительно, для того, кто нелицемерно верует в распятого Господа, чтит Его крест и ведаёт силу и величие Его искупительной жертвы, не может быть ни лучшего и действительнейшего утешения в понесенных уже трудах, ни сильнейшего побуждения к усердию в трудах новых, чем то, какое предлагает нам в своем богослужении и обрядах недели крестопоклонной св. церковь. Утешая истинных подвижников благочестия примером и образом Господа Страдальца, церковь в то же время этим примером хочет пробудить от беспечной лени и греховного сна и нерадящих о своем спасении непослушных ее чад, вызвать и в их душах покаянные чувства, а всем вообще – напомнить об общехристианском нашем долге уподобляться, по мере сил наших, за нас пострадавшему Господу, и безропотно следовать в своей жизни за Божественным Крестостопом; это требование с особенной ясностью и определенностью поставляется нам в евангельском чтении крестопоклонной недели, для которого избрана церковью беседа Спасителя о необходимости для каждого из Его последователей высокого самоотвержения и полной, беззаветной преданности евангельскому учению и божественной воле. «Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет»¹¹³ – вот какой из многих заветов Спасителя считает ныне особенно благовременным напомнить нам св. церковь в евангельском чтении. Но как все нашей изнеженной чувственности кажущиеся суровыми евангельские и свои собственные заповеди церковь всегда старается, по возможности, смягчить, сделать для нас удобоприемлемыми, так и в настоящий раз она ободряет нас с дерзновением вступить на узкий и скорбный путь, ведущий к небесному царствию, напоминая нам словами апостола Павла в недельном апостольском чтении, что на этом своем жизненном пути помощником «мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха»¹¹⁴.

В богослужении настоящей седмицы церковь несколько не отступает от обычного великопостного строя; в своих уставах о проведении этой седмицы не делает никаких уступок нашим плотским вожделениям, но, направляя к нашему ободрению в подвигах покаяния и поста все богослужбные чинопоследования настоящих дней, она все же сообщает богослужению крестопоклонной седмицы особенную торжественность и величие. Радость и победное торжество воскресения слышатся во всех

богослужебных песнопениях недели. «Торжества день», – поет теперь св. церковь, – «восстанием Христовым смерть безвестна показася, жизни божия заря, Адам восстав, ликует радостию»¹¹⁵. «Радуйся, живоносный кресте, церкви красный раю, древо нетления, прозябши нам вечныя славы наслаждение! Радуйся благочестия непоколебимая победо, дверь райская, верных утверждение, церкви ограждение, им же тля разорися и попрося смертная держава, и вознесохомся от земли к небесным, орудие непобедимое, бесов сопротивниче, славо мучеников, преподобных во истину удобрение, пристанище спасения, даруя миру велию милость!» Самые ирмосы каждой песни канона недели крестопоклонной те же, что и канона пасхального. Особую же торжественность службы этой недели придает величественный обряд изнесения животворящего креста Господня из алтаря на середину храма и следующее затем общее поклонение ему молящихся, при пении трогательных стихир, представляющих нашему духовному взору картинный, живой образ страданий Христовых и призывающих всех нас поклониться животворящему древу, «на нем же Христос Спас наш волею руце распростер, вознеся нас на первое блаженство»¹¹⁶, утраченное грехопадением нашего праотца. Поклонение кресту Господню при пении этих стихир повторяется еще трижды за эту седмицу (в понедельник, среду и пяток), и все седмичные службы, как уже было замечено, посвящаются церковью прославлению креста Господня и его спасительных действий. В пяток этой седмицы, вслед за последним поклонением кресту, он обратно переносится священнослужителями в алтарь и полагается на обычном своем месте. Церковь считает нас достаточно отдохнувшими под его священною сению и уповает, что мы, запасшись здесь новыми силами и обновившись духом, радостно и с готовностью будем продолжать начатый подвиг, вступим во вторую, заключительную половину св. сорокадвятиницы.

«Когда проходящие долгий и жестокий путь», – пишется о цели установления обряда поклонения св. кресту, – «утомленные трудом, обретут одетое обильными листьями, тенистое дерево, то, присев немного, отдыхают и, как будто опять сделавшись юными, совершают остальной путь: так и ныне, в постное время, посреди прискорбного пути и подвига, посажен св. отцами живоносный крест, подающий прохладение и покой и утружденных творящий легкими и мужественными к довершению труда»¹¹⁷.

Особенности богослужения четвертой седмицы Великого поста

В богослужении четвертой недели церковь предлагает нам высокий пример постнической жизни в лице преподобного Иоанна Лествичника, жившего в VI веке.

О жизни пр. Иоанна Лествичника дошло до нас очень немного исторических сведений; но из них можно извлечь много поучительного для себя. Известно, что он был человек высокообразованный, посвятивший себя подвигам духовной жизни с юных лет – с 16-летнего возраста. Для этих подвигов он удалился на гору Синайскую и там вручил себя в послушание старцу Мартирию. Послушание его старцу было настолько велико, что он как бы вовсе не имел своей воли. В обращении с братьями он был очень прост и, хотя был очень учен и образован, но так вел себя, что ни в чем не показывал своих преимуществ перед другими. 19 лет прожил он со старцем, до кончины его жизни, а по смерти его решил жить в уединении. Местом своего уединения он избрал пустыню Фола, отстоящую от Синайской горы не очень в далеком расстоянии. Здесь в великих подвигах поста и молитвы подвизался он сорок лет. В продолжение этой необыкновенной сорокалетней пост его был столь же необыкновенен, как и самое продолжение времени его пощения. Хотя он не уклонялся от пищи, не возбраненной уставом во время поста, дабы тем сокрушить, как сам говорил, «рог гордыни», но принимал ее в таком ограниченном количестве, что казался более отведывающим, чем вкушающим. Зато от всякой страсти он воздерживался решительно, повелительно говоря к ней: «молчи, онемей». Покаяние его было соединено с глубоким сокрушением сердца и слезами. Удаляясь пресыщения и лености, он свободное время от молитвы посвящал чтению божественных писаний, списыванию книг и спасительным беседам с братией. Обиды, которые случалось ему испытывать от братии, он переносил терпеливо, с молитвой к Богу за обидчиков. Дивная высокоподвижническая жизнь преподобного Иоанна вынудила братию избрать его в игумены Синайской горы, после 40-летнего пребывания его в пустыне. Будучи избран игуменом, он прилагал все свое старание к тому, чтобы руководимые им иноки удостоились *восхождения* к Богу и большего приближения к Нему. Скончался он 80 лет, оставив после себя сочиненную им душеспасительную книгу – *Лествицу*.

Так названо самим Иоанном собрание душеполезных размышлений о

главных добродетелях христианских, преимущественно же о тех, которыми подавляется и умерщвляется в нас *ветхий человек*, т. е. грехолюбивая плоть с ее страстями и похотями, и оживает вместо его, растет и укрепляется в нас человек новый, духовный, живущий *по Бозе* верою, любовью и упованием жизни вечной. Составлено это творение для посвятивших себя иноческой жизни, но так как сущность дела спасения для всех одна и та же и состоит в очищении природы нашей от зла, в ней гнездящегося, и в наполнении ее благодатию Божиею, а с нею и всеми добродетелями, то Лествица Иоаннова весьма полезна и душеспасительна для всякого, кто желает быть христианином не на словах только и по имени, а на самом деле. Число ступеней или духовных размышлений в Лествице – тридцать, по числу лет земной жизни Господа нашего до Его крещения, ибо Господь крестился и вышел на дело Своего общественного служения не прежде тридцати летъ, и притом потому, как должно полагать, что в это время естество человеческое достигает своего полного развития; и мы все, по наставлению апостола, должны приходить в меру возраста исполнения Христова, к чему ведет и способствует Лествица Иоаннова. Поэтому и добродетели в ней следуют одна за другою, в естественном их порядке и преемстве, начиная от приготовительных и низших.

Вот краткое внешнее очертание творения Иоаннова.

Ободря постящихся примером преп. Иоанна, соделавшегося ангелом в телеси, посредством поста, бдения и молитвы, церковь предлагает нам новое утешение в евангельском и апостольском чтениях. В первом она показывает, что и постом и молитвою побеждается самый враг духовного совершенствования и спасения человека и предуказывает эту победу в обстоятельствах страдания, смерти и воскресения Христова (Мк. 9:17–31), а во втором напоминает непреложность воли Божией о спасении человека, запечатленную при том клятвою, чтобы мы имели твердое упование (Евр. 6:13–20)¹¹⁸.

Особенности богослужения пятой седмицы Великого поста

В пятую седмицу св. четыредесятницы церковь утешает и ободряет постящихся тем, что они совершили уже половину поста, и побуждает, чтобы мы, «преполовивше священный пощения путь, радостно текли к будущему воскресению». Побуждения к духовному бодрствованию предлагаются церковью в продолжение первых трех дней пятой седмицы.

В *четверг* на утреннем богослужении церковь произносит весь великий канон св. Андрея Критского, исполненный сильного побуждения к очищению и покаянию, и житие преподобной Марии Египетской, поучительно представляющей в себе образец истинного покаяния и сокрушения о грехах. Поэтому чтение канона св. Андрея Критского в *четверг* пятой седмицы Великого поста называется иногда «стоянием Марии Египетской». *Труда же ради бденного*, церковь совершает в этот день литургию преждеосвященных даров и облегчает пост.

Чтобы образ покаяния Мариина живее напечатлелся в нашей душе, опишем кратко всю жизнь преподобной, как она изложена для нас св. Софронием.

Рожденная в Египте, Мария с юных лет имела несчастье впасть в бездну плотской нечистоты. Поводом к этому была ее особенная красота телесная – этот дар Божий, останок райского благолепия природы нашей, но который теперь редко не обращается в первый повод ко греху. Разврат начался с того, с чего наиболее начинается он в летах юных, – с неповиновения своим родителям, дошедшего до того, что скоро оставлен был навсегда дом родигельский, как оставлен был блудным сыном. После этого нечего было ожидать от пятнадцатилетней девицы, кроме греха и соблазнов. И Мария, падая ниже и ниже по лестнице разврата, скоро явилась на самой последней ступени. Все, что страсти и диавол могут сделать из человека, – все то было сделано из несчастной. И в таком ужасном состоянии проведено около 17 лет! Казалось, не было уже никакой надежды на исправление...

Но Тот, Кто оставляет 99 овец и ищет одну заблудшую, – Тот не оставил и теперь несчастной грешницы; Своею премудростию обратил ко спасению ее то самое, что казалось верхом гибели. Ловя все возможные случаи на удовлетворение своей страсти, Мария заметила, что один корабль, наполненный юными людьми, отправляется в Иерусалим для поклонения кресту Христову. Диавол тотчас вложил в сердце ее мысль –

употребить этот случай для своей страсти. И вот злополучная плывет в Иерусалим, оскверняя своими делами море, как прежде сквернила землю. Ни взор на св. град, ни вид Голгофы и гроба Господня не могли остановить навыка ко греху. Мария и в Иерусалиме продолжала губить себя и других. Но это было уже последнею жертвою ада...

Когда наступил день торжественного поклонения кресту Христову, Мария – вместе с другими – пожелала войти во храм; но сколько ни приближалась к воротам его, каждый раз уносилась назад волнением толпы народной. Сначала это казалось делом случая и возбуждало только новые усилия – протесниться вместе с другими в церковь; но когда, с одной стороны, все усилия остались тщетными, а с другой – заметно стало, что этот неуспех преследует из всех только ее одну, то в Марии пробудилась, наконец, совесть: как молния проникла все существо ее мысль, что не люди, а перст Божий и грехи ее отрывают ее от святыни. В сокрушении сердца, Мария поднимает очи горе и видит пред собою на стене церковной св. икону Богоматери. Это было для нее как бы явление с неба. «Мати Божия», – восклицает грешница, – «я знаю всю мою нечистоту, ведаю, что за тяжкие грехи мои мне место не в храме, но в аде; но призри, Всеблагая, на мое покаяние и буди моею Ходатаицею и Споручницею пред Богом, Сыном Твоим: отсель вся жизнь моя будет принадлежать Ему и Тебе!..» После этой молитвы Мария опять стремится ко воротам церковным; и, несмотря на прежние, еще большие толпы народа, входит невозбранно во храм и совершает поклонение кресту Христову. Видимая милость эта преисполнила душу ее новым умилением и благодарностию к Богу. Возвратившись ко воротам церковным, она снова поверглась пред иконою Богоматери, снова произнесла обет чистоты и покаяния, снова избрала Ее Споручницею своего спасения... И, приняв свыше вразумление – идти за Иордан, в пустыню, оставила мир и все греховное, человеческое.

Мария оставила все, не только греховное, но и человеческое; ибо, заключившись в пустыне Иорданской, не только попрала всю прежнюю роскошь и негу, не только отвергла удовлетворение самым необходимым потребностям плоти и крови, но и вознеслась, можно сказать, над самую природою человеческою. Во все время ее пребывания в пустыне у нее не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Трех малых хлебов, взятых ею из Иерусалима, стало ей на семнадцать лет. Потом пищею для нее служило не столько зелие пустынное, сколько молитва и благодать Божия. И среди таких чрезвычайных подвигов проведено сорок семь лет!

Пустынный Зосима, спасавшийся в одном из иорданских монастырей, в то время, когда вся братия во дни поста расходилась по разным

пустыням, по откровению Божию, был увлечен далеко за Иордан желанием найти образец высшего иноческого самоотвержения в каком-либо из забвенных миром отшельников. Много уже дней скитался он по пустыне, когда, во время молитвы, мелькнуло ему в отдалении подобие человеческого тела, совершенно иссохшего и опаленного солнцем, нагого и одетого лишь серебристыми волосами. Зосима устремился к бегущему от него призраку и со слезами молил его остановиться и дать ему свое благословение; тогда бегущая остановилась, и старец услышал жалобный голос: «Авва Зосима! Я женщина, брось мне свою одежду и тогда приблизься!» Зосима узнал чудесную повесть жены египетской и, пораженный ее смиренным рассказом, дивился, где обрела она столько силы для такого тяжкого испытания.

«Страшно вспомнить протекшее», – сказала отшельница, – «вот уже 47 лет, как я в пустыне, и первые 17 лет провела в адской борьбе с моими страстями, как с лютыми зверьми: любившая вино, иногда не могла я утолить и каплею воды своей жажды; много страдала от голода и зноя, много от болезней и часто лежала, как бездыханный труп. Прежние вождения, как пламень, съедали мою внутренность; но я падала ниц, билась об землю, в слезах призывала горнюю помощь; и она, наконец, посетила меня отрадною тишиною духа и тела». «Но где же научилась ты святому писанию?» – воскликнул Зосима, плененный ее беседой. – «Бог посылает знания смертным, я же никогда ничему не училась и не видала живой души со дня перехода моего через Иордан. Но чувствую, что силы мои скудеют; исполни пламенное желание моего сердца: я не приобщалась св. таин с того времени, как перешла через Иордан; не удаляйся на следующий пост в пустыню, но ожидай меня в великий четверг с св. дарами на Иордане; теперь же прощай и молись обо мне».

После этого Мария скрылась. Прошел год, и сидел пустынный в урочный день на берегу реки, думая сам с собою: как перейдет дивная жена чрез бурные весенние воды Иордана. Отшельница явилась на другой стороне и, осенив крестом шумные воды, смелою стопою пошла по ним. В ужасе пал пред нею Зосима. «Священник Бога вышняго», – воскликнула Мария, – ты ли унижаешь страшные тайны Христовы пред грешницею?» С умилением вкусила она божественных таин Спасителя и со слезами потом произнесла молитву св. Симеона Богоприимца: *ныне отпуцаеши рабу Твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром, яко видеста очи мои спасение Твое!* «Еще одна просьба моя к тебе», – сказала она пустыннику, – «на следующий год приди опять на то место, на котором в первый раз я беседовала с тобой, – приди, приди Господа ради и опять увидишь меня, –

того хочет Господь!» – и вновь удалилась по водам в пустыню.

Миновал год; пустынный пошел искать св. отшельницу в знакомой пустыне... И вот, на сыпучем песке лежит ее бездыханное тело. С горькими слезами припал старец к ногам умершей, не зная, надобно ли идти скрыть сокровище мощей ее; но на изголовье прочитал он начертанные на песке слова: «Авва Зосима! В самую ночь страсти Господней отошла я к Спасителю моему, причащенная св. таин; погреби здесь мое тело и помолись об убогой Марии». Радуюсь славе той, чье имя узнал только по смерти, одиноко отпел св. старец преподобную и стоял в тяжелой думе, не имея возможности исполнить последнюю волю ее. И вот к нему на помощь вдруг выбежал из степи лев и мощными когтями разрыл пред ним глубокую могилу. В сообществе этого погребателя, незримый никем, Зосима воздал последний долг дивной Марии и, возвратясь в монастырь, передал повесть о преподобной жене египетской. Иерусалимский патриарх Софроний, вскоре по смерти св. Зосимы, весьма трогательно описал жизнь ее в «Преестественном слове» своем, которое благочестивый читатель может найти в Четых-Миняхъ, под первым числом апреля и в прибавлении к постной триоди. Св. Андрей Критский, отправляясь в 680 г. на шестой Вселенский собор, взял с собою житие Марии и представил его вместе с своим канонем всему собранию пастырей. И то, и другое было одобрено ими и тогда же введено в церковное употребление.

Предлагая в четверг пятой седмицы Великого поста повесть о дивной жене египетской, церковь тем самым поучает нас, что, если страсти могут постепенно овладевать человеком и, изгладив в нем мысль о высоком назначении, унизить его до состояния бессловесных, то сила благодати, христианское самоотвержение, ежечасно возвышая дух и сокрушая все плотское, может вознести человека до состояния бесплотных¹¹⁹.

В субботу пятой седмицы Великого поста св. церковь торжественно прибегает к покрову Божией Матери, совершая на утреннем богослужении чтение акафиста Пресвятой Богородице. Поводом и основанием к составлению этого акафиста послужило чудесное спасение заступлением Божией Матери столицы греческой от врагов: персов, аваров (гуннов) и скифов (дунайских славян). Эти враги в несметном множестве окружили Константинополь с суши и с моря; народ скорбел, но не унывал, ободряемый своим патриархом Сергием, в надежде на помощь Божию. И упование не посрамилось! Когда патриарх совершил крестный ход со св. иконами и погрузил ризу Богоматери в тихие воды залива, то море взволновалось и потопило флот неприятельский, а враги, осаждавшие с

суши, были прогнаны самими греками. В благодарность за дарование такой дивной победы народ целую ночь воспевал благодарственные и похвальные песни небесной Заступнице. Это было в 626 г. в Великий пост. Составление акафиста приписывается Георгию Писидийскому, диакону великой константинопольской церкви, и по распоряжению патриарха Сергия назначено петь это похвальное пение в субботу пятой седмицы Великого поста, отчего и самая суббота называется похвальнойю. Русская церковь имеет также свои особые побуждения к прославлению Божией Матери, так как и самым началом христианства Русь православная обязана Божией Матери. Известно, что в 866 г. русские князья Аскольд и Дир, подступившие морем к Константинополю, были отражены и побеждены таким же чудесным образом: буря, внезапно поднявшаяся на море, от погружения в него патриархом Фотием ризы Богоматери, потопила неприятельские суда со всеми воинами, за исключением самих князей, которые увидели в этом поражении и своем спасении всемогущество христианского Бога и, по возвращении в Киев, приняли св. крещение. В память этого постоянно на утреннем богослужении воспевается благодарственная песнь Богоматери за избавление от злых, т. е. бед языческого зловерия, с исчезновением которого занялась заря христианства на Руси. Акафист написан ямбическими рифмованными стихами и состоит из 24 песней, расположенных по порядку 24 букв греческого алфавита, Из этих песней краткие, называемые кондаками, оканчиваются (кроме 1-го кондака) псаломскою песнию: *аллилуиа*, а икосы – архангельским приветствием: *радуйся*. Каждый икос состоит из двух частей: в первой заключаются истины исторические, или догматические, а во второй мысли и чувства, возбужденные первыми, так что первая часть служит основанием для второй. Эта вторая часть икоса состоит из 12 стихов, или полустиший, начинающихся ангельским приветствием: *радуйся*, и каждые два стиха составляют собою целое, выражая то одну мысль, но в разных выражениях, то две мысли, поставленные в некоторой противоположности. По содержанию акафист Божией Матери может быть разделен на две части, из которых первые 12 песней, от 1-го икоса до 7-го кондака включительно, имеют содержание историческое, а последние 12 – содержания догматического и нравоучительного. В первой части акафиста излагается в хронологическом порядке история воплощения и первоначальной жизни Сына Божия на земле, начиная событием Благовещения и кончая Сретением. От хронологического порядка отступает только повествование о бегстве святого семейства в Египет, которое в акафисте поставлено прежде

Сретенья. Во 2-ой части акафиста от 7-го икоса изображается таинство воплощения Сына Божия и благодатные плоды этого таинства, причем в кондаках воспевается и прославляется воплотившийся Господь, даровавший нам обилие благодати, а в икосах прославляется Божия Матерь, Ее величие пред Богом, Ее высочайшие совершенства и разнообразные благодеяния Ее верующим. Последний кондак содержит общее моление к Божией Матери об избавлении нас от всех бед временной жизни и вечных мук в будущей жизни. К достоинству содержания акафиста относится еще и то, что многие мысли и даже выражения его сходны с некоторыми молитвами к Пресвятой Богородице, принадлежащими св. Ефрему Сирину; таким образом, хотя акафист составлен в VII веке, но он заключает в себе слова и выражения, которыми прославляли Пресвятую Богородицу еще в IV веке. А высокое воодушевление, проникающее акафист, глубина мыслей и чувств и сила выражений достойны того, чтобы воспевать его с особым благоговением. Даже однообразие форм и краткость выражений составляют достоинство изложения акафиста, потому что это однообразие, не пленя воображение витиеватостью оборотов, содействует молящимся относиться к содержанию читаемого с более глубоким и сосредоточенным вниманием и возноситься умом и сердцем к Богу. Многие подвижники благочестия испытали на себе сладость и свет благодати, которым озарен акафист, и многие из них во время чтения его сподобились благодатного посещения Божией Матери. Так, Она удостоила Своим посещением, вместе с апостолами Петром и Иоанном, преподобного Сергия Радонежского, читавшего вечером акафист, и даровала ему утешительное обетование о процветании его обители под Ее покровом. Александр Свирский ночью порою, во время чтения акафиста, узрел в необычайном свете Царицу Небесную с Предвечным Младенцем в Своей деснице, окруженную сонмом ангелов. Она ободрила преподобного в построении заложенного им храма и обещала сохранить его обитель со всеми подвижающимися в ней. Преподобный Кирилл Белоозерский в полночь, когда возгласил 8-ой кондак акафиста, внезапно услышал от иконы Богоматери, пред которою молился, глас, повелевший ему идти на Белоозеро, при этом небесный свет указал преподобному и самое место, где он может спастись, несмотря на отдаленность этого места¹²⁰. Для памяти и назидания грядущих родов, св. церковь узаконила для всех верующих, в особенности для готовящихся к причащению св. таин, неотложно читать акафист Божией Матери вечером пред субботой. А свободному усердию верующих она внушает частое чтение акафиста в особенных церковных и домашних молитвах. К составу

акафиста принадлежат стихирь и канон, в которых воспеваются благовещение Пресвятой Богородицы и Ее Божественное величие. Этот канон составлен Иосифом Песнописцем (в IX в.)¹²¹.

Особенности богослужения шестой седмицы Великого поста

День за днем, седмица за седмицею, и вот проходит уже вся святая четыредесятница. Пост еще продолжится одну седмицу, но эти дни не принадлежат уже четыредесятнице, а имеют особенное значение, будучи посвящены воспоминанию страстей Господних. Это как глава и крест на храме. Поэтому святая церковь уже в пятницу шестой седмицы останавливает наше внимание, неоднократно возглашая: *душеполезную совершивше четыредесятницу и святую неделю страсти Твоя просим видети, Человеколюбче, еже прославити в ней величия Твоя и неизреченное нас дея смотрение Твое, единомудренно вопиюще: Господи, слава Тебе!* Так поступает церковь для того, чтобы мы, достигнув конца четыредесятницы, собрались с мыслями и рассмотрели, достигнута ли нами цель святого поста? Ибо можно, и много сеяв, ничего не пожать; можно употребить разные лекарства, *иждить* даже, как говорит Евангелие о жене кровоточивой, все имение врачам, и не получить исцеления.

Оканчивая в пятницу шестой седмицы святую четыредесятницу, церковь пред седмицею спасительных страстей Господних, в соответствии с евангельскою историею, приводит на память своим чадам чудо воскресения Лазаря и торжественный вход Господа в Иерусалим. Воспоминанию этих событий и посвящена служба седьмой седмицы.

Воскрешение Лазаря церковь воспоминает с *древних времен* христианских. Отцы церкви IV века: св. Иоанн Златоуст, бл. Августин и другие оставили нам свои поучения, произнесенные ими в Лазареву субботу. «Сегодня», – говорит св. Златоуст, – «Лазарь, воскрешенный из мертвых, уничтожил для нас многие и различные соблазны»¹²². В VII веке св. Андрей Критский написал также беседу на четверодневного Лазаря и канон, ныне поемый церковью. В VIII веке Косма Маиумский и Иоанн Дамаскин предали церкви также каноны на день Лазарева воскресения, ныне поемые церковью. В конце IX века император византийский, Лев Философ, перенесши мощи св. праведного Лазаря с Кипра в Константинополь, составил на день воскресения его некоторые из священных песнопений, ныне употребляемых св. церковью.

По гласу церкви воскрешением Лазаря Иисус Христос хотел, между прочим, показать в Себе Бога и человека, уверить учеников Своих в будущем Своем воскресении, всех – в общем воскресении мертвых, грешникам явить образ духовного воскресения. Действительно, в лице

Своем Господь Иисус Христос явил при гробе Лазаря очевиднейшим образом божество и человечество. Как Бог всеведующий, Он возвестил ученикам Своим о смерти Лазаря, не быв уведомлен об этом. Господь приходит в Вифанию: Марфа и Мария – сестры умершего Лазаря, и другие всенародно исповедуют Иисуса Христа всемогущим и Сыном Божиим. *Господи, – говорит Марфа, – аще бо Ты zde был, не бы брат мой умер. Но и ныне вем, яко елика аще просиши от Бога, даст Тебе Бог; Ей, Господи: аз вероух; яко Ты еси Христос, Сын Божий, Иже в мир грядый.* То же произносит и Мария, падши к ногам Спасителя. Давно и другие иудеи говорят о Нем между собою: *виждь, како любляше его; не можаше ли Сей, отверзый очи слепому, сотворити, да и сей не умрет.* Тогда и Сам Иисус Христос всенародно нарекает Себя Жизнодавцем. *Воскреснет брат твой, – говорит Он в утешение Марфы: – Аз есмь воскрешение и живот: веруай в Мя, аще и умрет, оживет. И всяк живый и веруай в Мя, не умрет во веки.* Наконец, как истинный Бог, Иисус Христос после краткой молитвы к Отцу небесному всемогущим словом Своим воскрешает Лазаря на четвертый день по смерти его. «Тебе, Владыко, всех Царю, вся возможна», – говорит церковь, – «глас Твой разрушил адово царствие, и слово власти Твоя возставило из гроба четверодневнога, и Лазарь бысть спасительное прообразование паки бытия»¹²³.

Как истинный человек, Иисус Христос, пришел в Вифанию, где жил и умер Лазарь, и видя сестру умершего друга Своего плачущую и пришедших в весь плачущих, Он возмутился Сам, прослезился и, яко не ведующий, спросил: *где положисте его?* Так Господь предстал гробу Лазареву, «уверяя нам два существа Своя», – говорит церковь. – «Яко же человек вопрошал: где погребесе, и яко же Бог воскресил четверодневнога»¹²⁴.

Чтением апостольским на литургии в эту субботу церковь проповедует об установлении вечного царства Нового завета – царства непоколебимого, *да имамы благодать, ею же служим благоуходно Богу, с благоговением и страхом (Евр. 12:28, 13:8)*; окончательное установление этого царства благодати началось воскрешением Лазаря. Чтением Евангелия церковь благовествует о событии воскрешения Лазаря (Ин. 11:1–45).

После воскрешения Лазаря второе событие при последнем путешествии Иисуса Христа на Пасху, прославившее Господа и предварившее Его страдания и смерть, был царский вход Господа в Иерусалим. Этот вход называется *царским*, согласно с пророчествами и Евангелием, где грядущий в Иерусалим Иисус Христос называется *Царем*:

се Царь твой грядет к тебе кроток (Захар. 9:9. Мф. 21:5).

Невозможно описать всего величия и необычайности той встречи, которую устроил народ Иисусу Христу! Ни прежде, ни после нее не было в мире ничего подобного.

Это была торжественная, всенародная встреча обетованного праотцам, предвозвещанного пророками, ожидаемого в продолжение 55-ти веков Избавителя мира, Сына Давидова, Христа, Царя Израилева. Он мирно вступал в царственный город Давидов, восседая на осле, покрытом одеждами учеников. Но бесчисленное множество народа приветствовало Его как Победителя смерти, Который, в довершение всех дивных чудес Своих, воздвиг из мертвых уже четыре дня лежавшего в гробе Лазаря.

С неописанным восторгом, все наперерыв спешили выразить Божественному Иисусу свое усердие, чем кто мог. Одни постилали Ему по пути свои одежды; другие срезывали ветви с деревьев и, потрясая ими в воздухе, как знаменами победы, бросали их пред Христом. А все вместе, предшествуя Ему и сопровождая Его, даже малые дети, приветствовали Его единодушными восклицаниями: «Осанна (спасение) Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне, Царь Израилев! Мир на небеси и слава в вышних! Осанна в вышних!»

Таким-то образом встречали Царя-Христа ученики Его, народ и дети, но среди этого множества ликующих и веселящихся о Господе были и такие люди, которым эта встреча Господа и эти восклицания в честь Его были вовсе не по сердцу. То были фарисеи, первосвященники и книжники.

Фарисеи даже осмелились сказать Господу: «Учитель! Уйми учеников Своих!» (Лук. 19:39).

А первосвященники и книжники открыто изъявили пред Ним свое негодование на восклицание отроков «Осанна Сыну Давидову» и сказали Ему: «Слышишь ли, что они говорят?» (Мф. 21:15, 16).

Торжественный и кроткий вход Иисуса Христа в Иерусалим был новым побуждением для ослепленных завистию и злобою книжников и старейшин народа иудейского – ускорить погубление Мессии.

Благоговевая перед событием входа Господня в Иерусалим, церковь в первые времена христианства установила *праздник Ваий*, положенный в числе *дванадцатых*. В IV веке св. Амвросий Медиоланский в слове на неделю Ваий говорил: «Св. церковь, – сия нежная мать наша, велит нам, по примеру встретивших тогда Иисуса Христа, постигать Ему по пути одежды и резать ветви древесные, – только духовным образом. Ныне ослицу заменяет всякая праведная душа; на ней Господь ныне входит в Иерусалим тогда, когда, обитая в душах наших, возбуждает в них

отвращение от мира и любовь к небесному отечеству. Одежды по пути вы постилаете пред Господом тогда, когда, уговоря Господу путь к вам, усмиряете тела ваши воздержанием; а ветви от деревьев примите, если, возлюбив добродетели святых, уговорите Господу путь к вам; ибо что иное были Авраам, Иосиф, Давид и прочие праведники, как не плодоносные древа церкви Божией? Посему, если вы хотите достигнуть вечного спасения, то научитесь у Авраама послушанию, у Иосифа целомудрию, у Давида смирению; и так как финики есть знамение победы, то тогда мы правильно будем держать в руках финиковые ветви, когда, воспевая победные песни, будем стараться победить диавола добродетельною жизнью; потому что тот напрасно держит в руках финиковые ветви, коего лестию одолевает диавол»¹²⁵.

На всенощном бдении в Вербное воскресенье святая церковь раздает своим чадам ваии древесные. Это делается в подражание народу еврейскому, который, сретая Господа в этот день торжественно входившего в Иерусалим, держал в руках зеленые пальмовые ветви. «Многие из пришедших в Иерусалим», – говорит св. Амвросий, – встретили Господа с финиковыми ветвями в руках в доказательство победы Его над народом израильским, потому что пальмовые ветви обыкновенно предносили победителям; и другие резали ветви от деревьев и, где нужно было, уравнивали ими путь Господу». И мы предносим Господу древесные ваии, яко победителю ада и смерти, и радостно взываем к Нему: Осанна! Благословен грядый во имя Господне! Во-вторых, церковь раздает нам древесные ветви в знамение нашего воскресения. Вербка, первая из всех растений, при наступлении весны показывает в себе начатки жизни после зимы, которая есть образ смерти в видимой природе. Смотри на вербу зеленеющую, мы радостно ожидаем, что вот скоро и другие растения также нальются живительной влагой и оденутся листьями. Господь воздвиг Лазаря из мертвых, общее воскресение уверяя, поет св. церковь, и мы веруем, что, когда придет время, Он, подобно Лазарю, воздвигнет всех, от века умерших, и с возженною свещею, символом горящей в нас веры, держим зеленеющие ваии, начаток обновления природы. В-третьих, данная нам древесная ветвь, по намерению церкви, должна напоминать нам о древе креста. *Днесь благодать Святаго Духа нас собра, – поет она, – и вси, вземши крест Твой (Господи), глаголем: благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних!* Красноватый цвет вербы указывает на кровь, излившуюся на кресте. Белые распускающиеся почки представляют чистые души, убеленные этою Господнею кровию. А указуя на крест Господень, эти ветви не могут не напомнить нам и о

нашем собственном кресте, неизбежном для всякого истинного христианина. Таково знаменование древесных ветвей, которые раздает нам в великий Господень праздник матерь-церковь! Судите сами после этого, как нехорошо поступают из вас те, которые расхищают вербу силою, с большим шумом, чуть-чуть не с боя. Господь некогда с гневом изгнал из Иерусалимского храма торжников, оскорблявших святыню дома Господня. Как бы и нам за нашу невнимательность ко святыне храма не навлечь на себя страшного гнева Господня¹²⁶.

Чтением литургийного апостола церковь, сообразно древней радости учеников Христа и народа, при входе кроткого Царя во Иерусалим внушает нам: *радуйтесь всегда о Господе, и паки реку – радуйтесь. Кротость ваша разумна да будет всем человеком...* (Фил. 4:4–9). Чтением Евангелия на литургии церковь благовествует о вечери, уготованной в доме Лазаря для Иисуса Христа за шесть дней до Пасхи, о помазании драгоценным миром Иисуса Христа, послужившим предзнаменованием погребения Его и торжественно-величавом входе Господа в Иерусалим.

На литургии, которая ради двенадцатого праздника Ваий бывает св. Иоанна Златоуста, приглашая нас к духовному сретению Господа, церковь внушает нам принести Христу Богу вместо ваий – милостыню; в молитве сердечной вопиять: *осанна!*, взять ветви добродетелей и принять Христа в дом души, как в Иерусалим^{127 128}.

Приложение. Ирмосы и избранные тропари Великого канона в русском переводе

Песнь первая. Ирмос. Помощник и покровитель бысть мне во спасение, сей мой Бог, и прослаблю Его, Бог отца моего, и вознесу Его, славно бо прославися.

По-русски: Помощник и покровитель сделался моим спасителем. Вот Он – мой Бог, и прослаблю Его, – Бог отца моего, и превознесу Его, потому что Он торжественно прославился.

«С чего начну я оплакивать дела своей погибельной жизни? Какое начало положу, Христе, настоящему рыданию? Но Ты, как милосердый, прости мне согрешения».

«Иди, погибшая душа, с своей плотию, раскайся перед Творцом всего; оставь уже прежнее свое бессмыслие и пролей перед Богом слезы покаяния».

«Горе мне, погибшая душа моя! К чему ты уподобилась первой жене – Еве? Посмотрела ты взором нечистым – и вся страшно отравилась; коснулась запрещенного – и дерзко предалась бессмысленным наслаждениям».

«Заслуженно Адам выгнан был из рая: он не сохранил одной Твоей заповеди, Спаситель. Что же предстоит вытерпеть мне, когда я постоянно отвергаю Твои, жизнь источающие, повеления?»

«На мне лежит убийство тяжелее Каиново; забота лишь о жизни плоти, я, с полным сознанием, сделался убийцею своей души, восстав на нее преступными своими делами».

«Да, я согрешил, Спаситель. Но знаю, что Ты милосерд, наказываешь с снисхождением и готов помиловать. Ты видишь плачущего и, как отец, спешишь навстречу к распутному сыну, призывая его к Себе».

«С самой юности нарушаю я Твои заповеди, Спаситель. Предавшись страстям, беспечно и нерадиво провел я всю жизнь. Поэтому я и взываю к Тебе, Спаситель: хотя под конец жизни спаси меня».

«Не взойди со мною в суд, – представляя дела мои, исследуя слова, обличая душевные мои стремления; но, Всесильный, по Своему милосердию, спаси меня, презрев все мои нечестия».

(Пр. Марии) «Победивши бурные стремления к плотским наслаждениям, ты обратилась ко Христу, вся подчинившись Его божественным заповедям и, со всем благоговением, исполнила все добродетели, как одну».

Песнь вторая. Ирмос. Вонми, небо, и возглаголю, и воспою Христа, от Девы плотию пришедшего.

По-русски: Внимай, небо! Я буду говорить и воспевать Христа, Который, родившись от Девы, пришел в плоти.

«Внимай, небо! Я буду говорить; услышь, земля, голос, приносящий Богу раскаяние и прославляющий Его».

«Боже, мой Спаситель! Услышь меня по Своему милосердию и прими мое искреннее раскаяние. Согрешил я больше всех людей: только я один и мог нагрешить столько перед Тобою! Но, как Бог и Спаситель, будь милосерд к Своему творению».

«Потерял я первоначальную красоту свою и благолепие, и теперь лежу наг и стыжусь. Как листьями смоковницы, прикрылся я позорным одеянием: но оно лишь обличает преобладание страстей во мне».

Другой ирмос: Видите, видите, яко Аз есмь Бог, манну одождивый и воду из камене источникый древле в пустыни людем Моим, десницею единою и крепостию Моею.

По-русски: Смотрите, смотрите, вот Я – Бог; Я, Который в древние времена ниспослал манну с неба Своему народу в пустыне, и воду источил из скалы, и все это лишь Своим могуществом.

«Вовсе оставивши без внимания живых до закона (т. е. до того времени, как Бог дал чрез Моисея закон), ты, душа, не уподобилась Сифу, не подражала Еносу, ни Еноху, ни Ною; но оказалась чуждою жизни праведных. А за то ты, душа моя, и отверзла бездны гнева Бога своего, и потопила все, как землю – и плоть, и дела, и жизнь, – а сама осталась вне спасительного ковчега».

(Марии) «Погруженная в бездну зла, ты, Мария, простерла свои руки к милосердному Богу, и Он, всеми способами искавший твоего обращения, по милосердию и тебе, как Петру, простер Свою божественную руку».

Песнь третья. Ирмос. На недвижимом, Христе, камени заповедей Твоих утверди мое помышление.

По-русски: Христе! Утверди мою мысль на непоколебимом камне Твоих заповедей.

«Душа! Спасайся на гору, как Лот, и спеши в Сигор. Беги от пламени и старайся укрыться от содомского горения, – от этого нескончаемого огня, который возжжется Самим Богом».

«Троица – единица, Боже! Спаси нас от соблазнов, от искушений и от окружающих опасностей».

Другой ирмос. Утверди, Господи, на камени заповедей Твоих, подвигшееся сердце мое, яко един свят еси и Господь.

По-русски: Господи! Утверди на камне Твоих заповедей поколебавшееся сердце мое, потому что един Ты свят и Господь.

«Подражал я, Спаситель, распутным современникам Ноя, за то мне и предстоит та же участь – неизбежная гибель».

«Ты слышала, душа моя, как, в древние времена Авраам покинул родину и сделался странником по земле: подражай его решимости. Удались от греха, как он удалился из земли Харран; иди в землю, источающую вечно живое нетление, которую Авраам получил уже в наследие».

«Ты знаешь, погибшая душа, как Исаак, прообразовавши таинство (крестной смерти Спасителя), вознесен был в доселе небывалую жертву всесожжения, – подражай его твердости».

«Живи в мире, среди людей, подражай священнику Божию и царю уединенному, который был подобием Христа» (разумеется Мельхиседек, царь Салимский и священник Бога вышнего, благословивший Авраама).

«И об лестнице от земли до неба, которую видел Иаков, ты знаешь, душа моя: зачем же у тебя нет надежного восхода труда – благочестия?

(Марии) «Буря и неудержимые волны грехов захватили меня, Мария. Но помоги мне и своими молитвами направь к пристани угодного Богу раскаяния».

Песнь четвертая. Ирмос 4. Услыша пророк пришествие Твое, Господи, и убоясь, яко хочещи от Девы родиться и человеком явиться, и глаголаше: услышах слух Твой и убояхся: слава силе Твоей, Господи.

По-русски: Господи! Вострепетал пророк, когда ему открыто было о Твоем пришествии, – что Тебе угодно родиться от Девы и явиться между людьми, и сказал: получил я откровение о Тебе, Господи, и страх объял меня: да будет слава Твоему могуществу.

«Бодрствуй, душа моя; всеми силами старайся, как великий патриарх (Иаков), чтобы приобрести деятельность и разумение, видеть Бога посредством созерцания, проникнуть в неприступный мрак и, таким образом, приобрести именно то, что нужно».

«Зная об Иове, на куче навоза оправданном, его твердости, ты, душа моя, не подражала и не имела твердой решимости в том, что видела и испытала, но во всем оказалась нетерпеливою. Более всех он был справедлив и честен и, несмотря на то, не избежал нападения и ковов обольстителя; что ж будет с тобою, погибшая душа, при твоих греховных стремлениях? Что сделаешь ты, когда и с тобою случится что-либо подобное?»

«Милосердый! Предавшись страстям, так гибельным для души, я сам

для себя сделался идолом. Но, Спаситель, окажи мне милосердие: прими меня раскаивающегося, восстанови сознающего, чтобы я не сделался достоянием и жертвой врага».

(Марии) „Мария! Погрязши в бездне великих беспорядков, ты без удержки предавалась им. Но когда пробудилось стремление к лучшему, ты своей деятельностью чудно возвысилась до самого верха добродетели, даже ангелов удививши этим».

Песнь пятая. Ирмос. От ночи утреннююца, Человеколюбче, просвети, молюся, и настави и мене на повеления Твоя, и научи мя, Спасе, творити волю Твою.

По-русски: Человеколюбче! Молю Тебя: озари светом Твоим меня, не перестающего в ночи воспевать Тебе песнь утра, наставь на путь Твоих заповедей и научи меня, Спаситель, исполнять волю Твою.

«Христе-Царю! Исповедуюсь Тебе, согрешил я; согрешил, как некогда братья Иосифовы, продавшие плод чистоты и целомудрия. Родными братьями связан был он – праведная душа; продан в рабство – достойный всякой любви – и прообразовал Господа (проданного и преданного); а ты, душа, сама себя продала всю своим нечестием».

«Вот, душа, подражай жизни Моисея, когда он поселился в пустыне, и ты будешь созерцать Бога, явившегося в купине».

Песнь шестая. Ирмос. Возопих всем сердцем моим к щедрому Богу, и услыша мя от ада преисподнего, и возведе от тли живот мой.

По-русски: От всего сердца своего воззвал я к милосердому Богу и из самой глубины преисподней Он услышал меня и избавил жизнь мою от тления.

«Ты, душа, уклонилась от Господа, как Дафан и Авирон; но в самой глубине воззови Господу: пощади! Чтобы и под тобой не разверзлась земля и не поглотила тебя».

«Бессмысленны твои стремления, душа, как в древние времена Израиля: божественной манне ты безумно предпочла пресыщение развратными наслаждениями страстей».

«Вооружись и сражайся, как некогда Иисус (Навин) с Амаликом, с плотскими страстями и старайся всегда побеждать гаваонитян – обольстительные помыслы».

(Марии). «Мария! Своею необыкновенною жизнью на земле ты приобрела небесное бесстрашие. Молись поэтому, чтобы те, которые прославляют тебя, избавились за твои молитвы от страстей».

Кондак. Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается и имаши смутиться: воспряни (проснись) убо, да пощадит

тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй.

По-русски: Душа моя, душа моя! Восстань, что ты спишь? Конец приближается – и как же смутишься ты! Проснись же, чтобы пощадил тебя Христос Богъ, везде сущий и вся исполняющий.

Песнь седьмая. Ирмос. Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом пред Тобою, ниже соблюдохом, ниже сотворихом, якоже заповедал еси нам: но не предаждь нас до конца, отцев Боже.

По-русски: Согрешили мы, беззаконвали, делали всякие неправды перед Тобою; не сохранили и не исполнили ничего из того, что Ты заповедал нам; но, Боже отцев, не оставь нас до конца.

«Тайны сердца моего я закрываю перед Тобою – Судией моим, посмотри, как горько мне; посмотри, как тяжело мне; обрати внимание, как я сам осуждаю себя. О, Боже отцев! Ты милосерд: Сам помилуй меня».

«Когда ковчег везли на колеснице и чуть не уронил его повернувший телец, то Зан лишь коснулся его (чтобы поддержать) – был наказан Божиим гневом. Душа! Избегай и ты подобной дерзости и благоговейно почитай все божественное».

«О, горе мое! Ты, душа моя, постаралась подражать мерзостям Ахава: сделалась обиталищем плотских нечистот и иозорным вместилищем страстей; но из самой глубины своей обратись к Богу с молением и исповедуй пред Ним грехи свои. И для тебя, душа, заключилось небо, и тебя постиг голод, точно так же, как некогда Ахава, когда он не послушал слов Илии фесвитянина (пророка), но постарайся уподобиться сарептской вдовице, которая пропитала пророка во время голода!»

«О, мой Спаситель! Совсем потерял я образ Твой: исказил Твой закон; помрачил все, что было во мне хорошего: страсти затушили светильник (ум); но, умилосердившись, возврати мне, как говорит Давид, радование».

(Марии). «Призвавши на помощь пречистую Богоматерь, ты прежде всего подавила в себе бурю страстей, так жестоко терзавших тебя, и тем победила врага, возобладавшего, было, тобою. А теперь помоги мне, почитающему тебя, в моем горьком положении».

Песнь восьмая. Ирмос. Его же воинства небесные славят, и трепещут херувими и серафими, всяко дыхание и тварь, пойте, благословите и превозносите во вся веки.

По-русски: Все созданное Богом, все, что живет и дышит, воспевай, благословляй и вечно прославляй Его, Которого прославляет небесное воинство и перед Которым трепещут херувимы и серафимы.

«Некогда Елисей, получив плащ Илиин, получил двойной дар благодати от Бог (пророчества и чудотворения); а ты, душа, за свое

невоздержании, не удостоилась такой благодати».

«Некогда самонитянка с душевным радушием угощала праведника; а ты, душа, не приняла к себе в дом ни пришельца, ни путника. Вот за это-то и будешь выгнана из чертога (царства небесного) и будешь рыдать».

«Душа! Ты слышала, как каялись перед Богом ниневитяне: они облеклись во вретича и посыпали головы пеплом. А ты не подражала им; напротив – оказалась худшею всех грешников, до закона и после закона бывших».

«Милосердый Спаситель! Никто не согрешал перед Тобою больше меня; несмотря на то, прими меня, с трепетом раскаивающегося и с любовью взывающего: перед Тобою единым согрешил я, помилуй меня, милостивый».

(Марии). «Неожиданное чудо увидавши в тебе, преподобная, не мог не изумиться блаженный Зосима: ангела он видел во плоти и, весь исполненный страхом, славословил вечного Христа».

Песн девятая. Ирмос. Бессеменного зачатия рождество несказанное, Матере безмужныя нетленен плод: Божие бо рождение обновляет естества: тем же Тя вси роди, яко Богоневестную Матерь, православно величаем.

По-русски: За бессеменным зачатием и рождество неизъяснимое; от Матери безмужной и плод нетленный; ибо рождение Бога обновляет природу. Вот почему мы – все поколения – православно славословим Тебя, Богоневестную Матерь.

«Ум весь поврежден; тело издряхло; дух изнемогает; слово потеряло свою силу; жизнь гаснет, конец близок. Что ж будешь делать ты, погибшая душа моя, когда явится Судия исследовать все твое?»

«Закон потерял для тебя силу; Евангелие для тебя ничего не значит; все Священное Писание ты пренебрегла; пророки и все богодухновенное слово ослабели: вся ты изболелась, душа, а врача, который исцелил бы тебя, нет».

«Чтобы еще хоть чем-нибудь тронуть тебя, я привожу указания из Нового завета. Постарайся же подражать праведным, а грешников отвращайся, и умилостиви Христа молитвою, постом, чистотою и воздержанием».

«Вочеловечившийся Христос призвал к покаянию разбойников и блудниц. Душа, покайся, – дверь царства (небесного) уже отверста, и прежде всего входят туда раскаявающиеся мытари и прелюбодеи».

«После сорокодневного поста в пустыне, Господь взалкал, свидетельствуя тем о Своей человеческой природе. Душа! Не предавайся

беспечности, если и на тебя нападет враг, то отрази его молитвой и постом».

«В пустыне поселился Предтеча благодати, и Иудея вся, и Самария, услышавши, устремились к нему и, исповедуя свои грехи, усердно принимали крещение; а ты, душа, не подражала им».

«Душа! Ведь ты знаешь о городах, которым Христос благовестил, какому они подверглись проклятию (Лук. 10:13–15); содрогаясь при этом указании, не будь подобна им, которых Господь, приравняв содомлянам, осудил даже до ада».

«Разбойник хулил Тебя, и разбойник Богом исповедал Тебя, – а оба вместе на кресте. Но, о Всемилосердый, как разбойнику, уверовавшему в Тебя и познавшему в Тебе Бога, и мне отвори дверь славного Своего царствия».

«Плодов достойных покаяния не востребуй от меня, потому что сила моя во мне изнемогла. Даруй мне всегда сердце сокрушенное и смирение духа, чтобы я принес их Тебе, единый Спаситель, как жертву угодную».

«Судия мой, знающий всю меня! Ты, имеющий опять прийти с ангелами судить весь мир, тогда, возрев на меня милостиво, пощади и умилосердись надо мною, Иисусе, согрешившим больше всех людей».

(Марии). «Мария! Своей чудной жизнью ты удивила всех ангелов и людей. Ты жила, как существа духовные (ангелы), победила самую природу и, через это, вступив на Иордан, перешла его, как существо бестелесное».

«Андрее! Тебе молимся: молитвами твоими избавь нас от страстей позорных и исходатайствуй, чтобы удостоились небесного царства мы, верой и любовью воспевающие тебя, славный. О, Андрее, святитель Критский! Твоими молитвами исходатайствуй и мне оставление грехов, потому что ты наилучший учитель покаяния».

(Письма о богослуж. свящ. Беллюст., Беседы о богослуж. свящ. Дьяченко)

Примечания

¹ - Последование богослужения подготовительного к Великому посту (начиная с недели мытаря и фарисея) и совершаемого во время святой Четыредесятницы изложено в особой книге, которая называется Великопостной Триодью. История происхождения этой книги такова. Св. и великая Четыредесятница издревле была предметом особенного благоговения для христиан – временем усиленных подвигов и занятий благочестивых. Никогда верующие так строго не постились, не уединялись, не посвящали так много часов на молитвы, чтения, поучения, как в дни четыредесятницы. Оттого Св. Четыредесятница сделалась предметом возвышенных и умилительных песнопений для святых песнетворцев христианских. Знаменитейшие сладкопевцы христианской Греции, каковы св. Андрей Критский, Косма Маюмский, Иоанн Дамаскин, трое Студентов – Иосиф, Феодор, Симеон, изображали свои святые помыслы в стихирах и канонах. Императоры – Лев Мудрый, Феофил – и вельможи двора Цареградского – Симеон Логофет, Христофор Протосинкрит, – Патриархи и Епископы – Кирилл Александрийский, Сергий, Филофей, Феофан начертанный, Феодосий Сиракузский, – простые воины и лица белого духовенства – Симеон Марк, Георгий, Николай, протоиерей Навплийский, Никита, архидиакон Константинопольский – составили песни о предметах великого поста. Была и одна христианка-поэт – сперва благородная дева, а потом благочестивая инокиня, которая дар песнопения, постыдно расточаемый другими, посвятила событиям Св. Четыредесятницы. Это благочестивая Кассия. Священные песни этих людей, равно как и многих других, имена которых покрыты неизвестностью, составляют нашу церковную книгу, называемую Постная Триодь или Трипеснец. Святые песнетворцы Иосиф и Феодор Студиты собрали вместе все, что до них было написано, привели в надлежащий порядок, присовокупили много стихир и канонов собственного произведения; и тогда образовался церковно-служебный молитвенник, заключающий в себе около ста шестидесяти служб, больших и малых, начинающихся с недели Мытаря и Фарисея, оканчивающихся великою субботой. Они же, вероятно, дали своему собранию и название Триоди. Это было в 9 в. христианской эры, когда церковная обрядность получила полный и единообразный, после того почти неизменяемый, состав. Что касается духа постной Триоди, то в ней нет ни одной песни и чтения, которые бы особенным образом не назидали и не производили

христианских чувств сокрушения и покаяния. Выбор и расположение предметов, на которые составлены службы этой молитвенной книги, их взаимное сочетание, их сообразность с обстоятельствами времени и с существом дела, их трогательное унылое и вместе святым упованием растворенное выражение – все направлено к тому, чтобы заставить грешника войти в себя и сознать свое недостойнство; все учит его, чтобы он отринул высокохвальную гордыню фарисейскую, смиренно молился, как мытарь, каялся, как блудный сын, трепетал страшного Суда Божия, рыдал подобно подшему праотцу, который, сидя прямо потерянного рая и свою наготу взирая, плакаше; чтобы подъял тяжкие труды поста в течение св. Четырехдесятницы, подражая своему Спасителю, четырехдесять дней постившемуся в Иорданской пустыне. Все люди чувствуют, что они грешны перед Богом; самый рассеянный и забывший себя человек не скажет, что он чист и невиновен перед судом Бога и совести; все более или менее вздыхают и печалются о своих падениях. Но вздохи и стенания человечества, пришедшего в сознание себя, может быть, нигде так верно не высказаны; нигде падший дух человеческий не оплакан такими горькими и истинными слезами, как в нашей постной Триоди. Потому книга имеет особенную, тайную силу – возбуждать к покаянию и сокрушенной молитве. «Покаяние отверзи ми двери, Жизнодавче, утреннюет бо бух мой ко храму святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен: но, яко щедр, очисти мя благоутробною Твоею милостию». Это одна из первых песней Триоди, которую слышим мы в храме; она так естественна и сродна духу нашему, что ее невольно читают и поют не только во время, положенное церковью, но всякий раз, когда чувство и совесть, обремененные грехами, сознают себя и томятся внутренней тоскою; дух этой песни постоянно движется и дышит в песнях целой Триоди.

² - На утрени в неделю блудного сына и затем в неделю мясопустную и сырную, после пения полиелейных псалмов: хвалите имя Господне и исповедайтесь Господеви, поется еще псалом 136-й. На реках вавилонских, тамо седохом и плакахом; внемда помянути нам Сиона. На вербиих посреде его обесихом органы наша. Яко тамо вопросиша ны пленшии нас о словесех песней, и ведшии нас о пении: воспойте нам от песней сионских! Како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прилепни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима яко в начале веселия моего. Дщи Вавилоня, окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам! Блажен, иже имет и разбьет

младенцы твоя о камень! После псалма: помилуй мя, Боже, нет другого во всей псалтыри Давидовой, который исполнен был бы такого умиления душевного, как этот псалом. Кажется, он написан не чернилами, а слезами, и должен быть не пет, а плакан. Поэтому-то и возглашается он в церкви в те недели, которые служат приготовлением к святому и великому посту. На реках вавилонских, тамо седоном и плакахом; внемда помянути нам Сиона. Вот чем занимаются пленники иерусалимские. Вместо того, чтобы строить для себя в Вавилоне дома, насаждать вертограды, заниматься куплею и продажею, на что дано разрешение через пророка от Самого Бога, они сидят на берегу рек вавилонских, как бы в ожидании, что волны речные с часа на час поднимут их и унесут в отечество; сидят и плачут, вспоминая о своем возлюбленном Сионе. Тело их в Вавилоне, а дух и сердце в Иерусалиме. На что ни посмотрят в стране чуждой, ничто не радует их, а все пробуждает мысль об отечестве: на реках вавилонских, тамо седоном и плакахом; внемда помянути нам Сиона. При взгляде на органы, которые израильтяне принесли с собою в плен – не для забавы, а чтобы бряцать на них хвалу и славу Иеговы – у вавилонян рождается любопытство и желание послушать песней сионских. Пленному ли отказать победителям в этой просьбе? Иные почли бы за счастье угодить таким образом своим гордым владыкам: но Израиль теперь не таков! Он страшится одной мысли – осквернить священную песнь Сиона смехом языческим. Вместо удовлетворения желаний вавилонян, пленники в полном сознании величия и достоинства своей веры отвечают: како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Отвечают так, нимало не заботясь, что их участь, и без того горькая, может чрез то отяготиться еще более. Неблаговременный вызов со стороны победителей к веселию и чести, когда у пленников текут из очей слезы, пробуждает в израильтянах новый порыв любви к отечеству; – они дают обет никогда не изменять ему: аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя! По удалении вавилонян, оставшись одни, пленные израильтяне тем сильнее предаются против них негодованию, что видят, как они, лишив их отечества, хотели бы лишить и благородства духа: дщи вавилоня окаянная, блажен, иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам! Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень! Так мыслили, так чувствовали, так вели себя израильтяне в плену вавилонском! Кто не преклонится с уважением пред этими чувствами? Кто не скажет, что народ израильский в самом плену и унижении показал в этом случае, что он не напрасно был возлюблен Господом и избран Им некогда в особенный удел Себе из всех народов? (Из проп. Иннокентия, арх. Херсонского). Почему поется этот

псалом в недели подготовительные к великому посту, понять нетрудно. И мы все лишены нашего отечества, и мы все находимся в плену, в тяжком нравственном плену и не иначе можем возвратиться в небесное отечество и освободиться от плена, как оплакивая самыми горькими слезами наши грехи. И вот, чтобы пробудить в нас в настоящее время поста и покаяния плач, подобный тому, каким плакали сыны Израиля на реках вавилонских, церковь и положила петь 136-й псалом. Благодетельно было для израильтян памятование об Иерусалиме: оно ободряло дух их посреди скорбей и бедствий тягостного плена, оно возбуждало их хранить веру отцов и благочестие посреди идолопоклонства и всевозможного развращения сынов Вавилона и тем заслужило милость Божию и возвращение в отечество. И мы, подобно древнему Израилю, должны любить нашу горную отчизну, непрестанно памятовать о небесном Иерусалиме в продолжение всего нашего греховного плена на земле.

³ - Пят. Сыр. на стихов. ст. 1.

⁴ - Сред. Сырн. на стих. ст. 1.

⁵ - Суб. Сырн. по 2-ой песне кан. тр. 2.

⁶ - См. кан. субб. сыр. 8 и 9 песн.

⁷ - По 8 песн. тр. 6.

⁸ - Дух. беседа 1864 год, ч. 1-я.

⁹ - Объяснение их мы дадим ниже.

¹⁰ - Вот более полное содержание, а вместе и объяснение этой молитвы: Господи! не дай мне духа праздности в делах мимолетной моей жизни, чтобы я всю ее убил на суету, пустоту и ничтожество; не дай духа беспечности, погибельного духа усыпления (Римл. XI, 8) и бездействия в великом деле спасения моего, особенно в эти святые дни поста и раскаяния; да не пройдут они и теперь, как проходили прежде, без всякой пользы для моей души; не дай духа властолюбия и вообще всякого самовозношения, если бы я и действительно делал что-либо угодное Тебе, если бы и действительно своими подвигами стал выше других, не дай духа пустословия и вообще всех праздных, бесполезных, а часто и совсем вредных для ближних и для меня самого, речей, на которые так неудержим язык мой. И вместо всего этого одушеви меня духом целомудрия, духом той душевной чистоты и целостности (без разделения, без смут, без колебания направо и налево), с которыми я мог бы мудрствовать и прияти лишь Тебе благоугодное, лишь только то, что может служить моему животу и спасению; одушеви духом смирения, с которым на высоте духовных подвигов с полным сознанием и убеждением говорил бы я себе:

я – раб, ничего не стоящий, потому, что сделал лишь то, что должен был сделать (Лук. 15:10); духом терпения, с которым я до последнего вздоха Моего мог бы выдержать эту беспрестанную, жестокую борьбу с врагами своего спасения, без чего никакие духовные подвиги невозможны; духом любви, без которой не имеет никакой цены не только совершенство духовных подвигов и безусловное самоотречение, но даже и дар пророчеств и чудотворений (1Кор. 13:1–9). Но что говорить о совершенстве подвигов? Где они? Ничего нет во мне, кроме грехов. А что хуже всего – гордость сердца моего препятствует и сознаться в этом. Мудрствования ума отыскивают тысячи предлогов и извинений в них. В глазах братьев своих отлично вижу все сучки и порошинки, лишь в своих не примечаю целых бревен. О, Господи мой! Дай мне эту великую благодать, чтобы я видел свои собственные грехи и, сознавая свою греховность, не дерзал судить и осуждать своих братьев. (См. Письма Беллюстина о церковном богослуж.)

¹¹ - См. апостольское чтение в субботу сырную.

¹² - Господь говорит здесь не об общественной молитве, но о домашней. Фарисеи из лицемерия, тщеславия и гордости, из этой домашней молитвы сделали площадное представление: они совершали ее в синагогах и на улицах.

¹³ - Пяток сыр., на 9 песни тр. 1.

¹⁴ - «Великие поклоны с молитвою Ефрема Сирина, – сказано в церковном уставе, – совершаются следующим образом. Когда настанет время их, тогда каждый, воздев руки, вместе с тем и умственные свои взоры возводит к Богу. Потом начинает молитву с умилением, страхом Божиим и со слезами, говоря: Господи, и Владыко живота моею и пр., стоя прямо и неуклонно взирая к Богу душевно и телесно; кончив первую часть молитвы, совершает поклон великий, до самой земли. Затем став и стоя, как и прежде, прямо, душевно и телесно взирая к Богу, молится, говоря вторую часть молитвы: духа же целомудрия и проч., и, кончив, делает другой, такой же точно, поклон. Также и третью часть молитвы: ей, Господи Царю и поклон великий. Потом встав и вздохнув, 12 поклонов малых. По окончании их, стоя так же, как и сначала, говорит всю молитву и, кончив ее, делает один поклон великий».

¹⁵ - На чем основывается обычай петь пасху в повечерие Великого поста? Если смотреть на этот обычай, говорит один из иерархов отечественной церкви, в связи с обычаем прощаться, то нельзя не заметить, что одно из сильных побуждений к соединению прощения с

пением пасхи заключается в предчувствии пасхальной радости. Сильная радость, расширяя наше сердце, дает в нем место миру и любви. Она всегда располагает к дружелюбию, к общительности. Кто находится в веселом расположении духа, тот обыкновенно на всех смотрит с любовью, всякому готов сделать добро, простить обиду, всякого привлечь к участию своей радости. Если это можно сказать о всякой радости, то не преимущественно ли располагает к миру и любви радость воскресения Христова, которое есть залог собственного нашего воскресения, печать нашего примирения с Богом, непререкаемое свидетельство торжества нашего Искупителя над врагами нашего спасения? При мысли о воскресении Христовом, столь для нас спасительном, верующие проникаются радостным и, следственно, мирным настроением духа во всякое время, преимущественно же в дни Пасхи, особенно в первый, в самый светлый день ее. Вот почему св. церковь в одной из стихир пасхальных приглашает всех нас ради воскресения Христова обнять друг друга, сказать ближнему, кто бы он ни был: ты брат мой, и ненавидящим нас простить все, – чтоб все в мире и единомыслии пели радостную песнь: Христос воскрес из мертвых. – При таком значении радости воскресения Христова в отношении к христианскому миролюбию легко объясняется происхождение обычая величать Пасху накануне Великого поста. Пение в это время пасхальных стихир переносит мысль поющих ко дню светлого торжества, когда радость примирения с Богом с особенною силою проявляется в братском общении и любви верующих. Они на эти минуты как бы забывают, что до светлого дня должно пройти семь седмиц; они предвкушают ту духовную радость, которая одушевляет верующих в этот день, а вместе с этою радостью проникаются теми чувствами мира и любви, какими сопровождается эта радость. Готовясь к подвигам поста и покаяния, они знают, что эти подвиги могут быть угодны Богу только под условием мира с ближними, и потому задолго до Пасхи оживляют в себе дух миролюбия словами пасхального песнопения: „воскресения день и просветимся торжеством, и друг друга обнимем, рцем, братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением». Обычай накануне Великого поста петь пасху объясняется не одним желанием оживить в себе дух миролюбия, столь нужного для вступающих в пост, но вместе – желанием ободрить себя к несению предстоящих подвигов поста и покаяния. Истинный сын церкви знает, как тяжки эти подвиги, какое потребно самоотвержение для подъятия их, если кто решается проводить время Великого поста, как требует церковь. Что же поддерживает в нем ревность к этим подвигам, тем более тяжким, что он упражняется в них в

продолжение всего длинного времени Великого поста, что он во все это время находится в состоянии особенного духовного напряжения? К поддержанию этой неослабной ревности служат духовные утешения, какие получает он среди самых подвигов поста, – чувство духовной свободы, мир совести, получаемый в молитве, в таинствах исповеди и причащения. Но сверх этого немало утешает и ободряет ревнующего о подвигах поста надежда великой духовной радости в праздник Пасхи. Пасхальная радость есть подобие и предъизображение радости, ожидающей праведников в раю. Если вообще подвижники благочестия и добродетели любят переноситься мыслью в райские обители и надеждою вечного блаженства, уготованного за временные подвиги, поощряют себя к понесению их до конца, – то, в частности, и ревнителям подвигов поста и покаяния не свойственно ли поощрять себя к ним не только эту же надеждою, но вместе надеждою духовного мира и радости, какую обещает им в ближайшем будущем праздник Пасхи? Попостимся, рассуждают они, – поговеем, потрудимся для Господа, претерпим разные лишения и скорби, неизбежные для истинно постящихся в борьбе с ветхим человеком; за то, если доживем до светлого дня, преизлиха вознаграждены будем за все это, обрадованы будем тем сильнейшею радостью, чем больше испытаем горечи в подвигах очищения души постом и покаянием. – Св. церковь, зная, сколь много ободрения для истинно постящихся заключается в надежде радости светлого праздника, установила (см. Триодь) в крестопоклонное воскресение Великого поста на утреннем богослужении оглашать нас пением пасхальных ирмосов: «Воскресения день, просветимся людие, пасха Господня, пасха» и т.д. В слушающих это пение естественно возбуждается предчувствие радости великого праздника, имеющего наступить по истечении остальной части Великого поста, – и это предчувствие окрыляет постящихся, если они ослабели от пройденного постного поприща, одушевляет их к новым подвигам. Но если в середине поста нужно ободрение на продолжение его надеждою пасхальной радости, – можно ли думать, что не нужно, или менее нужно подобное ободрение в самом начале этого поприща? Нет, ввиду того, что начинать подвиг поста после предшествовавших ему послаблений в образе жизни и всякого рода суете труднее, чем продолжать его, приобретши некоторый навык к нему – ввиду этого нельзя не признать нужды в особенной какой-нибудь мере для облегчения этой трудности. Что же лучше может вести к этой цели, как не надежда, что по окончании постных подвигов ожидает постящихся великая награда в радости о воскресении Христовом? Можете по сему судить, как разумен и

целесообразен, хотя не освященный церковным законом, обычай, с целью возбудить эту надежду и с нею предчувствие пасхальной радости, петь пасхальные стихиры пред наступлением Великого поста. Мореплаватели, пускаясь в дальние страны по морям и океанам с опасностью для жизни от бурь и кораблекрушения, утешают себя надеждою, что достигнуть наконец покойной пристани и возвратятся в отечество не с пустыми руками. Подобное значение для готовящихся преплыть постную пучину, как нередко называется в богослужебных книгах продолжение Великого поста, – надежда доплыть до мирных берегов этой пучины и дожить до всерадостного праздника Пасхи. (Душ. Чт. 1878 г.).

¹⁶ - В древние времена египетские пустынноики собирались в этот день в храм монастырский для последней совокупной молитвы и, испросив друг у друга прощение и благословение, расходились по окончании вечерни по дебрям и пустыням для уединенных подвигов, в продолжение Святой Четырехдесятницы; врата обители заключались до недели Ваий, в которую пустынные жители возвращались обыкновенно в монастырь, проведши, подобно Спасителю, сорок дней в пустыне – в посте и молитвах.

¹⁷ - См. поуч. свящ. Владиславева.

¹⁸ - Церк. Устав. л. 386 – 388.

¹⁹ - Воскресн. чтение, 1844 г. № 5.

²⁰ - Устав. Лист 382.

²¹ - Там же, лист 37.

²² - Матф. Власт. Алфав. Синт. Лит. А.

²³ - Церк. Уст. гл. 17.

²⁴ - Постн. Триод. 95 и след.

²⁵ - Там же, лист 101 –102.

²⁶ - Устав, лист 23.

²⁷ - Homil. in 1 Psal. t. I, pag. 90 et 91, edit. Bened.

²⁸ - Ambros. in Ps. I. Praef. t. 1, pag. 738 et sequ., edit. Bened.

²⁹ - Athan. Epist. ad Marcel. t. I, pag. 956 – 968. Edit. Morel.

³⁰ - Понед. и сред. 1-й нед. вечер. стих. на Господи воззвах.

³¹ - 5-й нед. сред. утр. самогласен; понед. 2-й нед. вечер.

³² - 2-й нед. втор. утр. кан.

³³ - 1-й нед. вторн. утр. седален.

³⁴ - Воскр. 2-й нед. утр. кан.; понед. 2-й нед. утр. кан; пят. 1-й нед. утр. кан.

³⁵ - Сред. 2-й нед. утр. кан. Сред. 1-й нед. утр. кан. Четвер. 2-й нед. утр. кан.

³⁶ - Не находя никакого другого ответа.

³⁷ - На первой неделе канон поется в начале повечерия, а на следующих в конце. Вот здесь-то, после славословия, и положено петь каноны: пресвятой Богородице – рядовой по гласу и, поочередно, тем святым, память которых придется от Лазаревой субботы до Фомина воскресения, потому что в эти две недели Минея оставляется.

³⁸ - Истор. Обзор песноп. и песн. греческ. церк. Филар. черн. Спб. 1860 г. стр. 173.

³⁹ - Истор. обзор песноп. и песн. греч. церк. стр. 174.

⁴⁰ - Пр. 49.

⁴¹ - Epist. 93. Историч. обзор песноп. и песн. Филар. Черниг. Стр. 82

⁴² - Иустин муч. гл. 67.

⁴³ - Клим. Алекс. Strom. lib. 1. Терт. в посл. к жене, кн. II, гл. 5.

⁴⁴ - В книг. De lapsis.

⁴⁵ - Апост. пост. кн. VIII, гл 13.

⁴⁶ - О молитве, гл. 14.

⁴⁷ - См. 59 пр. соб. Лаодик.; сн. 18 пр. того же собора.

⁴⁸ - 52 пр.

⁴⁹ - Бл. Август. 96 бес. на Иоан.

⁵⁰ - Истор. обз. песноп. и песн. Фил. Черниг., стр. 61.

⁵¹ - Руков. для сельск. паст. 1876 г. Хр. Чт. 1846 г. Белюстина – о церк. богослуж.

⁵² - См. Сол. 55. Ерм. Past. similit. V. Святой Амвросий Sermon. XXVI: молю вас, возлюбленнейшие братья, чтобы в это определенное законом время (т. е. во св. четырехдесятницу), кроме субботы и воскресения, никто из вас не начинал обеда до девятого часа, разве кому болезнь случайно не позволяет поститься; потому что в другие дни поститься есть или врачество, или заслуга; а в четырехдесятницу не поститься – грех.

⁵³ - В том и состоит должность диакона, чтобы блюсти за порядком и благочинием богослужения, объявлять время каждого священнодействия и предстоятелю, и предстоящим в храме. Потому он пред каждым священнодействием делает какой-либо возглас, и при каждом возгласе поднимает конец своего орария. Поэтому же диакон назывался иногда проповедником κύριξ, напр. Златоуст в 17 беседе на послание к евреям

говорит: и ныне у нас стоит проповедник κύριξ, когда говорит: Святая Святым. В церкви ветхозаветной, при чтении закона и пророков, в синагогах обыкновенно подаваем был с возвышенного места знак убрусом, когда слушающие должны были возглашать: аминь.

⁵⁴ - Нов. Скриж. Вениамина, архиеп. Нижегород. Ч. 2. § 2.

⁵⁵ - Theoria Mystica rer. eccl.

⁵⁶ - Это слово, перенесенное из ветхозаветной церкви (Втор. гл. 27 ст. 16 и след.) в новозаветную в самом ее начале (I Кор. гл. 14 ст. 16), по выражению бл. Иеронима, есть печать молитв (Hieron. in Marc. c. VI); оно оканчивает и утверждает каждую молитву. Простолюдин, по словам бл. Феодорита, после возгласных молитв ответствуя аминь, бывает участником в награде молений нисколько не меньше того, кто произносит эти молитвы в собрании церковном (Theodor. in 2Corinf. c. 1 v. 20).

⁵⁷ - 1 Нов. Скр. Ч. 2, гл. 1. § 8.

⁵⁸ - Этот псалом называется предначинательным потому, что первый из всех псалмов читается при нощенственном богослужении. По церковному времяисчислению сутки начинаются с вечера, потому и вечерня есть нощенственное богослужение (Нов. Скр. Ч.2. § 14).

⁵⁹ - Тертуллиан De orat c. XXI упоминает об этом стихословии, или антифонном пении, когда говорит: «ревностные христиане присовокупляют к молитве гимны или псалмы, стихи, которые поют попеременно, когда несколько их соберется вместе». Но самым первым учредителем антифонного пения в церкви христианской был Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, который слышал серафимов, славословящих Бога на два лица, и в подражание им установил такое же пение (Socrat. Hist. Eccles. lib. VI. cap. 8).

⁶⁰ - Аллилуиа – есть древняя еврейская песнь; и собственно означает радостное восклицание, не имеющее равносильного и соответствующего слова ни на каком другом языке, и означает: хвалите Бога! Св. евангелист Иоанн слышал эту песнь из уст торжествующих небожителей (Апок. 19, 1, 3, 6); потому она употребляется так часто в церкви христианской, заимствовавшей свои песни у церкви горнего Иерусалима. Потому же самому употребляется это слово всегда и везде без перевода, как и слово аминь. Сначала 70 переводчиков и св. Иоанн Богослов употребляли эти слова без перевода, а потом все отцы и учителя церкви стали употреблять их также на еврейском языке. Блаж. Августин говорит, что аминь и аллилуиа никому не позволительно переводить на собственный язык, но всем народам должно воспевать на еврейском языке (Epist. 178 contra

Pascentium Arian).

⁶¹ - Бес. на 2-е посл. к Коринф.

⁶² - Сим. Сол. отв. 60. «Хлеб не должен быть частица, но целый, чтобы, по обыкновению, мог быть разделен на частицы и по преломлении раздаваем; потому, что это не совершается над ним на литургии полной». Но так как в древности агнец не вырезывался, а освящался целый хлеб или даже несколько хлебов из приношений народных; то и на литургии преждеосвященных прежде приносились остатки преждеосвященных даров. (Const. Apost. lib, VIII cap. 13). От этого и в позднейших греческих списках этой литургии преждеосвященные св. дары называются остатками.

⁶³ - Обыкновение напоять тело Христова кровию было известно еще в IV веке, как видно из послания Юлия папы к египетским монахам. Главная причина этого установления та, чтобы иметь возможность и большую удобность сохранять святые Дары в целости. Дмитревский. Изъясн. Лит. Предувед. Стр. 47, § 40.

⁶⁴ - Впрочем, ныне обыкновенно хранятся св. дары на престоле и тут же полагаются на дискос на распростертом антиминос; на дискосе они переносятся на жертвенник и там покрываются звездицею и покровами. См. чин преждеосвященных в службе священническ. 1817 г.

⁶⁵ - Нов. Скр. Ч. 2, гл. 1, § 18.

⁶⁶ - Στιχηρά – многостишие, песнь, состоящая из многих стихов. Поэтому отцы церкви называли иногда стихирами целые книги ветхозаветные, писанные стихами, например, книга псалмов, притчей, Иова и проч.

⁶⁷ - В самой глубокой древности фимиам был приносим в жертву Богу и употреблялся не только в церкви ветхозаветной (Исх. 30, 1. 7. 8), но даже у язычников (Терт. Аполлог. гл. 25). Сам Бог заповедал Моисею каждое утро и вечер приносить жертву фимиама. В церкви христианской фимиам употребляется также с самого начала христианства. (Прав. Ап. 4).

⁶⁸ - Псал. 140, 2 Апок. 5, 8, 8, 3. Святой патриарх Герман говорит: «каждение есть чистая молитва благих дел, из которых происходит благовоние, как говорит апостол: Христово благоухание есмы. Благовонный дым кадила изображает благоухание Святаго Духа». Theor. myst. Ver. Eccles.

⁶⁹ - Петь эту песнь усвояется священнику и певцу как древними списками, так и новейшими изданиями литургии преждеосвященных Euch.

Coar. miss, praesanctif. pag. 162 и 171 col. 1. Not. читай Служебник священнический: чин преждеосвященных. – Ирмологий: последование церков. сочинений Божествен. и Священ. Литург. гл. на Св. Четыред. л. 136. 1789 г.

⁷⁰ - Златоуст (Бесед. 18 на Деян.) упоминает о молитвах за создателей храма: «там всегда будут за тебя молитвы, хваления и собрания (т. е. литургии); за тебя будут совершаться приношения в каждую неделю. Подумай, что ты, воздвигши жертвенник Божий, еще до пришествия Христова будешь иметь награду».

⁷¹ - Constit. Apost. lib. VII с. 10: «О плодоносящих во святой церкви, и творящих убогим милостыни помолимся; о приносящих жертвы и начатки Господу нашему помолимся» и пр.

⁷² - Св. Епифаний (Кн. о вере 7 21) говорит: «после (идут) труждающиеся κολαταὶ (в ектении κολοῦντες), тела усопших погребаяющие».

⁷³ - Эта ектения находится не только в литургиях св. Василия Великого и Иоанна Златоустого, но и в постановлениях апостольских (lib. VIII с. 10), и в литургии Иакова (Bibl. vet. Patr. Г. II). Она, так же, как и великая ектения, в древности произносима была по выходе оглашенных из храма (Constit. Apost. lib. VIII с. 10).

⁷⁴ - В постановлениях апостольских излагаются отдельно и пространно молитвы об оглашенных (ὕπερτων κατηχομένων), бесноватых (ἐνεργουμένων), о готовящихся ко крещению (βαπτιζομένων) и о кающихся (τῶν ἐν μετανοία). Lib. VII, с. 6, 7, 8, 9. От времен апостольских позволялось присутствовать в начале каждого общественного богослужения не только крещеным, но и всем некрещеным, изъявившим желание принять христианство. Эти последние, по осенении их крестным знаменем, по наречении христианскими именами, и по внесении имен их в церковные списки (Augustin Confession lib. 1, с II.–Dionys. Hierarch. Eccles. с. II, sect. 4), были устно наставляемы в первоначальных, более общих и доступных разуму истинах христианской веры, и потому назывались оглашенными или оглашаемыми (κατηχουμένοι). При каждом Богослужении совершаемы были всю церковию молитвы о них; после этого они приклоняли головы под руку епископа, который читал над ними молитву, и потом были высилаемы. Constit. apost. lib. VII, с. 6).– Также и кающиеся подходили под руку епископа и высилаемы были из храма. (Constit. apost. lib. VIII, с. 9).

⁷⁵ - Более общим и обыкновенным временем крещения оглашенных в

древней церкви были день Пятидесятницы и день Богоявления, в которой прежде воспоминались не только крещение, но и рождение Господа (Gregor. Nasians. orat. XL. de Baptismo.–Theodor. Lect. hist. lib. VI p. 566,–Neseph. Call. XI, 28); также навечерие светлого праздника Пасхи.–(Constit. Apost. lib V c. 19 de pervigilio Magni sabbati et de die resurrestionis);–так как и самое крещение есть благодатное возрождение от Духа Святого, смерть для жизни греховной и воскресение для жизни духовной. – Оглашенные, желавшие принять крещение в навечерие Пасхи, должны были заранее объявить епископу о своем желании, по крайней мере в половине четырехдесятницы. (Toutlee Cyril. Hieros. p. 2. № 2); а в иных церквях уже в начале поста (Cyril. Hieros. catech. § 4. – Соб. Лаод. пр. 45). – Они были отделяемы от прочих оглашенных и получали наставление в некоторых высших истинах христианской веры, необходимых к принятию крещения; изучали символ веры и молитву Господню, чего не могли и не должны были знать оглашенные низших разрядов. (Cyril. Hieros. Catech. 5. – Злат, бесед. 20 на 6 гл. Матф.) – Над ними совершаемы были в церкви различные обряды, кроме осенения возженною свечою: – знаменованье крестом (Dionys. Areop. Hierarch. Eccles. c. 2), заклинание (Augustin. Serm, 2 de Symb. № 1. Г. VI), дуновение в лице (Gennadius Massil. lib. de Eccles dogmat. c. 31), общественные молитвы и возложение руки (Constit. Ap. lib. VIII, c. 8). – Общественные молитвы и возложение руки так же, как и осенение свечою, совершались над ними при каждой литургии; они совершаются и ныне на литургии преждеосвященных даров и свидетельствуют о древности этого богослужения. Очевидно, эти обряды вошли в литургию преждеосвященных даров до Григория Великого и не могли быть внесены им в богослужение; потому что тогда уже крещение обыкновенно совершалось во всякое время без различия. Даже святой Григорий не имел бы повода удержать эти обряды в литургии преждеосвященных, если бы чин этого богослужения не был довольно определен и утвержден давнею практикою церкви.

⁷⁶ - В это время в древности читаема была великая ектения, как можно видеть в Постановлениях Апостольских. В настоящее время из этой ектении возглашается только последнее прошение: заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.

⁷⁷ - Собор Лаодикийский, утверждая древние обрядовые установления, между прочим предписал: «после бесед епископских должно совершать особую молитву об оглашенных; а когда оглашенные выйдут, надобно творить молитву о кающихся: когда же они подойдут под

руку и удалятся, тогда следует быть трем молитвам верных: одна должна быть совершена в молчании, вторая и третья возгласно». Первая или тайная молитва, которую верующий приносил о себе и своих частных нуждах, отменена церковью впоследствии, когда стали злоупотреблять ею, потому что при этих тайных молениях некоторые стали просить Бога о том, что противно Духу Христову и, по свидетельству св. Златоуста, обращались к Богу с такими словами: «отмсти за меня соперникам моим, покажи им, что и я имею Бога!» (Злат. бесед. 570 неявлен. грех.).—Таким образом остались две молитвы верных, как в литургии преждеосвященных даров, так и в литургиях Василия Великого и св. Златоуста. Эти молитвы во всех трех литургиях различны; но более сходятся между собою по содержанию находящиеся в литургии Златоустовой и литургии преждеосвященных даров, нежели читаемые в литургии Василия Великого.

⁷⁸ - В постановлениях апостольских не упоминается ни о символе, ни о молитве Господней. Первый ввел чтение символа при богослужении Петр Фуллон, епископ антиохийский, около 471 года. Потом около 510 или 511 года Тимофей, епископ константинопольский, первый повелел читать символ на литургии в своей церкви. (Pheod Lect. II. E. lib. 11 и. 32, 43). Собор Константинопольский, бывший в 536 году, упоминает, что в его время пели символ между чтением евангелия и поминальников (Concil T. V. p. 185); в испанских церквах чтение символа при богослужении введено по определению Толедского собора, около 589 года (Concil. T. V.p.1009).

⁷⁹ - Constit. Apost. lib. VIII. c. 11 «Диакон пусть скажет: целуйте друг друга лобзанием святым; и тогда священнослужители должны целовать архиерея, миряне мужчины мужчин, женщины женщин». Тут же Постановления апостольские повелевают немедленно запереть и стеречь двери, чтобы никто ни входил, ни выходил. Собор Лаодикийский в 19 своем правиле, предписав совершать о верных три молитвы, присовокупляет: «по сем уже (подобает) мир подавати, и когда пресвитеры дадут мир епископу, тогда и мирянам взаимно мир подавати и так совершати святое приношение».

⁸⁰ - Разумеется, пасхи крестной, или страстной седмицы.

⁸¹ - Tert. De orat. c. XVI (item) XX.

⁸² - Нельзя не заметить при этом, что в общем составе литургии преждеосвященных даров постоянно открываются признаки ее глубокой древности. Это опущение символа и лобзания мира может быть вполне объяснено только тем, что чин преждеосвященной литургии достаточно

был определен практикою церкви еще прежде, чем символ вошел в употребление при общественном богослужении. Иначе не найдется вполне достаточной причины для объяснения, почему это лобзание мира и чтение символа не поставлено сряду после литургии оглашенных, до явления святых даров. Оставление же лобзания мира ясно показывает, что в нашей литургии преждеосвященных сохраняются обряды, существовавшие еще во 2 веке, во времена Тертуллиана.

⁸³ - Эта молитва принадлежит св. Афанасию Великому, как утверждает Михаил Керуларий, видевший древнейшие списки преждеосвященной литургии, в которых эта молитва надписана была именем св. Афанасия.

⁸⁴ - Эта молитва не имеет буквального сходства с молитвами, соответствующими ей в литургиях Василия Великого и Златоуста, но по мысли она одна и та же во всех этих, равно как и во всех древних, литургиях.

⁸⁵ - Это действие называется возношением и означает вознесение Спасителя на крест. (Сум. Сол. гл. 98 и 99 о храме). Оно издревле совершается, как можно видеть из литургии Иакова (Bibl. T. II Lit. I. Iacob.) и из постановлений апостольских, где также находятся возглашения священническое и диаконовское. (Constit. Ap. lib. VIII, с. 13.— Iren. lib. IV, с. 34).

⁸⁶ - Злат. бес. 18-я на посл. к евр.

⁸⁷ - Theor. Myst., также Симеон Сол. гл. 99.

⁸⁸ - Сим. Сол. о храме гл. 91. — Это ответственное возглашение клира так же древне, как и возглашение священника; см. Lit. Iacin. Bibl. get Patr. T. II также Const. Ap. lib. VIII, с. 13.

⁸⁹ - В древности не только этот стих, но и весь 130 псалом был пет во время причащения клира и мирян. Прежде не только священник и диаконы, но и весь народ, мужчины и женщины, приобщались в одно и то же время, все при святом престоле (Constit. Ap. lib. VIII, с. 13. Cyril. Hieros. mystad. V). Дионисий Александрийский в послании к епископу Василиду (прав. 2) говорит: «почитаю излишним вопрос о женах, находящихся в течении крови, должно ли им в этом состоянии входить в дом Божий; потому что если оне верны и благоговейны, то, я думаю, оне в таком положении не могут дерзнуть приступить к святой Троице, или прикоснуться к Телу и Крови Христовой».

⁹⁰ - Священнодейственное преломление хлеба совершено было Самим Иисусом Христом (Лук, 14, 22), и как изображение страданий Иисуса

Христа, почиталось столь важным священнодействием во времена апостольские, что все таинство евхаристии называлось часто преломлением хлеба. (Деян. 2, 41, 20, 7. Слич. 1Кор. 10, 16). О преломлении хлеба упоминают самые древние церковные писатели. Климент Александрийский (Strom. 1 p. 318) пишет: «раздробив (преломив) по обычаю евхаристию, дозволяется каждому из народа взять частицу». Дионисий Ареопагит (Eccl. hierarch. 3, § 12) говорит: «раскрыв покровенный и нераздельный хлеб, и раздробив его на многия части, и единую чашу разделив всем, иерарх символически множит и раздает единство». Иоанн Златоуст (Бесед. 24 на 1 Кор.) рассуждает: «для чего же (апостол) прибавил: его же ломим? Ведь хотя это и бывает в евхаристии, но на кресте было не так, и даже напротив; ибо сказано: кость не сокрушится от Него?! Впрочем, чего не потерпел Он на кресте, то терпит ради тебя на просфоре, и соизволяет быть преломлем, да насытит всех». Григорий Назианзин (Письм. 240 к Амфилохию) пишет: «Благочестивый! не медли молиться и ходатайствовать о нас, когда словом низводишь слово, когда безкровным сечением отсекаешь Владычнее тело, имея мечем вещание» (Ch. Augustin. Ep. 59 ad Pavlinum). Смотри также древние литургии (Bibl. vet. Par. T. II) – Раздробляя святы́й хлеб на четыре части, священник располагает их крестовидно: это во образ крестной смерти Иисуса Христа. Симеон Солунский (гл. 93 о храме) говорит: «итак мы разделяем хлеб на четыре части, располагая их крестовидно, и в этом видим распятого Иисуса; ибо нет более высокого зрелища, как видеть высокого Бога, уничижившагося так для нас». А что значат слова, произносимые священником при четверочастном раздроблении агнца, это объясняет св. Герман: «Хотя Он (Иисус Христос) и делится, говорит св. Отец, но неразделен и несечен, в каждой отсеченной части весь познавается и обретается; ибо хотя Он и подвергся тлению смерти, но Его плоть не видела истления во аде. Следовательно, кто приобщался хотя малейшей части тела и крови Христовых, тот принял все тело и всю кровь Христа».

⁹¹ - Обыкновенно влагается та часть св. агнца, на которой изображается ИС. В то же время, как прочие части разделяются на мельчайшие частицы и потребляются, эта часть, отпечатленная собственным именем Спасителя, видимо представляет неразделяемость, неизживаемость и единство Христовой плоти и делает очевидную ту таинственную, непостижимую истину, что вси мы от единого хлеба причащаемся (1Кор. 10, 17).

⁹² - Еще прежде этого крест назнаменуется а) при возвышении агнца, б) при расположении частей агнца на дискосе, и в) при самом вложении частицы в святую чашу. Эги три креста назнаменуются в честь Святой Троицы, так как Иисус Христос совершил наше спасение благоволением Отца и сошествием св. Духа. Первый крест назнаменуется для освящения воздуха, второй для освящения земли, последний для освящения всего мира (Герман Нов. Скр. ч. 2, гл. 7, § 71).

⁹³ - Исполнение (πλήρωμα) Духа Святаго – этим означает содействие Духа Святаго в рождении и страдании Иисуса Христа, и в совершении Таин. (Нов. Скр, Ч. 2, гл. 7, § 72. Николай Кавасила гл. 37).

⁹⁴ - Теплота или горячая вода приносится и вливается в потир для того, чтобы живее изобразить истекшую теплую кровь и воду и чтобы произвесть в устах наших ощущение, что мы вкушаем самую истинную кровь Христову (Патр. Герман.– Сим. Сол. о храме гл. 56.– Матф. Властарь ст. К гл. 8). – Священник, благословляя теплоту, произносит благословенна теплота святых Твоих; чрез это он благословляет теплую веру христиан, приступающих к святому причащению; а диакон, вливая ее в потир, свидетельствует, что теплота веры производится в нас Духом Святым: теплота веры исполнение Духа Святаго. В таинственном смысле влияние теплоты в чашу означает нисшествие Духа Святаго в виде огня на святых апостолов и на всю церковь, которая здесь изображается чрез таинство или святые дары, почему и называется в священном писании телом Христовым (Ник. Кав. Лит. гл. 5). Симеон Солунский (отв. 48) говорит: «тогда (пред причащением на преждеосвященной литургии) влагается теплота не для какого-либо совершения, потому что и на полной литургии не для совершения влагается, но для того, чтобы мы, вкусивши теплая страшная чаши, уразумели, что и по смерти Христа животворящее Его тело неразлучно и нераздельно было с Божеством, как и Божественная душа, и было исполнено действий Духа».

⁹⁵ - Сим. Сол. Отв. 57.

⁹⁶ - Эта молитва отличается более выражениями, нежели содержанием, от благодарственных молитв св. Василия и св. Златоуста, равно как и от молитв, находящихся в древних литургиях Апостольской, Иакова и др. (Const. Ap. lib. VIII, c. 15. – Biblioth. get. Patg. T. III). – Барберин. ев. Марка список полагает благодарственную молитву из литургии св. Златоуста (Iacob. Goar. gar. lect. in. Miss, praesantif. p. 173).

⁹⁷ - Прежде преподавали святое причастие в отдельных видах, не только на полной литургии, но и при том богослужении, при котором не

совершалась бескровная жертва. Даже в позднейших списках, как, напр., в Барбериновом, часть агнца полагается в потир с произнесением слов: исполнение Духа Святаго. Очевидно, , по этому списку преждеосвященный хлеб не предлагается напоенным кровию, и влагается не в простое смешение вина с водою, но в таинственную кровь (Iacob. Goar. Egchol. variae lection. in. Miss. Preasantif. lit. χ et ψ. p. 172).

⁹⁸ - Нов. скриж. ч. 2-я § 85.

⁹⁹ - Св. Амфилохий повествует, что св. Василий Всликий, испросив у Бога благословение совершать литургию собственными словами и удостоившись чудесного явления ему Иисуса Христа, начал в божественном восторге возглашать: да исполнятся уста мои хваления, и другие молитвы. (Чет. – Мин. житие св. Василия Великого Янв. 1-го дня).

¹⁰⁰ - Иустина Рязанского – св. четыредесятница, литур. преждеосв. даров Малиновского, Дух. Бес. 1864 г., беседы о богослуж. свящ. Дьяченко, наст. и утеш. веры хр-кой, письма о богослуж. Бельюстина и др.

¹⁰¹ - Воскр. Чт. 1837 а.

¹⁰² - Песнь 2-я.

¹⁰³ - Песнь 6-я.

¹⁰⁴ - Песнь 3-я.

¹⁰⁵ - Душ. Чт. 1878 г.

¹⁰⁶ - Юлиана Отступника.

¹⁰⁷ - Стих. в пяток веч. перв. седм. вел. поста.

¹⁰⁸ - Воскр. Чт. 1837 г.

¹⁰⁹ - Установление велик. поста и образ провозждения его в древне-христианской церкви, Георгия Орлова. Изд. Сытина. Письма о богослуж. Муравьева. Воскр. Чт. 1839 и 1853 г.

¹¹⁰ - Св. четыред. Иннокентия Херсонск. Дни богослуж. правю церкви Дебольского.

¹¹¹ - Слово 68-е.

¹¹² - Св. Синаксар недели крестопоклонной.

¹¹³ - Еванг. Марк. VIII, 3–4.

¹¹⁴ - Евр. IV, 15.

¹¹⁵ - Канон на утрне недели крестопоклонной. Песнь 1-я, тропарь 1-ый.

¹¹⁶ - Стихира 1-ая на покл. кресту Госп. на утр. нед. крест.

¹¹⁷ - В неделю крестопокл. синаксарий. Русский Паломник. 1891 г. и

Воскр. чтение 1840 г.

¹¹⁸ - Беседы на св. четыредесятн. Иннокент. арх. Херсонского, св. четыредесятн. Иустина, еписк. Рязанского.

¹¹⁹ - Сочин. Иустина, еписк. Рязанского и Зарайского, т. X. Воскр. Чт. 1837 г.

¹²⁰ - Руков. Для сельск. паст. 1874 г. т. I-ый, стр. 368-я.

¹²¹ - Так как краткость выражений, при обилии и глубине мыслей, и древность языка делают некоторые места акафиста неудобовразумительными для всех, то мы считаем не лишним поместить переложение некоторых, менее понятных мест акафиста, в переводе, сделанном высокопреосвященнейшим Филаретом, митрополитом Московским, Взбранной Воеводе – бранно подвизающейся (за нас) Военачальнице. Благодарственная восписуем ти – дары благодарственные приносим Тебе. Конд. 2-й. Преславное Твоего гласа неудобоприятно души моей является – необычайное Твое слово неудобоприемлемым является душе моей. Икос 2-й: молчания просящих веро – Верная Хранительнице того, что требует молчания. Многословущее – многовещательное. Бесов многоплачевный струп – многоплачевное поражение демонов. Радуйся, еже како, ни единого научившая – никому не открывшая как, т. е. как совершилась тайна воплощения Сына Божия. Конд. 3-й: село сладкое – приятная нива. Икос 3-й: гобзование щедрот – многоплодие щедрот. Икос 4-й: врагов мучение – Отразительница врагов: дерзосте – дерзновение. Конд. 5-ый: Боготечную – Богодвижную. Икос 5-й: прелести пещь – печь, разженная заблуждением; варварского служения – жестокого зловерия; тления изымающая дел – извлекающая из брения нечистых дел. Конд. 6-й: оставиша Ирода, яко блядива. Слово сие (блядива), писал Филарет, имеет ныне новое позорное значение. Не должно ли по силе греческого слова поставить: яко празднослова, или яко буесловяща. Икос 8-й: неверных сумнительное слышание – о Которой слыша, неверные колеблются в мыслях. Икос 9-ый: ветия – витии; лютии взыскателие – жестокие совопросники. Отметим еще одно выражение в 1-й стихире пред окончанием: Радуйся, божественная ручкоманны. Выражение ручкоманны, писал митрополит Филарет, не точно. Манна при ковчеге завета хранилась не в ручке, а в золотом сосуде, который в священном писании называется стамною. Вероятно, вследствие указанного замечания, в некоторых изданиях теперь печатается стамно вместо ручко (Курск. еп. в. 1891 г.).

¹²² - Слово XI, том V.

- ¹²³ - В пяток Ваий, вечера, на Господи воззвах.
- ¹²⁴ - В субботу Ваий, утр. на хвалитех.
- ¹²⁵ - Слово 2 Амвросия на неделю Ваий, т. V. Дни богослуж. прав. церкви, Дебольского.
- ¹²⁶ - «Воскресный день» 1892 г.
- ¹²⁷ - Дни богослуж. прав. церкви Дебольского. Странник 1860 г. т. I.
- ¹²⁸ - Богослужение Страстной седмицы объяснено нами в отдельной брошюре: см. брошюру Георгия Орлова «Объяснение Страстной седмицы». Изд. 2-е, Москва.

Содержание

Великопостное богослужение: объяснение богослужения подготовительного к Св. Четырдесятнице и богослужения Св. Четырдесятницы священник Георгий Орлов	1
I. Церковное приготовление к Великому посту	2
II. Общий очерк богослужения в Святую Четырдесятницу	14
Полунощница и великопостная утренняя	23
Великопостные часы	30
Великое повечерие	32
Литургия Преждеосвященных даров	50
Особенности богослужения первой седмицы Великого поста	76
Особенности богослужения второй седмицы Великого поста	84
Особенности богослужения третьей (крестопоклонной) седмицы Великого поста	87
Особенности богослужения четвертой седмицы Великого поста	91
Особенности богослужения пятой седмицы Великого поста	93
Особенности богослужения шестой седмицы Великого поста	100
Приложение. Ирмосы и избранные тропари Великого канона в русском переводе	105
Примечания	112